

Секция 33
«Современные проблемы в
лингвистике»

Содержание:

Андреянова М.А. РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «МАТЬ» В РОМАНЕ М. ГОРЬКОГО «МАТЬ».....	2759
Боброва Н.В. СРАВНЕНИЕ КАК СТЕРЕОТИП (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БРИТАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА).....	2763
Буторина Н.Ф. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОВТОРЫ КАК СПОСОБ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ В КОММЕНТАРИИ К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ТЕКСТУ	2767
Головина Е.В. МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА ТЕКСТА С ПОЗИЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ НОРМАТИВНОСТИ И ВАРИАТИВНОСТИ.....	2773
Гроцкая Н.Н. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПАРАМЕТРА ДЛИТЕЛЬНОСТИ В ЯДРЕ И ПЕРИФЕРИИ ПРОСОДЕМНОГО ПРОСТРАНСТВА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА.....	2778
Денина О.О. ЛИНГВОЭТНИЧЕСКИЙ БАРЬЕР КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА МЕЖКУЛЬТУРНУЮ КОММУНИКАЦИЮ.....	2781
Евстафиади О.В. ПРЕДЛОЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ...	2785
Закирова Д.Ф., Валеева Э.Р. АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК МЕТОД КОГНИТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (К РАСКРЫТИЮ КОНЦЕПТА СЕВЕР).....	2789
Кутырева Т.А. ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ЖУРНАЛОВ.....	2791
Макаева Р.Р. АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ).....	2796
Малахова М.С. ДИСКУРС И СИТУАТИВНЫЙ КОНТЕКСТ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ.....	2802
Мосиенко Л.В. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКИХ РЕАЛИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АНДРЕ МАКИНА).....	2809
Назина О.В. ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕНДЕРА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНОМ И ЧАСТНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ.....	2816
Назина О.В. ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНОГО ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В НЕМЕЦКОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ.....	2821
Олейник О.В. НЕОЛОГИЗМЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА И СЛОВОТВОРЧЕСТВО.....	2828
Печаткина О.В. ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ИДЕИ ПРОТОТИПИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ПОЛИСЕМАНТИЧНОМ СЛОВЕ.....	2831

Романенко О.В. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ НА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ УРОВНЕ ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ШВЕЙЦАРСКОГО И ГЕРМАНСКОГО ВАРИАНТОВ НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА).....	2837
Стренадюк Г.С., Стренадюк Е.Б ОМОНИМИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ СТРУКТУР НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА В ПЕРЕСЕЧЕНИЯХ ГРАММАТИКО-ЛЕКСИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ.....	2842
Талалай Т.С. ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ МЕТОД КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ АДЕКВАТНОГО ПЕРЕВОДА.....	2850
Тулинцева Е.А. ПРОБЛЕМА ВАРИАТИВНОСТИ НОРМ.....	2858
Турлова Е.В. ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАЗВАНИЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ.....	2864
Хрущева О.А. ТЕЛЕСКОПИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В ПЛАНЕ ДИАХРОНИИ.....	2869

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «МАТЬ» В РОМАНЕ М. ГОРЬКОГО «МАТЬ»

**Андреянова М.А.
Ки (ф) РГТЭУ, Казань**

В настоящее время многие ученые изучают концепт. Концепт – это понятие науки лингвокультурологии.

Концепт определяется как многомерный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящий информацию о нем. Концепт трактуется как «познавательная психическая структура, особенности организации которой обеспечивают возможность отражения действительности в единстве разнокачественных аспектов».

Концептам присущ идеальный, абстрактный, обобщенный характер. Ряд лингвистов подчеркивает идеальный характер концепта: концепт - это «объект из мира «идеальное», имеющий имя и представления о человеке в мире «действительность» (Григорьева 2005:58), «концепт - ментальное национально-специфическое образование» (Григорьева 2005:51), «концепт – это единица ментальной информации» (Григорьева 2005:82).

Согласно Н.Д. Арутюновой, концепты – понятия обыденной, практической философии, возникающие в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей (Арутюнова 1993: 3).

Многие исследователи изучают реализацию концепта в произведениях писателей. Нами был изучен роман «Мать» русского писателя М. Горького, рассмотрена структура и средства реализации концепта «Мать», определены ядро и периферия концепта.

Произведения М. Горького отличаются яркими образами русского пролетариата, участников социалистического движения, их тяжелой и опасной жизни, физического труда, семейного уклада.

В романе «Мать» главным персонажем является Пелагея Ниловна Власова, вдова, чей сын участвует в подпольной социалистической деятельности. Также в романе описаны ещё несколько встречаются образов женщин-матерей. В романе были обнаружены разные средства реализации концепта «мать».

В первую очередь это лексические единицы, используемые для обращения к матери. Наиболее часто в романе встречается слово «мама» - 14 раз (Горький 1979: 45, 92, 93, 103, 111, 129, 135, 136, 147, 193). Чуть реже «мамаша» - 12 раз (Горький 1979: 8, 12, 16, 48, 65, 69, 71, 72, 73, 82, 107). И только семь раз герой называет слово «мать» (Горький 1979: 44, 58, 110, 120, 129, 267) и один раз обращается к ней, употребляя слово «родная» (Горький 1979: 103).

Также слова «мать», «матушка» и «мамаша» используются для обращения к взрослой женщине. Наиболее часто в этом случае употреблялось слово «мать» - 17 раз (Горький 1979: 47, 48, 75, 80, 85, 92, 140, 178, 187, 223, 261, 300). Чуть реже «мамаша» - 10 раз (Горький 1979: 198, 199, 200, 243, 244, 248, 249, 250).

Образ матери, заботливой и ласковой женщины, которая переживает и тревожится о своем сыне, радуется его удаче, гордится его достижениями, и сильно переживает из-за неприятностей своего ребенка.

Образ матери в одноименном романе грустный, печальный и тревожный:

«Слушая печальные, мягкие слова, Павел вспоминал, что при жизни отца мать была незаметна в доме, молчалива и всегда жила в тревожном ожидании побоев.<...> Широкое лицо <...> освещалось темными глазами, тревожно-грустными. <...> Вся она была мягкая, печальная, покорная...» (Горький 1979: 9).

Ещё одна героиня романа, Наташа, так рассказывает о своей матери: «Маму жалко! Она у меня простая, как вы. Маленькая такая, точно мышка, так же бегают и всех боится».

Таким образом, писатель создал образы матерей как тихих, запуганных, несчастных женщин.

«В поведении его явилось много мелочей, обращавших на себя её внимание: он <...> возбуждал у матери тревожное внимание. <...> Но росла её тревога» (Горький 1979: 11).

Как видим, очень часто употребляется слово «тревога» и его производные.

Но также нами было обнаружено много случаев, когда мать гордится своим сыном:

«А вот теперь перед нею сидит её сын, и то, что говорят его глаза, лицо слова, - всё это задевает за сердце, наполняя его чувством гордости за сына» (Горький 1979: 13).

«Мать слушала его, и в груди её дрожала гордость – вот как он складно говорит!» (Горький 1979: 24).

«Она, видимо, гордилась своим сыном, быть может, не понимая своего чувства...» (Горький 1979: 283).

«Он первый открыто поднял знамя нашей партии! – с гордостью заявил юноша, и его гордость созвучно отозвалась в сердце матери» (Горький 1979: 224).

«Иногда образ сына вырастал перед нею до размера героев сказки, он соединял в себе все честные, смелые слова, которые она слышала, всех людей, которые ей нравились, всё героическое и светлое, что она знала. Тогда, умиленная, гордая, в тихом восторге. Она любовалась им...» (Горький 1979: 221).

Много раз встречаются различные словосочетания со словами «сердце матери», «материнское сердце»:

«Да здравствует свободное слово и да здравствует сердце матери!» (Горький 1979: 65).

«Чутким сердцем мать понимала, что этому человеку тяжело...» (Горький 1979: 95).

«Если бы я имела слова. Чтобы рассказать про своё материнское сердце. <...> Заплакали бы - многие...» (Горький 1979: 158).

«Я вам скажу, а вы поверьте сердцу матери, седым волосам её – вчера людей за то судили, что они несут вам всем правду!» (Горький 1979: 316).

«Её любовь – любовь матери – разгоралась, сжимая сердце почти до боли...» (Горький 1979: 221).

«В сердце закипали слёзы, и <...> слепо и жалобно трепетало ожидание горя...» (Горький 1979: 26).

«Павел смотрел в лицо матери немного усталыми глазами, спокойно и ласково. Порою кивал ей головой, улыбался.

«Скоро свобода!» - говорила ей это улыбка и точно гладила сердце матери мягкими прикосновениями» (Горький 1979: 296).

Для героини романа многие люди, друзья и соратники её сына, как дети, она называет их родными. Сочувствует им и понимает их:

«Дети! Родные мои ...» - думает женщина об этих людях (Горький 1979: 265).

«Разве может мать не жалеть? Не может...Вы все – родные мне, все достойные!» (Горький 1979: 111).

«Вдруг люди стали родными – понимаю всех» (Горький 1979: 311).

«Все любят близкое, но – в большом сердце и далекое - близко! Вы много можете. Велико у вас материнское ...» (Горький 1979: 78). Эту характеристику дал главной действующей героине романа другой персонаж, Андрей. Он имел в виду, что у этой женщины большое доброе сердце, она многих может понять, сопереживать и помогать им. То есть она ко многим людям может относиться с материнской заботой, как если бы это были её дети.

Например, когда товарищ её сына. Николай, рассказал ей печальную историю из своей жизни, она его пожалела, как мать посочувствовала бы своему сыну:

«Ей было жалко его, и в то же время что-то в нем заставляло её улыбаться теплой материнской улыбкой» (Горький 1979: 271).

Так же относится она и к Наташе, знакомой её сына:

«Ей показалось, что она давно знает эту девушку и любит её хорошей жалостливой любовью матери» (Горький 1979: 19).

Для матери то, что связано с её ребенком также дорого и ценно, это предмет гордости:

«Ах, как я рада, кабы вы знали! Слово сына повезу, слово крови моей! Ведь это – как своя душа» (Горький 1979: 312). Эти слова говорит Пелагея, когда собирается раздавать людям листовки с речью её сына, произнесенную им на суде.

Но также мать и волнуется, переживает за то, что связано с её ребенком. Например, на суде над её сыном Павлом, Пелагее неприятно и больно было видеть, как судьи осматривают её сына:

«Ей, женщине и матери, которой тело сына всегда и всё-таки дороже того, что зовется душой, - ей было страшно видеть, как эти потухшие глаза ползали по его лицу, ощупывали его грудь...» (Горький 1979: 296).

Другая героиня романа, Людмила, тоже мать тяжело переживает вынужденную разлуку с сыном:

«Восемь лет не видела я его! <...> Если бы он был со мной - я была бы сильнее, не имела бы раны в сердце, которая всегда болит. <...> Это великолепно – мать и сын рядом, - это редко!» (Горький 1979: 311).

Ещё один образ женщины-матери это Татьяна, женщина, потерявшая детей. Она больше не сможет родить ребенка и очень страдает:

«Смерти деток моих не могу я простить ни богу, ни людям, - никогда!» (Горький 1979: 251).

«...И не умрет в ней, пока жива она, мстительная, волчья тоска матери о погибших детях» (Горький 1979: 253). Автор подчеркивает, что для матери её дети – самые дорогие люди и потеря их невыносимо тяжела.

Таким образом, в ядро концепта «Мать» в одноименном романе М. Горького входят обращения к матери: наиболее часто употребляемое «мама», «мамаша», «мать». Также в структуру ядра изучаемого концепта входит образ матери, заботливой и ласковой, которая сочувствует своему ребенку, гордится им, для которой ребенок – это самый дорогой и любимый человек.

В периферию концепта «Мать» входят обращения «мать», «матушка» и «мамаша», используемые для обращения к взрослой женщине, обращение к матери «родная».

Литература.

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. – М., 1999. – 333с.
2. Григорьева Е.А. Концепты ирреального мира в русском, чувашском, английском языках. – Казань, 2005.
3. Горький М. Мать. М.: Советская Россия, 1979. – 320с.

СРАВНЕНИЕ КАК СТЕРЕОТИП (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БРИТАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА)

Боброва Н.В.

**Орский гуманитарно-технологический институт филиал
Оренбургского государственного университета, г. Орск**

Стереотип – понятие, которым оперируют во многих науках, в частности в культурологии, психологии, лингвистике. Американский социолог У. Липпман в книге “Общественное мнение”, вышедшей в 1922 г., определил стереотип как картину в голове индивидуума относительно тех явлений, которые он не наблюдал. Такое представление о явлениях и вещах формируется под воздействием культуры, окружающей человека[9;95]. По мнению исследователя, стереотип может быть ложным, частично правдивым или правдивым [9; 114]. Ученый также считал, что стереотип экономит языковые средства. Интересна и точка зрения последователя Липпмана Роберта Бинкли, который закрепляет за стереотипом функцию снабжать людей информацией, в которой они не разбираются (для примера взяты политические события)[7;96].

В психологии со стереотипами работал О. Кленберг, который, анализируя результаты опросов, фиксирующих этностереотипы, определял их как примитивные и невосприимчивые к объективной реальности картины в умах людей [8;97].

В когнитивной лингвистике и этнолингвистике термин “стереотип” понимается как ментальный (мыслительный) стереотип, который коррелирует с картиной мира, при этом языковой стереотип понимается как суждение или несколько суждений, относящихся к определенному объекту внеязыкового мира, субъективно детерминированное представление предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности в рамках социально выработанных познавательных моделей [1; 5].

Ю.А.Сорокин трактует стереотип как некоторый процесс и результат общения (поведения) согласно определенным семиотическим моделям, список которых является закрытым в силу тех или иных семиотико-технологических принципов, принятых в некотором социуме. Можно предположить, что стереотипизация (как результат) осознается индивидуумом в форме таких видовых понятий как стандарт и норма (родовым в этом случае выступает понятие стереотип), причем стандарт является реализацией некоторой семиотической и/или технологической модели на социальном и социально-психологическом уровнях, а норма является реализацией такой модели на языковом и психологическом уровнях[5].

Такое понимание понятий позволяет разграничивать языковое и неязыковое поведение, и на основе этого можно сделать вывод, что стандарт - это неязыковая, социально-психологическая реальность, существующая на языковом уровне, выраженном нормой. Стереотип же является общим

понятием, включающим в себя и норму, и стандарт. Стереотипы выполняют ряд когнитивных функций - функцию схематизации и упрощения, функцию формирования и хранения групповой идеологии, ряд других мыслительных функций.

При этом В.А. Маслова в качестве стереотипа рассматривает устойчивое сравнение, в зеркале которого отражен человек[5;59]. С помощью сравнения обнаруживаются количественные и качественные характеристики предметов, классифицируются, упорядочиваются и оцениваются содержание бытия и познание. Посредством сравнения мир постигается как «связанное разнообразие» [ФЭС]. В философии и логике сравнение традиционно определяется как «...познавательная операция, посредством которой на основе некоторого фиксированного признака — основания сравнения — устанавливается тождество (равенство) или различие объектов (вещей, состояний, свойств и пр.) путем их попарного сопоставления [ФЭС]. В.А.Маслова, которая трактует сравнение с позиций лингвокультурологии, также справедливо отмечает, что сравнение является не просто способом познания мира, а «...способом закрепления результатов этого познания в культуре» [3; 147].

Сравнение - одна из мыслительных операций, позволяющая устанавливать тождество и различие. В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой сравнение трактуется как слово или выражение, содержащее уподобление одного предмета другому, одной ситуации – другой. В толковом словаре английского языка по редакцией Коллинза дается следующее определение: the act or process of comparing 2) the state of being compared 3) comparable quality or qualities; likeness 4) a rhetorical device involving comparison, such as a simile (действие или процесс сравнения; состояние сравнения; сравнимые качества; сходство; риторический прием - сравнение.) Само действие «сравнить» определяется следующим образом; 1) to regard or represent as analogous or similar; liken 2) to examine in order to observe resemblances or differences 3) to be of the same or similar quality or value (понимать или представлять как аналогичное или сходное; изучать для того, чтобы выявить сходство или различие; быть того же или подобного качества). Сравнение не является простым приемом, так как часто требуется дополнительная информация о том, с чем сравнивают объект.

Чаще всего объектом сравнения является человек, и представления о нем различно в разных культурах. Это представление, как уже было сказано выше, может быть стереотипным, отражая «наивную картину мира» источника таких сравнений. В данной статье мы обратимся к сравнениям как стереотипам, представленным в произведениях английских авторов XX столетия.

Значение устойчивого сравнения представляет собой сложную категорию, которая определяется как его логико-предметное содержание, представляющее собой обобщенное отражение предмета, явления или целого «кусочка» действительности[6]. Кроме того, устойчивое сравнение является одним из способов отражения языковой картины мира отдельного человека и

народа в целом [3].

Национально-культурная специфика устойчивых сравнений обнаруживается как в плане выражения, так и в плане содержания. В плане выражения - в наличии в их составе особых культурных примет-маркеров, а в плане содержания - в денотативной соотнесенности образа сравнения и сопутствующих ему коннотациях, которые отражают национальный колорит сравнения [2]. Семантика сравнения отражает специфическое национальное видение мира.

Рассмотрим устойчивые сравнения – стереотипы, выбранные из произведений английских авторов Д. Голсуорси, Г. Джеймса, Г. Уэллса, С. Моэма, Д.Г. Лоуренса, К. Мэнсфилд, О. Хаксли, Г. Грина, В. Голдинга.

Soul like new-fallen snow – душа как свежий снег

To tremble like a leaf – трястись как лист

To hurl like a bullet – нестись как пуля

Like a baby – как ребенок

To stagger like a child – шататься как ребенок

Bird-like shoulders – плечи как у воробья

Heart like a heavy bell сердце бьющееся как колокол

To sway like a young tree in the wind – качаться как деревце на ветру

To shoot out of like bullets – убежать пулей

to sneak like a thief - красться как вор

legs like pig's – ножки как у свиньи

bull -like person – человек похожий на быка

depart like a ghost – исчезать как призрак

Итак, мы видим языковые стереотипы в форме устойчивых сравнений, которые на социально-психологическом уровне выступают как проявление нормативных представлений о человеке. В указанных выше структурах показаны разные аспекты представлений о личности: о нравственности (Soul like new-fallen snow), о поведенческих особенностях (to sneak like a thief, like a baby), описывающие характер движения (to hurl like a bullet, to stagger like a child, to sway like a young tree in the wind, to shoot out of like bullets, to depart like a ghost), черты внешности (bird-like shoulders, legs like pig's, bull-like person), эмоциональное состояние (heart like a heavy bell).

В этих сравнениях присутствует актуальность сравнения и ясна основа, на которой оно строится. Безобразные сравнения отсутствуют. По структуре данные стереотипированные сравнения являются инфинитивными и именными фразами. В данной выборке преобладает инфинитивная фраза, функцией которой является показать какое-либо действие. Однако вывод о том, что англичане предпочитают стереотипизировать действия, будет неправомерным, так как выборка не отражает полностью языковую картину мира британцев. Кроме того, несмотря на то, что в художественных произведениях устойчивых сравнений меньше, чем авторских, однако они все же используются для экономии языковых средств. Можно провести аналогию с русскими устойчивыми сравнениями. В русском языке также присутствуют стереотипы о действии: вылететь пулей, красться как вор, трястись как осиновый лист.

Однако шататься как пьяный, а не ребенок, душа чиста как белый лист, а не снег, здоров как бык, а не похож на быка, плечики как у воробья, а не плечи как у птицы. Такое расхождение объясняется тем, что представители разных культур оперируют разными образами при сравнении.

-
1. Бартминский Е. Этноцентризм стереотипы: Результаты исследования немецких (Бохум) и польских (Люблин) студентов в 1993-1994 гг. // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Тезисы конференции. М., 1995.
 2. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии. Краснодар, 1999
 3. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.
 4. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие / В. А. Маслова. - Минск: 2004.
 5. Сорокин Ю.А. Стереотип, штамп, клише: К проблеме определения понятий // Общение: теоретические и прагматические проблемы. М., 1978.
 6. Уфимцева Н.В. Структура языкового сознания русских: 70-е -90-е годы // Этническое и языковое самосознание. Материалы конференции. М., 1995.
 7. Binkley Robert C. The Common Concept of Public Opinion in the Social Sciences // Social Forces. 1928. Vol. 6
 8. Klenberg O. Tensions Affecting International Understanding, 1950
 9. Lippman W. Public Opinion. N.Y., 1950

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОВТОРЫ КАК СПОСОБ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ В КОММЕНТАРИИ К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ТЕКСТУ

Буторина Н.Ф.

Оренбургский государственный университет

Любой текст в процессе его восприятия раздваивается на текст автора и текст читателя (адресата). При этом материальная форма текста остается неизменной. Адекватность восприятия текста зависит от того, насколько совпадут эти два текста, насколько адресат сумеет понять текст автора. Сближению этих текстов способствует комментарий, в котором содержится подробная информация толковательного плана, снимающая языковые трудности и сокращающая пространственно-временную дистанцию между адресатом и адресантом.

Понятия «комментарий», «ссылка», «сноска» часто путают. Это возникает из-за того, что все они обозначают текст, вынесенный за пределы основного текста и содержащий дополнительную информацию.

Комментарий, в отличие от ссылок и сносок, не содержащих толкований и объяснений, а лишь отправляющих адресата к цитируемому источнику или к комментарию, описывает конкретную ситуацию, объясняет и растолковывает предметы и явления, чуждые адресату и вызывающие непонимание или неполное понимание им текста.

Нуждающаяся в комментировании информация неоднородна. Она касается различных областей знания и бытия и обладает способностью изменяться в пространстве и времени, т.к. в каждом пространстве и времени существуют свои представления и критерии относительно того, что является существенным, а что – случайным. Отбор единиц комментария зависит не только от желания комментатора, но и от того, насколько они являются социально значимыми для адресата, содержат ли они новизну, способную расширить его кругозор и повысить образовательный уровень.

Одним из важных вопросов, стоящих перед комментатором, является вопрос представления информации в статье комментария.

Вся затекстовая информация представлена лексическими единицами, которые образуют статьи комментария.

В структурном отношении каждая статья комментария состоит из поясняемого объекта и пояснения, которые разделяются с помощью тире. Иногда после поясняемого объекта используются общепринятые сокращения для того, чтобы обозначить стилистическую маркированность лексики, источник заимствования, сферу употребления, тематическую отнесенность.

Поясняемый объект может быть представлен всеми частями речи, словосочетаниями и предложениями, а также сокращениями (аббревиатурой). Наиболее распространенными являются поясняемые объекты, выраженные существительными (именами собственными, терминами и т.д.),

предикативными словосочетаниями, фразеологизмами и предложениями. Определенную группу составляют заимствования, сокращения, авторские неологизмы, иллитерасизмы (орфографически неправильно написанные слова и предложения, в которых нарушены правила грамматики).

Правая часть комментария представляет собой восполнение культурных и языковых лакун в тезаурусе адресата. Как показало исследование, большая часть лексики, составляющая поясняемый объект, относится к периферийной зоне словаря и обладает низкой частотностью употребления. Именно частотность употребления указывает на то, что данное слово или выражение может образовать лакуну в тезаурусе предполагаемого адресата и не войти в его когнитивную базу.

Существует целый ряд способов упорядочения лексических единиц: по алфавиту, по частям речи, по частотности элементов, по именам полей из ассоциативных групп, по типам семантических связей (Караулов, 1976). Нами была предпринята попытка классифицировать единицы комментария на основе различия по типам семантических связей. Однако в том случае мы учитывали лишь те лексические единицы, которые входят в статью комментария и представляют собой поясняемый объект (левая часть комментария). Кроме этого, мы попытались создать структурно-семантическую классификацию единиц комментария на основе семантических повторов, уделяя особое внимание отношениям между поясняемым объектом и пояснением. На этот раз материалом для анализа послужит само пояснение, т.е. правая часть комментария.

Особый интерес представляют семантические отношения между поясняемым объектом и пояснением. Эти отношения основаны на семантическом повторе, так как для обозначения одного и того же конкретного предмета или явления используется повторная номинация. Семантические повторы обеспечивают развитие «приращения смысла». Причиной повторов на семантическом уровне служит стремление автора комментария уточнить и углубить понятие, сообщить о нем максимально точную и ясную информацию, то есть довести свою мысль (или мысль автора) до адресата в наиболее завершенном и полном виде.

Исследование семантических повторов в речи проводилось многими учеными в различных направлениях: с позиций стилистики (В.А. Кухаренко), литературоведения (И.Р. Гальперин, Д.С. Лихачев), психологии (Л.С. Выготский, В. Шкловский, Л.П. Якубинский), семасиологии (Н.А. Шехтман), лингвистики текста (С.И. Гиндин, Е.В. Падучева, Т.И. Сильман, и др.).

В данной работе под семантическим повтором понимается употребление двух единиц плана выражения для обозначения одной единицы плана содержания. Н.А. Шехтман в работе «Системность лексики и семантика слова» отмечает, что «за компонентами смыслового повтора стоит один, хотя и расчлененный на соотносимые признаки, референт. В каждом отдельном случае на первый план выступает лишь один из этих признаков. Благодаря повтору выясняется, какой именно признак реализуется в каждом конкретном примере»

(Шехтман 1988:46). Таким образом, семантический повтор служит приемом снятия многозначности слова, устранения неясности понимания, так как, выступая в роли лексического контекста, показывает, в каком из возможных значений употребляется многозначное слово в данном случае.

А.А. Вейзе различает полные и частичные семантические повторы (Вейзе 1985).

К полным относятся:

- простой лексический повтор;
- синонимический повтор;
- перифрастический повтор.

К частичным повторам относятся:

- антонимический повтор, основанный на контрадикторности;
- эквонимический повтор, основанный на отношении часть – часть;
- метонимический повтор, основанный на пересечении понятий;
- гиперонимический повтор, основанный на отношении род – вид;
- гипонимический повтор, основанный на отношении вид – род

Н.А. Шехтман выделяет три типа отношений между членами смыслового повтора на семантическом уровне (Шехтман, 1988).

Семантическая идентификация, которая характеризуется равным объемом передаваемых понятий.

Семантическая импликация, для которой характерно включение концептуальной структуры второго члена смыслового повтора в концептуальную структуру первого, то есть «содержание предшествующего предусматривает, имплицитно значение последующего» (Шехтман, 1988: 53).

Семантическая экспликация, для которой характерно включение в концептуальную структуру второго члена смыслового повтора некоторой дополнительной характеристики, отсутствующей в концептуальной структуре первого.

Рассмотрев обе вышеизложенные классификации, можно прийти к выводу, что семантическая идентификация относится к полным повторам, семантическая импликация и семантическая экспликация – к частичным.

Все статьи комментария, таким образом, распадаются на три группы по типу отношений между поясняемым объектом и пояснением:

1) Семантическая идентификация:

I can't stick them. – I can't endure them (Maugham / Майская 1976: 79).

В данном примере слово «endure» является словом-субститутом к «stick». Концептуальные структуры этих слов совпадают по семантическому множителю «bear». «Endure» является более употребительным синонимом «stick», поэтому значение первого слова интерпретируется, толкуется через второе.

2) Семантическая импликация.

Повторы, организованные по принципу семантической импликации, выполняют функцию конкретизации, то есть сужения значения. Связь значений элементов повтора представляет собой гипонимию (род :: вид), включение и пересечение. Например:

machine – here: bagpipes (Jerome K. Jerome / Гилбертсон 1976: 156).

Слово «machine», являющееся родовым понятием (гиперонимом), которое конкретизируется словом «bagpipes» – видовым понятием (гипонимом).

He ran everything – He organized everything (S. Maugham / Майская 1976: 152).

Данный пример иллюстрирует отношения включения. Более многозначное слово «ran» содержит в себе значение слова «organized» в качестве своей составляющей.

upset – here: overturned the boat (Jerome K. Jerome / Гилбертсон 1976: 152).

Данный пример иллюстрирует пересечение, так как помимо совпадающих значений слово «upset» содержит и дифференцирующий элемент «trouble».

3) Семантическая экспликация.

Особенностью данного повтора является то, что второй элемент, помимо семантического множителя, общего с первым элементом, содержит еще какой-либо дифференциальный признак. Связь значений элементов представляет собой гиперонию (вид :: род), то есть расширение понятия, генерализацию. Например:

Cleopatra – the famous Egyptian queen (66 – 30 BC) (Murdoch / Бабич 1989: 127);

Gee – восклицание, выражающее восхищение (Capote / Медникова 1974: 195).

Большая часть комментариев представляет собой разъяснение, описание предметов, явлений и понятий, отсутствующих или имеющих существенные различия в языке и культуре адресата текста. Само пояснение представлено в комментариях по-разному: иногда комментатор лишь отсылает нас к родовому понятию, иногда предоставляет подробную развернутую информацию. Отсылка к родовому понятию осуществляется в тех случаях, когда слово или выражение представляют собой название или термин, по которым трудно судить о том, что они обозначают. В данном случае комментатору важно, чтобы адресат понял, что обозначено данным словом или выражением, пользуясь общеизвестными родовыми понятиями, входящими в когнитивную базу каждого представителя любого социума.

Было замечено, что при отнесении к родовому понятию чаще всего используется следующая структурная схема описания:

неопр. артикль +(kind of/variety of) + ...+ существительное...

Например:

plantain – a kind of banana tree and its fruit (Maugham / Майская 1976: 104);

pandanus – a variety of Asiatic shrublike trees (any of large genus of chiefly Malayan plants having palmlike stems) (Maugham / Майская 1976: 103).

Как показал материал исследования, информация в пояснении к поясняемому объекту либо разворачивается, детализируется, либо сворачивается, конкретизируется. И в том, и в другом случае это необходимо, чтобы сблизить когнитивные пространства автора и адресата.

В первом случае развертывание информации необходимо для заполнения существующих лакун, для пополнения когнитивной базы адресата новыми понятиями.

Во втором случае необходимо сузить уже имеющиеся общие понятия и представления адресата во избежание неправильного толкования значений определенных лексических единиц. Это необходимо, прежде всего, в случае с многозначными и неоднозначными словами, а также с окказиональными употреблениями слов. Именно поэтому единицы комментария часто сопровождаются пометой «здесь». Таким образом комментатор хочет ограничить свободу адресата в истолковании лексической единицы или словосочетания, направить его интерпретацию в нужное русло. А это означает и приближение к полному пониманию текста и расшифровке авторских интенций. Например:

machine – *here: bagpipes* (Jerome K. Jerome/ Гилбертсон 1976: 156).

Среди множества значений лексической единицы “machine” существуют такие как «машина; станок», «механизм», «велосипед; автомобиль; самолет», «швейная машина» и др., но значения «волынка» не имеется. Чтобы предотвратить неверное истолкование лексической единицы и избежать деформации смысла, составитель комментария выносит эту лексическую единицу в комментарий, уточняя, в каком значении она употреблена в контексте.

Следует отметить, что конкретизация информации, т.е. ее свертывание, встречается гораздо реже развертывания. По нашему мнению, это объясняется тем, что комментарии служат заполнению лакун в когнитивной базе адресата, т.е. основная задача комментатора – сделать когнитивную базу адресата настолько объемной, чтобы она могла вместить информацию, содержащуюся в тексте. Для этого необходимо ее расширение. Свертывание же информации не предполагает сужение когнитивной базы адресата, а наоборот, тоже служит ее расширению или упорядочению, т.к. может содержать неизвестные адресату понятия и значения уже известных слов.

Из всего выше изложенного следует вывод о том, что представление информации в комментарии к художественному тексту основано на семантических повторах, к которым прибегает комментатор, выступающий посредником между адресантом и адресатом, с целью обеспечения адекватного понимания текста читателем. Генерализируя или конкретизируя понятия, представленные единицами комментария, комментатор пытается сблизить

когнитивные базы автора и читателя, их картины мира, которые разделены пространством и временем, для того, чтобы коммуникация прошла успешно.

Список литературы

1. Вейзе А.А. Чтение, реферирование и аннотирование иностранного текста. – М.: Высш. Шк., 1985. – 127 с.
2. Джером К. Джером. Трое в одной лодке. На англ. языке. Изд. 2-е, испр. – М.: Высш. Школа, 1976. – 158с.
3. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 355с.
4. Мердок А. Под сетью: (По А. Мердок): Кн. для чтения на англ. языке для студентов III курса. – М.: Просвещение, 1989. – 176с.
5. Моэм С. Рассказы. Кн. для чтения на англ. языке для студентов III курса пед. институтов. – Л.: Просвещение, 1976. – 160с.
6. Шехтман Н.А. Системность лексики и семантика слова. – Куйбышев: КГПИ им. В.В. Куйбышева, 1988. – 84с.
7. Capote Truman. The Grass Harp. Breakfast at Tiffany's. – М.: Progress Publishers, 1974. – 222p.

МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА ТЕКСТА С ПОЗИЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ НОРМАТИВНОСТИ И ВАРИАТИВНОСТИ

Головина Е. В.

Оренбургский государственный университет

Целью данной статьи является сравнение авторских концепций о методах и принципах филологического анализа (далее ФАТ) текста с позиции деятельностного подхода.

Были изучены 24 работы по проблематике ФАТ, заметим, что из 24 авторов только 8 пишут о методах анализа. Исследователями выделены 33 *метода* анализа текста, например, метод сквозного и комплексного анализа (О.И. Рыбальченко), метод моделирования (Н.С. Болотнова, А.И. Студнева.), метод лингвистического комментирования (М.П. Демидова), трансформационный метод (Н.С. Болотнова).

Между тем, понятие метода в научном исследовании является центральным, так как определяет способы получения нового знания, является руководством к действию, своеобразной исследовательской программой, что находит свое отражение в интерпретации данного понятия в философском словаре: «Метод – способ достижения определенной цели, совокупность приемов или операций практического или теоретического освоения действительности. В области науки метод есть путь познания, который исследователь прокладывает к своему предмету, руководствуясь своей гипотезой» [Философский энциклопедический словарь, 2003, с. 266]. В словарном определении сделан акцент на операциональное понимание метода.

Кроме того, в понятие метода входят некоторые установки деятельности, которые задают операциональную составляющую в понимании данного термина. Это наблюдается на примере определения понятия метод в лингвистическом словаре: «Метод – обобщенные совокупности теоретических установок, приемов, методик исследования языка, связанные с определенной лингвистической теорией или с общей методологией» [Лингвистический энциклопедический словарь, 2002, с. 298].

В работах ученых, посвященных методам ФАТ, акцент сделан на описании конкретных методов. Так, например, В.К. Андреев, Г.В. Кононов, рассматривая методы анализа текста, считают, что при проведении филологического анализа преобладают качественные методы, например, семантико-стилистический метод, метод сопоставления окончательного и чернового вариантов текста и т.д. М.П. Демидова пишет о следующих методах: семантико-стилистическом методе, о методе лингвистического эксперимента и сопоставительно-стилистическом методе. По мнению М.П. Демидовой, каждый метод состоит (воплощается) в применении различных приемов.

Обращает на себя внимание повторяемость названий методов в работах ученых, что свидетельствует о стремлении к стандартизации ФАТ, напрямую связанной с категорией деятельностных нормативности и вариативности:

«Нормативность представляет собой реализацию тенденции к сохранению всего полезного, что приобретено в деятельности. Вариативность, наоборот, есть реализация тенденции к изменению достигнутого для целесообразного улучшения, совершенствования либо по причине нецеленаправленного ухудшения, разрушения». [Суходольский, 1998, с. 22].

В работах ученых, посвященных методам, ФАТ метод стилистического эксперимента повторяется 2 раза (Н.А. Купина, Н.Н. Болдина);

семантико-стилистический метод – 5 раз (Н.А. Купина, Н.С. Болотнова, Н.Н. Болдина, В.К. Андреев, Г.В. Кононов, Демидова М.П.);

сопоставительно-стилистический метод – 3 раза (Н.А. Купина, М.П. Демидова, Н.С. Болотнова);

метод наблюдения – 2 раза (Н.С. Болотнова, А.И. Студнева);

метод эксперимента – 2 раза (Н.С. Болотнова, А.И. Студнева);

метод моделирования – 2 раза (Н.С. Болотнова, А.И. Студнева);

метод лингвистического эксперимента – 2 раза (О.И. Рыбальченко, М.П. Демидова);

метод сопоставления – 2 раза (О.И. Рыбальченко, Н.Н. Болдина);

статистический метод – 2 раза (А.И. Студнева, М.П. Демидова). Эти совпадения являются абсолютными (названия методов полностью повторяются).

Абсолютными повторениями являются названиями 9 методов, что составляет 27,3 % (коэффициент нормативности), 72,7 % методов анализа не повторяются (коэффициент вариативности).

На следующем этапе методы анализа были сгруппированы в своеобразные тематические блоки: «экспериментальные методы», «сопоставительные методы», «стилистические методы», «количественные методы», «структурные методы» и «аналитические» методы. В составе данных блоков 23 компонента – названий методов анализа.

Блок «экспериментальные методы» назван так из-за присутствия в названиях компонентов слова «эксперимент». В составе блока 4 компонента: «эксперимент», «метод стилистического эксперимента», «метод, близкий к эксперименту», «метод лингвистического эксперимента». Удельный вес данного блока от общего количества методов составляет 17,4 %.

Блок «сопоставительные методы» имеет своей основой слово «сопоставление», «сравнение». В составе блока 6 компонентов: «сопоставительно-стилистический метод», «сравнительно-сопоставительный метод», «метод сопоставления», «прием сравнения авторских вариантов», «метод сопоставления единиц с элементами общепонятного языка», «метод сравнения чернового и окончательного вариантов». Удельный вес блока составляет 26,1 %.

Компоненты блока «стилистические методы» сгруппированы на основе присутствия в названии блока слов *стилистика*, *стилистический* и под. В составе блока 4 компонента: «метод стилистического эксперимента»,

«семантико-стилистический метод», «сопоставительно-стилистический», «структурно-стилистический». Удельный вес блока – 17,4 %.

В составе блока «квантитативные методы» 2 компонента: «количественный анализ», «статистический метод». Данные методы основаны на применении статистики. Удельный вес блока – 8,7 %.

Блок «структурные методы» также состоит из 2 компонентов: «структурный метод», «структурно-стилистический метод», сгруппирован на основе ключевого слова «структура», «структурность». Удельный вес блока – 8,7 %.

Блок «аналитические методы» назван так из-за присутствия в названии методов слова «анализ», например, компонент блока – «интертекстуальный анализ» (Н.С. Болотнова). В составе блока 5 компонентов: «количественный анализ», «интертекстуальный анализ», «мотивный анализ», «метод построения анализа», «метод сквозного и комплексного анализа». Удельный вес блока – 21,7 %. Посчитав удельный вес каждого поля, мы можем говорить о том, что наиболее значимыми являются блоки «сопоставительные методы» и «аналитические методы». Экспериментальные и квантитативные методы используются редко и являются слабо разработанными (что видно из названия самих методов). В связи с чем предоставляется важным введение в практику ФАТ квантитативных методов как необходимых для получения достоверного знания.

Один и тот же метод может входить в состав нескольких блоков. Например, мы отнесли метод стилистического эксперимента к 2 разным блокам, к блоку «стилистических методов» и к блоку «экспериментальных методов». Таким образом, 69,7 % (23 метода из 33) являются компонентами данных групп методов. Таким образом, методы анализа проявляют достаточно высокую степень структурированности (способность быть в составе тематических блоков). Коэффициент вариативности данного понятия также высок (72,7 %).

Аналогичное исследование было проведено с теми исходными положениями, которые в практике филологического анализа текста называют «принципом». Здесь понятие принципа сближается с философским пониманием данного термина. В философском энциклопедическом словаре *принцип* понимается как «исходный пункт, первооснова, основополагающее теоретическое знание, не являющееся доказуемым, не требующим доказательства» [Философский энциклопедический словарь, 2003, с. 363].

6 из 24 ученых пишут о принципах анализа текста, ими выделено 15 *принципов* анализа текста, например, принцип историзма (Н.А. Купина, Н.Н. Болдина, В.К. Андреев, Г.В. Кононов) принцип филологичности (О.И. Рыбальченко.), что по количественному составу значительно меньше, чем предложенных методов (ср. 33 метода, 15 принципов). Таким образом, методы ФАТ наиболее полно отображены в работах исследователей. По мнению И.В. Петровой, «методологические принципы лингвистического анализа является фундаментом, определяющим выбор конкретных приемов и методов анализа

текста» [Петрова, 2000, с. 12]. Н.С. Болотнова при изучении методов анализа рассматривает особенности филологического анализа текста: «...историзм, антропоцентричность, культурологическая направленность, внимание к форме и содержанию в их взаимной обусловленности, лексикоцентричность [Болотнова 2007, с.27]. Мы считаем возможным сравнивать данные *особенности* анализа текста с выделенными в ходе нашего исследования *принципами* анализа текста.

Были выявлены следующие абсолютные повторения названий принципов анализа: принцип историзма – 3 раза (Н.А. Купина, Н.Н. Болдина, В.К. Андреев, Г.В. Кононов);

взаимообусловленности формы и содержания произведения – 3 раза (Н.А. Купина, Н.Н. Болдина, В.К. Андреев, Г.В. Кононов);

принцип уровневого подхода к анализу текста (Н.А. Купина, В.К. Андреев, Г.В. Кононов, И.В. Петрова);

принцип координации общего и отдельного – 3 раза (Н.А. Купина, Н.Н. Болдина, В.К. Андреев, Г.В. Кононов, И.В. Петрова);

принцип изучение текста в тройном аспекте: идейное содержание – образ – язык – 2 раза (И.В. Петрова, Н.Г. Вильданова., И.Б. Ковалева);

конкретно-исторический подход к толкованию текста (произведения) – 2 раза (И.В. Петрова, Н.Г. Вильданова., И.Б. Ковалева);

принцип понимания поэтического языка как особой формы эстетического освоения действительности, как активного средства создания художественного обобщения – 2 раза (И.В. Петрова, Н.Г. Вильданова., И.Б. Ковалева);

принцип активной роли читателя (интерпретатора) текста – 2 раза (И.В. Петрова, Н.Г. Вильданова., И.Б. Ковалева).

Абсолютная повторяемость названий принципов анализа достаточно высока, из 15 принципов повторяются 8 (53,3 % – коэффициент нормативности).

Также как и методы ФАТ, принципы были сгруппированы в 3 блока: «принцип историзма», «принципы эстетического подхода», «принципы аспектности», в составе данных блоков – 7 компонентов (46,7 % - коэффициент вариативности). Количество тематических блоков принципов анализа уступает количеству тематических блоков методов ФАТ (6 блоков методов, 3 блока принципов).

В основе блока «принцип историзма» лежит исторический подход к анализу текста. В составе блока – 2 компонента: «принцип историзма», «конкретно-исторический подход к толкованию текста (произведения)», удельный вес блока – 28,6 %. Ключевое слово блока «принципы эстетического подхода» – «эстетизм». В составе блока – 2 компонента – «понимание поэтического языка как особой формы эстетического освоения действительности, как активного средства создания художественного обобщения», «принцип учета взаимосвязи, взаимообусловленности формы и содержания произведения». Удельный вес блока – 28,6 %. В основе блока

«принципы аспектности» лежит выделение аспектов анализа текста, он состоит из 3 компонентов: «принцип уровневого подхода к анализу текста», «комплексность», «невозможность использования одной схемы толкования текста». Удельный вес блока – 42,9 %. Наиболее значимым является блок «принципы аспектуальности».

В принципах ФАТ преобладает нормативность (53,3 %), это связано с тем, что принципы задают рамки деятельности, в методах ФАТ доминирует вариативность (72,7 %). Таким образом, проблемное поле ФАТ находится в процессе формирования.

Список литературы

1. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие / Н.С. Болотнова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 520 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В.Н. Ярцева.- 2-е изд., доп. - М. : Большая Рос. энциклопедия, 2002. - 709 с.
3. Петрова И.В., сост. Лингвистический анализ художественного текста: учеб.-метод. пособие. – Магнитогорск, 2000. – 112 с.
4. Суходольский Г.В. Введение в математико-психологическую теорию деятельности. – СПб: Издательство С.-Петербургского университета, 1998. – 220 с.
5. Философский энциклопедический словарь [Текст] / ред. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. – М.: Инфра-М, 2003. – 576 с.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПАРАМЕТРА ДЛИТЕЛЬНОСТИ В ЯДРЕ И ПЕРИФЕРИИ ПРОСОДЕМНОГО ПРОСТРАНСТВА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Гроцкая Н.Н.

**Сибирский государственный технологический университет,
г. Красноярск**

Эмоции представляют собой одно из важнейших различий между культурами, проявляющееся как на вербальном, так и невербальном уровнях общения, между которыми существует определенная взаимосвязь. В последнее время национально-культурные особенности проявления эмоций и средства их выражения подвергаются всестороннему исследованию, при этом основное внимание чаще всего уделяется лексике, фразеологии, грамматике.

Цель настоящей статьи – проследить функционирование параметра длительности периферийных единиц просодемного пространства в сравнении с единицами ядра, представляющего собой просодемы-инварианты.

Под просодемным пространством понимается уровень языковых просодических единиц, реализуемых в речи в качестве вариантов просодем. Его ядро составляет пространство инвариантов, в которое входят просодемы-инварианты, образующие разные типы оппозиций, а периферийное положение занимает зона вариантов просодем, произнесенных в качестве междометий с положительными и отрицательными эмоциями. В эксперименте варианты просодем представлены назывным предложением, первичным вопросом и восклицанием.

Инвариантной единицей просодемного пространства является минимальная просодема, под которой понимается «языковая единица смысловаразличения, обусловленного местом ударения, абстрагированная из речевых материальных воплощений на основе принципов минимальности, изоморфизма, внутреннего единства, инвариантности и оппозиционности» [Коваленко 2002: 18]. Как выяснилось ранее, проявляющаяся в речи просодема должна, как минимум, состоять из одного ударного и одного безударного слогов.

При рассмотрении движения частоты основного тона (ЧОТ) было выявлено, что наложение эмоций оказывает значительное влияние на уровень движения ЧОТ. Положительные и отрицательные эмоции реализуются в речи прямо противоположными дифференциальными признаками, т. е. расширение диапазона ЧОТ происходит при произнесении междометий с положительными эмоциями и сужение диапазона ЧОТ с наложением отрицательных эмоций.

Параметр длительности – это свойство речи вообще, характеризующее ее как единое целое. Этот параметр наряду с характеристикой речи является признаком противопоставленности акцентных структур всех типов предложений, но не различает существенно коммуникативные типы предложений между собой. Под влиянием этого параметра элементы

просодического уровня языка выполняют централизующую функцию и играют ведущую роль в организации целостности просодечного пространства.

В ядре просодечного пространства немецкого языка сжатие происходит за счет предударных слогов и расширение за счет заударных слогов (рис.1).

Рис. 1

Междометия, детская речь и звукоподражания, занимающие периферийное положение, были подвергнуты анализу в сравнительном плане с вариантами просодема ядра.

Инструментальное исследование длительности междометных вариантов просодема, вариантов просодема детской речи и звукоподражаний показало, что расширение средне-фразовой длительности происходит за счет предударных слогов, что противоречит закономерностям, выявленным для нейтральной речи (рис. 2, 3, 4).

Рис.2

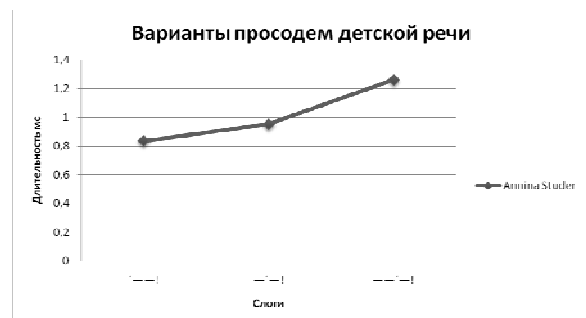

Рис.3

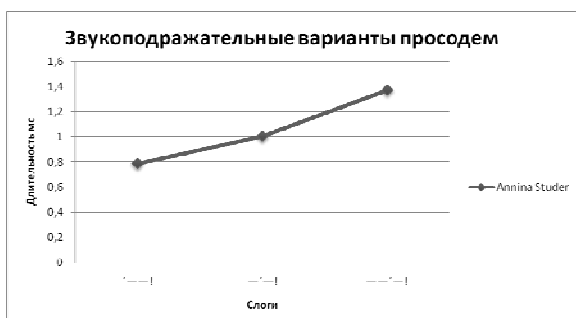

Рис.4

Этот факт объясняется тем, что в междометиях, детской речи и звукоподражаниях просодическая детерминанта восходящей звучности выполняет свою функцию управления периферическими единицами, и эта функция реализуется на периферии просодечного пространства иначе,

позволяя параметру длительности перейти в позицию нейтрализации, т.е. в свою противоположность.

Анализ длительности восклицательных предложений с положительной и отрицательной эмоциональной окрашенностью было замечено следующее: в зависимости от характера эмоциональной окрашенности наблюдается различная вариативность функционирования параметра длительности. Как видно на рис.5, междометиям, выражающим отрицательные эмоции, в отличие от междометий с наложением положительных эмоций, свойственно увеличение длительности произнесения с продвижением ударения к концу варианта двухсложной просодемы, в то время как в трехсложной просодеме наблюдается обратная закономерность, т.е. уменьшение длительности произнесения с увеличением количества предударных слогов.

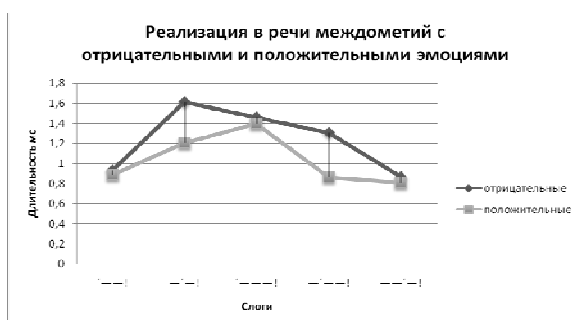

Рис.5

Таким образом, наложение эмоций на периферийные варианты просодем влияет и на акустический параметр - длительность.

Варианты просодем периферийного пространства, как показал эксперимент, проявляют закономерности, прямо противоположные просодемам-инвариантам ядра просодемного пространства, т. е. сжатие в междометных, звукоподражательных вариантах просодем и вариантов просодем детской речи, происходит за счет заударных слогов. Смена закономерностей объясняется тем, что в речи начинают преобладать гетерогенные процессы, которые противоречат детерминантным. Роль просодической детерминанты в этом процессе велика, поскольку она, являясь управляющим параметром, стремится оформить речь, делая ее просодемоподобной.

В результате проведенного исследования параметр длительности через свойство сжатие – растяжение играет одну из ключевых ролей в просодемном оформлении ядерных и периферийных единиц просодемного пространства. Как выяснилось, сжатие и растяжение слогов исследуемых акцентных структур могут проявлять прямо противоположные свойства в зависимости от их расположения в просодемном пространстве.

Литература

1. Коваленко Н. А. Системный подход к фразовой просодии слова (на материале современного немецкого языка). - Автореферат дис. ... док. филол. наук. – М., 2002.- 42 с.

ЛИНГВОЭТНИЧЕСКИЙ БАРЬЕР КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА МЕЖКУЛЬТУРНУЮ КОММУНИКАЦИЮ

Денина О.О.

Оренбургский государственный университет

Научно-технический прогресс и усилия разумной и миролюбивой части человечества открывают все новые возможности, виды и формы общения, главным условием эффективности которых является взаимопонимание, диалог культур, терпимость и уважение к культуре партнеров по коммуникации. В последние десятилетия проводилось огромное количество исследований по сопоставительному изучению языков. Повышенный интерес к сопоставительной лингвистике объясняется возросшей коммуникацией и взаимодействием языков, стремлением улучшить преподавание и изучение иностранных языков, а также разработкой методики преподавания иностранного языка с учетом характерных особенностей родного. Сопоставляя разные языки и культуры, мы понимаем, что межкультурные коммуникации иногда сопряжены с непреодолимыми сложностями. Возникает конфликт культур.

Что такое конфликт культур? Чтобы понять суть термина конфликт культур, следует вдуматься в русское слово иностранный. Его внутренняя форма абсолютно прозрачна: из иных стран. Родная, не из иных стран, культура объединяет людей и одновременно отделяет их от других, чужих культур. Иначе говоря, родная культура — это и щит, охраняющий национальное своеобразие народа, и глухой забор, отгораживающий от других народов и культур. Таким образом весь мир делится на своих, объединённых языком и культурой людей и на чужих, не знающих языка и культуры. Взаимосвязь языков и культур, необходимость их соизучения не вызывает сомнения. Однако здесь необходимо сделать важное методологическое замечание. Дело в том, что существенные особенности языка и тем более культуры вскрываются при сопоставлении, при сравнительном изучении языков и тем более культур. Это призвано подчеркнуть особую неясность, невидимость культурного барьера на уровне одной культуры. Если языковой барьер абсолютно очевиден, то барьер культур становится явным только при столкновении (или сопоставлении) родной культуры с чужой, отличной от нее. Самые очевидные примеры столкновений культур дает просто реальное общение с иностранцами как в их стране, так и в своей родной. Такого рода конфликты порождают множество курьёзов, анекдотов, смешных сюжетов («наши за границей», иностранцы в России и т. п.), неприятностей, драм и даже трагедий. Итальянская семья усыновила черныбыльского мальчика. Ночью в посольстве Украины в Риме раздался звонок: взволнованный женский голос просил о помощи: «Приезжайте скорее, мы не можем его уложить спать, он кричит, плачет, будит соседей». На место происшествия помчалась посольская машина с переводчицей, которой бедный мальчик объяснил, рыдая: «Я хочу спать, а они надевают на меня

костюм!» Ложиться спать для мальчика обозначало: раздеваться. В его культуре не было пижамы, да еще имеющей вид тренировочного костюма.

Варна выделил шесть основных препятствий, или «камней преткновения», мешающих эффективной межкультурной коммуникации.

1. Допущение сходств. Одной из причин непонимания при межкультурной коммуникации становится то, что люди наивно предполагают, будто все они одинаковы или, по крайней мере, достаточно схожи для того, чтобы легко общаться друг с другом. Разумеется, всем людям присущ ряд базовых сходств в биологических и социальных потребностях. Однако коммуникация - это уникальная человеческая особенность, которую формируют специфические культуры и общества. Действительно, коммуникация представляет собой продукт культуры. Кроме того, выходцы из некоторых культур делают больше допущений в отношении сходств, чем выходцы из других; т. е. степень допущения людьми того, что другие им подобны, варьирует для разных культур. Таким образом, само допущение сходств представляет собой культурную переменную.

2. Языковые различия. Когда люди пытаются общаться на языке, который знают не в совершенстве, они часто полагают, что слово, фраза или предложение имеют одно и только одно значение - то, которое они намерены передать. Делать такое допущение - значит, игнорировать все остальные возможные источники сигналов и сообщений, включая невербальную экспрессию, интонацию голоса, позу, жесты и действия. Поскольку люди цепляются за одиночные, простые интерпретации того, что, в сущности, является сложным процессом, постольку в коммуникации будут возникать проблемы.

3. Ошибочные невербальные интерпретации. В любой культуре невербальное поведение составляет большую часть коммуникативных сообщений. Но очень трудно полностью понимать невербальный язык культуры, не являющейся вашей собственной. Неправильная интерпретация невербального поведения может легко привести к конфликтам или конфронтации, которые нарушают коммуникативный процесс.

4. Предубеждения и стереотипы. Стереотипы и предубеждения в отношении людей - естественные и неизбежные психологические процессы, которые влияют на все наши восприятия и коммуникативные контакты. Излишняя опора на стереотипы может помешать нам объективно посмотреть на других людей и их сообщения и найти подсказки, которые помогут проинтерпретировать эти сообщения в том ключе, в котором нам намеревались их передать. Стереотипы поддерживаются множеством психологических процессов (включая избирательное внимание), которые могут негативно влиять на коммуникацию.

5. Стремление оценивать. Культурные ценности также влияют на наши атрибуции в отношении других людей и окружающего нас мира. Различные ценности могут вызывать негативные оценки, которые становятся еще одним камнем преткновения на пути к эффективной межкультурной коммуникации.

6. Повышенная тревога или напряжение. Эпизоды межкультурной коммуникации часто связаны с большей тревогой и стрессом, чем знакомые ситуации внутрикультурной коммуникации. Во многих случаях определенная степень тревоги и напряжения необходима для оптимального «выступления», будь то в межкультурной коммуникации или в других сферах жизни (например, при сдаче экзамена или в спортивных состязаниях). Однако излишняя тревога и стресс могут привести к дисфункциональным мыслительным процессам и поведению. Стресс и тревога могут сделать еще большими все прочие камни преткновения, повышая вероятность того, что люди станут догматично цепляться за жесткие интерпретации, держаться стереотипов, несмотря на объективные свидетельства об обратном, и негативно оценивать других. Таким образом, излишняя тревога и стресс только вредят межкультурной коммуникации.

Учитывая все описанные проблемы, мы можем спросить: как нам их преодолеть, чтобы стать участником эффективной межкультурной коммуникации? В последние 10-20 лет исследователи уделяли значительное внимание этому вопросу, обозначив его как межкультурно-коммуникативная компетентность.

Если говорить о литературе, то и здесь можно говорить о конфликте культур. Чтение иностранной литературы неизбежно сопровождается и знакомством с чужой, иной страны культурой, и конфликтом с ней. В процессе этого конфликта человек начинает глубже осознавать свою собственную культуру, свое мировоззрение, свой подход к жизни и к людям. Книги, запрещаемые тем или иным политическим режимом, ярко свидетельствуют о конфликте идеологий, о несовместимости культур (в том числе и внутри одной национальной культуры). Разумеется, чтение иностранных авторов — это вторжение в чужой монастырь. Мы видим и, главное, оцениваем этот чужой мир через призму своей культуры.

Совершенно особое значение имеет решение проблем межкультурной коммуникации для преподавания иностранных языков. Тесная связь и взаимозависимость преподавания иностранных языков и межкультурной коммуникации очевидны. Каждое практическое занятие — это перекрёсток культур, это практика межкультурной коммуникации, т.к. каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру. Новое время и новые условия потребовали пересмотра как общей методологии, так и конкретных методов и приёмов преподавания иностранных языков. Совершенно изменились мотивы изучения иностранных языков, в связи с чем понадобилось коренным образом перестроить преподавание иностранных языков. Основная задача преподавания иностранных языков в России в настоящее время — это обучение иностранному языку как реальному и полноценному средству общения. Внезапное и радикальное изменение социальной жизни нашей страны, её вхождение в мировое сообщество сделало иностранные языки реальным средством общения. Без знания мира изучаемого языка невозможно изучать язык как средство общения.

Список использованных источников

- 1 С.Г.Тер - Минасова. Язык и межкультурная коммуникация./С.Г.Тер-Минасова – М. : Слово./ Slovo, 2000. – 261 с. ISBN 5-85050-240-8
- 2 Библиотека психологии Гумер - Мацумото Д. Психология и культура.
htm Internet

ПРЕДЛОЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Евстафиади О.В.

Оренбургский государственный университет

Обусловленность представляет собой такое отношение, которое состоит из двух частей, первая из которых, называется условием, а вторая – следствием. Если условие представлено явлением А, а следствие явлением Б, то содержание этого отношения таково, что осуществление А, приводит, может привести или привело бы к осуществлению Б. Иными словами Б зависит от осуществления А.

Традиционно обусловленность выражается в условных конструкциях, которые представляют собой бипредикативные семантические конструкции (сложноподчиненные предложения), которые эксплицитно маркируют зависимость пропозиции главного предложения от пропозиции придаточного.

Здесь условные отношения передаются эксплицитно в придаточной части, которая вводится союзом *if* и другими союзами и союзными словами: *when, unless, in case (that), on condition that, so/as long as, what if, in the event that, assuming that, suppose/supposing (that), provided that, providing that, say, on the understanding that*.

Однако условные отношения могут также выражаться и в простых предложениях.

Под простым предложением понимается монопредикативная синтаксическая конструкция, используемая в речевых актах, и реализующая определенную структурную схему [2].

Предложение организуется в виде последовательности знаменательных членов, занимающих в нем свои системно-определенные позиции. Такими «позиционными» членами простого предложения являются подлежащее, сказуемое, дополнение, определение, обстоятельство, вводный член, член-обращение. Все члены иерархически связаны таким образом, что каждый из них выполняет некоторую модификационную роль. Конечным объектом модификации служит предложение в целом, а через предложение – отражение ситуационного события [1].

Очень часто обусловленность в простом распространенном предложении содержится в особых обстоятельствах, получивших название «условных». Обстоятельства условия, являясь второстепенным членом предложения, отвечают на вопрос “*on what condition?*” и называют условие (для выделения которого требуется соответствующая мыслительная операция), необходимое для протекания или осуществления действия предложения.

Обстоятельства условия в современном английском языке могут быть выражены:

а) предложными конструкциями:

- 1) *with* + существительное/ герундий/ местоимение,
- 2) *without* + существительное/ герундий/ местоимение

3) *but for* + существительное/ герундий/ местоимение.

Обстоятельства условия с предлогом *with* по своему значению соответствует утвердительному предложению, обозначающему такое условие, при реализации которого могло бы осуществиться предполагаемое действие.

Например,

With your permission, I'll go about my duties. (Garwood Julie, Wedding) – С твоего позволения, я займусь своими обязанностями. Предложную конструкцию можно заменить на условное предложение «Если ты позволишь...» - *If you permit me, I'll go about my duties.*

*She smiled so that Netta's feelings wouldn't be injured, and then said, "I'll do much better **with my next attempt**."* (Julie Garwood, Wedding)

Обстоятельства условия с предлогами *without* и *but for* по своему значению соответствуют отрицательному условному придаточному и выражают такое условие, при наличии которого предполагаемое действие не смогло бы осуществиться.

*Just how long could a person live **without water**, anyway?* (King, The Girl Who Loved Tom Gordon) – Сколько же мог бы человек прожить без воды?

В данном случае предложная конструкция трансформируется в придаточное условия «...при условии, что он бы не пил». - *Just how long could a person live on condition that he did not drink, anyway?*

*He would have died—many times over—**without this animal**.* (Evans Linda, Far Edge Of Darkness)

*I'm going to talk to you about Providence. I apologize for using an unfashionable word, **but for the life of mine** I can't find a better one.* (Walker Lars, Wolf Time)

б) Обстоятельство условия выражается также предложной конструкцией существительного, передающего понятие условия своим лексическим значением.

*Yes, **under usual circumstances** I would agree with your evaluation.* (Garwood Julie, Castles) – При обычных обстоятельствах я бы согласилась с твоей оценкой.

Предложную конструкцию «*under usual circumstances*» можно соотнести с условным предложением, заменив его на «*If there were usual circumstances...*»

***In another place and time**, Trisha would have stared at this exotic apparition with breathless wonder, but now the bird barely registered.* (King, The Girl Who Loved Tom Gordon)

Начальная позиция обстоятельства, а также сказуемое в сослагательном наклонении усиливают значение обусловленности.

Условие также может передаваться в обстоятельствах места, выраженных в виде сочетаний предлога *in* с существительными, не обнаруживающими лексической связи с обусловленностью.

*Roy said that, **in Martell's shoes**, he would go directly to a psychiatrist* (Walker Lars, Wolf time) - Roy said that if he were Martell, he would go directly to a psychiatrist.

In the Shareholders' current panic, they would give their support to these idiots and not to the voice of reason (Freer D., Flint E., Genie out of the bottle) – If we were in panic like the Shareholders, they would give their support to these idiots and not to the voice of reason.

He really was a libertine. No wonder he'd moved to the country. In town, his neighbors would've dragged him through the streets and heaped ridicule on his head. (Evans Linda, Far Edge Of Darkness) – If he had lived in town, his neighbors would've dragged him through the streets and heaped ridicule on his head.

Такие обстоятельства часто занимают начальную позицию и выделяются запятой.

Однако надо заметить, что условное значение выделенных нами предложных конструкций не всегда легко распознается, за исключением сочетаний предлога *but for* с существительными.

Например, *I live in this place.*

В данном примере предложная конструкция «*in this place*» является обстоятельством места и не передает условия.

Поэтому для актуализации обусловленности употребляются маркеры, создающие потенциально-ирреальную или гипотетическую модальность простого предложения. Такими маркерами являются:

1) глагол-сказуемое в сослагательном наклонении:

I don't know what we would do without him. (Garwood Julie, Castles) - ...if he didn't help us.

In your place, I would be raging inside too, but it's important that you stay clearheaded so you can find her." (Garwood Julie, Wedding) – If I were in your place...

Wilkie and Gugliano had been killed in traffic accidents. Under ordinary circumstances, that wouldn't have aroused his suspicions. (Evans Linda, Far Edge Of Darkness) - If there had been ordinary circumstances...

2) футуральная ориентация сказуемого, выраженного, как правило, будущим неопределенным:

"With your permission, I'll see to the task," Crispin called out from the entrance. (Garwood Julie, Wedding) - ...if you permit.

"You'll turn my head with such praise, mi'lady. (Garwood Julie, Wedding) - ...if you praise me in such a way.

3) модальные глаголы в комплексе с отрицанием:

You shouldn't judge without knowing all the facts. (Garwood Julie, Castles) - ... if you don't know all the facts.

No one could get in or out of his fortress without permission. (Garwood Julie, Wedding) - No one could get in or out of his fortress if you don't permit.

Rufus' fear was understandable, but Aelia would never give up on the hope of escape—for both of them. And neither could escape without help from the other. (Evans Linda, Far Edge Of Darkness) - And neither could escape if they did not help each other.

4) глагол-сказуемое в отрицательной форме:

She didn't want to live without love, and that meant she was going to have to make Connor change his attitude, and how would she ever be able to do that? (Garwood, Wedding Julie) - ...if nobody loved her.

You might as well accept the fact that men never tell their wives anything without prodding, Brenna. (Garwood Julie, Wedding) - ...if they don't prod them.

5) наличие оппозиционной ситуации, выраженной лексически, в сочетании со сказуемым в сослагательном наклонении:

She loves schedules. She believes life would be chaotic without them. (Garwood Julie, Castles) - ...if there were no schedules.

Without organization we would have anarchy. (Garwood Julie, Castles) – if there were no organization.

Таким образом, краткий анализ предложных конструкций показал, что выявление условного значения таких конструкций зависит от определенных маркеров, создающих потенциально-ирреальную и гипотетическую модальность простого предложения.

Литература.

1. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики: Учеб. – 4-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2005. – 239 с.

2. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Г.Г. Почепцов. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учебник. - М.: Высш. шк., 1981. – 285 с.

Источники.

1. Evans Linda, Far Edge Of Darkness. www.baen.com.
2. Freer D., Flint E. Genie out of the bottle. www.baen.com.
3. Garwood Julie, Castles. www.webreading.ru
4. Garwood Julie, Wedding. www.webreading.ru
5. King St., The Girl Who Loved Tom Gordon. www.homeenglish.ru
6. Walker Lars, Wolf time. www.baen.com.

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК МЕТОД КОГНИТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (К РАСКРЫТИЮ КОНЦЕПТА СЕВЕР)

Закирова Д.Ф., Валеева Э.Р.

**Татарский государственный гуманитарно-педагогический
университет, г. Казань**

Свободный ассоциативный эксперимент является известным и давно применяется в различных областях науки, таких как психолингвистика (Залевская, 1987), семасиология (Левицкий, Стернин, 1991), а также когнитивная лингвистика.

Так, «Толковый словарь В.И.Даля» (т.7, с.565) определяет ассоциативный эксперимент следующим образом:

Ассоциативный эксперимент (АЭ) – это опрос некоторого количества людей, как правило, объединенных некой общностью (знаний, сферы, деятельности, языка, места рождения и т.д.) на предмет выявления их ассоциаций (реакций) на определенные стимулы. Информация о респондентах, а также их ассоциации со стимулами вносятся в базу данных, позволяющую формировать статистику и, в дальнейшем, анализировать пары «стимул-реакция» (или обратное соотношение «реакция-стимул») в общем или в разрезе различных групп респондентов. Цель проведения АЭ – формирование широкой (т.е. содержащий большое количество пар стимул-реакция) и глубокой (т.е. включающей большое количество ассоциаций на каждый стимул) базы данных, на основе которой возможно:

- Понимание ассоциативного ряда усредненного респондента в современный период;
- Построение и анализ ассоциативных взаимосвязей между словами, поиск закономерностей;
- Формирование прямого и обратного ассоциативного словаря.

Таким образом, нами осуществлялся свободный ассоциативный эксперимент с целью раскрытия специфики содержания концепта «север» а также его производных «северянин», «северный» в русском языковом сознании.

Испытуемым предлагалось зафиксировать 6 первых пришедших им в голову реакций (слов, словосочетаний) на слово-стимул. При анализе результатов эксперимента учитывались все ассоциаты, включая и единичные. В эксперименте принимали участие 82 испытуемых: 60 студентов I, II курсов стоматологического, педиатрического и лечебного факультетов Казанского государственного медицинского университета и 22 студента I курса экономического факультета Института экономики управления и права. Возраст ответчиков – 16-20 лет, родной язык – русский. Получено 492 ассоциативных реакций, из них 82 первые реакции.

Реакции, имеющие сходное смысловое содержание, обобщались.

Данные эксперимента были разделены на семантические группы:

«чувственные» ассоциаты (всего 205):

ассоциаты по цвету (белый 53, голубой 11, синий 6 -70),

ассоциаты осязательные (холодный 45, морозный 30, ветреный 19 – 94),

ассоциаты по степени отдаленности (далекий 32, крайний 9 – 41)

ассоциаты по географическому месторасположению, проживанию гражданина (Россия 73, Аляска, США 20 - 93),

когнитивные ассоциаты (всего 151):

фольклорные – сказочные персонажи (снежная королева 54, мишка на севере 41, дед мороз 40 – 135);

литературные (стихи 10, Есенин 6 – 16);

ассоциаты, связанные с природными явлениями (зима 60, снег 54, холод 49 – 163);

зоо-ассоциаты (медведь 43, пингвин 37, олень 36 – 116);

ассоциаты, имеющие отношение к внешности северянина (невысокий 22, старый 20, узкоглазый 10, мужественный 8 - 60);

ассоциаты, отражающие черты характера северянина (необщительный 45, трудолюбивый 37, суровый 25, разумный 21, терпеливый 12);

индивидуальные ассоциаты (биржа труда 1, Юг 3, борода 1, в руке охапка бревен 1, клевер 2 – 7).

Ученые выдвигают разнообразные модели структуры концепта (З.Д. Попова – в виде облака, И.А. Стернин – в виде плода). Основываясь на проведенный эксперимент, мы моделируем фрагменты концепта «север». Стернин подчеркивает, что базовый слой концепта закодирован в чувственной форме. Это находит подтверждение в экспериментальных данных: самая многочисленная и наиболее частотная семантическая группа – ассоциаты - «чувства», они сопровождаются ассоциатами, имеющими отношение к природным явлениям, внешности и чертам характера жителей севера.

Затем, на базовый слой «наслаивается» когнитивный, и тем самым составляет 151 ассоциацию.

Далее указаны не менее важные слои – ассоциаты, отражающие как внешнюю, так и внутреннюю сущность северянина.

Тем самым, ассоциативный эксперимент выступает в качестве доказательства «послойной» структуры концепта, являясь методом исследования различных концептов в когнитивной лингвистике.

Литература.

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 7 т. М., 1990.
2. Залевская А.А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике. Калинин, 1987.
3. Левицкий В.В., Стернин И.А., Экспериментальные методы в семасеологии. Воронеж, 1991.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ЖУРНАЛОВ

Кутырева Т.А.

Оренбургский государственный университет

К необходимости изучения англоязычных типовых эпистолярных текстов (писем) приводит их недостаточная изученность, как письменной формы общения и реализации в них гендерных особенностей. А также стремительное возрастание роли информационных процессов в современном мире, частичное снятие языковых барьеров, связанное с распространением английского языка как средства межкультурной коммуникации. По данным ряда исследователей, 85% переписки в мире происходит на английском языке.

Эпистолярная литература (от греческого *epistole*) – это «переписка, изначально задуманная или позднее осмысленная как художественная проза, предполагающая широкий круг читателей». /3:512/

Этот жанр развился из бытовой переписки, «превратив обмен корреспонденцией в повествовательный прием, «корреспондентов» – в персонажей, и подчинив «письмо» основным законам художественной условности». К образцам ранней эпистолярной литературы относятся письма Эпикура, которого по праву принято считать классиком этого жанра, а также письма Цицерона, Сенеки, Плиния Младшего.

Эпистолярная литература развивается по двум направлениям: «частная переписка» и «открытые письма». Среди «открытых писем» особо следует выделить «Письма провинциала» (1656-1657 гг.) Б. Паскаля, «Письма суконщика» (1723-1724 гг.) Дж. Свифта, дающие отклик на многие актуальные и на сегодняшний день, вопросы.

В «частной переписке» историко-литературный интерес представляют «письма» маркизы де Севинье (написаны в 1644-1696 гг., начали публиковаться с 1726 г.), которые отражают нравы, вкусы и жизнь отдельных лиц, воскрешают давно ушедшую эпоху, запечатлевают важные события исторического масштаба.

Письмо – это явление, неотделимое от общественной жизни любой лингвокультуры, в которой существует письменная речь. Многогранность общества определяет разнообразие писем. Социальный фактор является одним из важнейших в плане влияния на особенности письма: образ жизни, мировоззрение, культурные ценности отражаются в посланиях, позволяя проследить основные тенденции развития общества на данном этапе.

Изменения в культурной жизни Англии XIX в. заставили общество по-новому взглянуть на эпистолярное искусство. Оно перестало быть в первую очередь искусством, как в XVIII в., на первый план вышла коммуникативная задача. Желание переписываться было огромным, однако практически никто, за исключением аристократии, не обладал навыками в этой области, в результате к

середине XIX века появились многочисленные издания, посвященные искусству правильного написания писем, т.е. письмовники.

Что касается развития эпистолярной культуры в США, то ее можно проследить с момента зарождения государства (во многом под влиянием английской эпистолярной традиции XVII века). Личное письмо во время так называемого «колониального периода» Америки было одним из важнейших литературных жанров. Письма Уильяма Берда (Byrd), Бенджамена Франклина, Томаса Джефферсона, Джона Адамса являются блестящими примерами.

В современном языкознании существует, главным образом, пять точек зрения на статус эпистолярия в системе функционально-стилистических отношений:

- 1) функциональный стиль (Ш. Балли, Г.О.Винокур, К.А. Долинин, А.И. Ефимов, О.Б. Сиротина, О.Н. Седова, Л.В. Щерба);
- 2) специфический жанр, понимаемый как разновидность того или иного функционального стиля (М.Н. Кожина, Д.Э. Розенталь, И.Р. Гальперин, Л.В. Нижникова и др.);
- 3) синтез различных стилей и жанров (Е.И.Прохоров, Н. Степанов);
- 4) речевой жанр (Н.И. Белунова, Л.Е. Тулеина, Т.В. Матвеева);
- 5) специфический жанр разговорного языка (Московская школа функциональной социолингвистики, в частности, Е.А. Земская).

Всеми исследователями определяется формула эпистолярного текста следующим образом: адресант - сообщение - адресат.

Общим признаком эпистолярных текстов, в отличие от других письменных текстов, является реализация фатической функции и фатической интенции языка. Фатическая функция реализуется контактоустанавливающими и контактоподдерживающими единицами, представленными этикетными формулами и вводноконтактными единицами. Фатическая интенция реализуется только в письмах с неофициальными отношениями (семейные, интимные, дружеские) наряду с информативной, оказывая влияние на структуру дискурса и отбор языковых средств.

В ходе исследования данной темы нами было выяснено, что изучение языковой личности через призму пола выдвигается на центральное место в связи с формированием особой гуманитарной науки – лингвистической гендерологии. В качестве основного в категориальный аппарат данного научного направления входит понятие «гендер», которое представляет собой социокультурный конструкт, позволяющий акцентировать социальные и культурные аспекты взаимодействия полов с учетом их биологических особенностей, то есть особенностей мужского и женского поведения, общения, мышления в зависимости от гендерных стереотипов мужественности или женственности, предписываемых обществом, а не природой.

В последние годы гендер рассматривается как один из параметров, при помощи которого в общении конструируется социальная идентичность говорящего. В науке пока не сложилось единой концепции исследования

гендера в коммуникации. Но наиболее значимыми являются работы Деборы Таннен, А.В. Кирилиной, Е.И. Горошко, Т. В. Гомон и Е. С. Ощепковой.

В процессе исследования удалось получить количественные данные, на основании которых можно говорить о присутствии гендерных различий в письмах, опубликованных в англоязычных журналах «Cosmopolitan», изданных в США и Великобритании за 2003 – 2006 годы, собранных путем сплошной выборки.

Итак, следует обратить внимание на то, что мужской текст короче женского, а среднее количество слов в предложениях написанных и мужчинами и женщинами составляет 17 слов. Но было отмечено, что мужчины чаще выражают свои мысли в предложениях длиной 17-20 слов, а женщины – предложениями в 8-9 слов и 22-30.

Значительная разница была получена при сравнении общего количества употребленных существительных. Следует отметить, что мужчины охотно используют разнообразные существительные и показывают большее разнообразие словаря.

23 % от общего количества слов в женских письмах составляют глаголы, в то время как у мужчин этот показатель равен 16 %. Причём женщины чаще используют такие временные формы как Present Indefinite Tense и Present Perfect Tense. Мужчины же употребляют Present Indefinite Tense и Present Continuous Tense.

Также в ходе исследования было отмечено, что женщины чаще и охотнее используют прилагательные в описании своих идей и мыслей, разнообразных эмоций (confident – уверенный; assertive – напористый; awkward – неудобный; upset – расстроенный, огорченный; paranoid – параноидный, напоминающий паранойю; self-conscious – застенчивый, неловкий; lovely – красивый, прекрасный, привлекательный).

Качественный анализ мужских текстов показал, что в них намного меньше описаний и упоминаний своих эмоций, особенно не согласующихся с образом «настоящего мужчины». Мужские тексты скупы на прилагательные. Создается впечатление, что мужчины используют их только в случаях крайней необходимости. Используемые прилагательные более однообразны. Часто одно и то же прилагательное может быть употреблено в письме несколько раз.

В текстах женских писем обнаружены также междометия и восклицательные конструкции, являющиеся ярким средством выражения субъективно-эмоционального отношения автора к сообщаемому.

Важная особенность писем - частотное употребление вводных единиц. Вероятно, это связано с тем, что социальный статус авторов писем ассоциируется со свободой выражения мысли, мнения, компетентностью в широком круге вопросов. Вводные единицы создают атмосферу непринужденности, необходимую для дружеского письма. Они вносят в высказывание значения уверенности, возможности, сожаления, радости, они делают высказывание двуплановым, «двуголосным», полифоничным.

В ходе исследования также было отмечено, что женщины употребляют вводные слова гораздо чаще и охотнее. Например, такие как: *in the end* – в заключение, в конечном счете; *in the meantime* – между тем; *however* – однако, тем не менее; *perhaps* – возможно, наверно; *fortunately* – к счастью; *also* – к тому же; *either way* – так и так.

Также было отмечено употребление мужчинами сленга (*slang*) и разговорной лексики.

Так как письма, напечатанные в журналах рассчитаны на широкий круг читателей разного пола, возраста, социального статуса, авторы писем зачастую опускают личность собеседника или адресата. Мы не встретим обращений, местоимений второго лица или других указаний на адресата. Повествование ведется от первого лица с частым употреблением местоимения I и упоминания о третьем лице.

В журналах мы находим письма без формальных элементов: указание адреса, места написания, даты, обращения.

Еще одной особенностью исследуемой нами группы писем является их лаконичность, краткость, сжатость. Автор письма стремиться выразить свои мысли и желания проще, четче и короче, так как он ограничен печатным пространством, определенными рамками и условностями. Как правило, популярные гляцевые журналы, такие как «Cosmopolitan», «Esquire», «Men's health», «OK!» носят развлекательный характер, и не рассчитаны на внимательное и вдумчивое чтение. И длинное подробное описание мыслей, чувств, переживаний, событий здесь не приемлемо. Более того, читатель не имеет представления о ком или о чем может идти речь. Поэтому цель автора схематично и четко изложить желаемое.

Эти особенности явились на наш взгляд факторами отчасти подавляющими проявление гендерных особенностей группы исследуемых нами писем.

Мы также хотим заметить, что все различия в частоте употребления частей речи мужчинами и женщинами не столь значительны. Из этого можно сделать вывод, что выделенные нами признаки не ярко выражены в тексте исследуемых писем, и заметить их простому читателю довольно сложно.

Мы поддерживаем позицию Х. Котхофф, А.В Кирилиной и Е.И. Горошко, что различия между мужской и женской письменной речью носят вероятностный характер, и что четких персональных признаков, которые имеются исключительно у мужчин или у женщин, не существует.

Собранный материал и сделанные выводы могут найти применение на занятиях по письменной речи в курсе английского языка, при разработке спецкурсов и спецсеминаров по лингвострановедению и лингвокультурологии.

Список использованной литературы

1. Горошко, Е. И. Особенности мужского и женского стиля письма. / Е.И. Горошко. // Гендерный фактор в языке и коммуникации, Сборник научных трудов, МГЛУ, выпуск 446, Москва, - 1999, - с.44-60.

2. Земская, Е. А. О чем и как говорят женщины и мужчины. / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. // Русская речь, 1989, №1, с.с.42-46.
3. Литературный энциклопедический словарь. – М.: Изд. Советская энциклопедия, 1987. с. 512.
4. Ощепкова, Е. С. Психологические особенности мужчин и женщин, проявляющиеся в письменной речи. / Е.С. Ощепкова // Доклады Первой Международной конференции "Гендер: Язык, Культура, Коммуникация", М.: МГЛУ, 2001, с.с. 279-289.
5. Реализация фатической функции в эпистолярных текстах частной переписки // Динамический аспект лингвистических исследований: материалы Всероссийской научной конференции, 21-23 апреля 1999. - Челябинск. -Ч. 1.-С. 174-178.
6. Эпистолярная литература // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. Т. 8 / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Изд. Советская энциклопедия 1975. - С. 918-919.

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

Макаева Р.Р.

Оренбургский государственный университет

В настоящее время все большее подтверждение находит идея о распространении английского языка в мировых масштабах, в том числе в России, в виду благоприятных общественно-исторических условий развития нации-носителя этого языка и соответствующего основным, предъявляемым к нему требованиям. Одно из последствий глобализации английского языка – увеличение числа интернациональной лексики английского происхождения в общемировом фонде интернационализмов.

О широком распространении англоязычной лексики свидетельствует ее активное функционирование в русском языке. Подобное заключение стало возможно благодаря проведенному анализу современных российских средств массовой информации. С другой стороны, сами газеты являются распространителями англицизмов.

Англицизмы находят себе применение практически во всех тематических областях. Однако если говорить о сферах человеческой деятельности, то наиболее коренной перестройке в последнее десятилетие подверглись экономика и политика. Поэтому именно соответствующие данным сферам деятельности слои языка испытали наибольший наплыв англицизмов, нередко заимствованных в более ранний период.

Таким образом, активное проникновение англицизмов (американизмов) в другие языки, в том числе в русский, связано в первую очередь со сложившейся в мире социальной и языковой ситуацией: с развитием сферы бизнеса, средств массовой информации, науки, индустрии развлечений и путешествий, авиаперевозок и воздушного транспорта, рекламированием американского образа жизни (через кинематограф и музыку), в последнее время – с распространением компьютера, Интернета и спутникового телевидения.

Но многие ученые в последнее время обеспокоены обширным потоком англицизмов, значение которых может быть непонятно людям, не изучающим английский язык. Если раньше англицизмы фигурировали в профессиональных областях, то сегодня они затронули все сферы общественной, политической и экономической жизни.

Самым ярким примером широкого употребления англоязычных заимствований являются, бесспорно, средства массовой информации: газеты, радио, телевидение, Интернет. Проникновение англицизмов в язык масс-медиа становится одной из основных черт, характерных для прессы.

Интенсивное использование англицизмов порождает качественно новую лингвистическую ситуацию, при которой использование одного английского термина заменяет собой целую синтаксическую конструкцию. В языке масс-медиа, прежде всего в рекламных и новостных текстах, сжатость и повышенная

информативность текста имеет большое значение, поэтому англицизмы заняли прочное место в современных СМИ.

Анализ языка современной литературы, а также средств массовой информации позволяет нам суммировать особенности современного этапа развития русского языка с точки зрения заимствований из английского языка следующим образом:

- 1) английский язык становится доминирующим языком-донором;
- 2) происходит активизация использования более ранних заимствований;
- 3) наблюдается реинтерпретация старых заимствований в направлении нейтрализации их отрицательной коннотации; в отдельных случаях процесс не останавливается на нейтральной отметке, а сдвигается в сторону положительной, иногда неоправданно положительной, коннотации;
- 4) происходит семантическое освоение экзотизмов с целью их большей интеграции;
- 5) осуществляется переориентация заимствований моносемантического плана терминологического корпуса в полисемантические слова стандартного языка;
- 6) приобретает особое значение заимствование английских слов по причине их большей экономичности и рациональности по сравнению с русскими описательными синонимами;
- 7) выходят на первое место по количественному составу семантические группы, включающие компьютерную лексику, а также лексику, связанную с бизнесом, экономикой и менеджментом;
- 8) активизируется процесс ассимиляции заимствований посредством СМИ в связи с интенсификацией контактов с зарубежными странами;
- 9) наблюдается начальная стадия модернизации процесса заимствования, в основе которой лежат психологические особенности переходного периода /1/.

Заимствованные слова английского происхождения могут участвовать в процессах терминологизации и детерминологизации. Как отмечают Е.В.Какорина /2/, О.С.Ильина /3/ и др. лингвисты, детерминологизация носит в настоящее время активный характер в языке прессы. Освоение слов английского происхождения газетным узусом приводит к существенным преобразованиям семантической структуры слова, расширению смыслового объема понятия, накоплению новых сем. В подобных случаях детерминологизация является индикатором их семантического расширения.

Как отмечает А.В.Сенько, расширение значения занимает центральное место в процессе семантической деривации /4/. Для слов английского происхождения расширение значения может иметь следующие разновидности:

- 1) обобщение архисемы исходного лексико-семантического варианта и ее выход за пределы базовой лексико-семантической парадигмы.

Ср.: *прессинг* – «одна из наиболее активных форм защиты в спортивных играх» /5/, «индивидуальная жесткая «опека» игроков, гл. обр., в баскетболе» /6/ → «действия, направленные на подавление чьей-либо свободы, ограничения деятельности» /7/.

Архисема «давление, нажим в спортивных играх» перерастает в обобщение: «давление, нажим в процессе любой деятельности».

2) обобщение архисемы исходного лексико-сематического варианта, сопровождающееся утратой дифференциальных сем:

спарринг – «в боксе - тренировочный бой, в котором боксеры стремятся не к сильным ударам и нокауту, а к технически интересному и быстрому бою» /5/ → «истязание, избиение кого-либо».

Архисема исходного лексико-семантического варианта – «тренировочный бой». В процессе семантической деривации она переходит в обобщение: «избиение». При этом имеет место утрата дифференциальных сем «в боксе», «приобретение спортивных навыков».

3) сохранение архисемы исходного лексико-сематического варианта, сопровождающееся появлением новых дифференциальных сем:

инсайдер – «полусредний нападающий - игрок в футбольной и хоккейной команде, занимающий в линии нападения положение между крайним и центральным игроками» /5/ → «экон. лицо, которое в силу своего служебного положения обладает конфиденциальной внутрифирменной информацией» /8/.

Архисема «внутреннее местонахождение» сохраняется. Но также появляются дифференциальные семы «обладание информацией», «конфиденциальной», «внутрифирменной», «в силу своего служебного положения» в связи с приобретением словом нового значения (в сфере экономики).

Тенденция к расширению семантики англо-американизмов наблюдается также у слов, употреблявшихся ранее в качестве экзотизмов, а в настоящее время имеющих широкое употребление в различных сферах социума (преимущественно в социально-экономической макросфере).

Приступая к рассмотрению структурно-семантических особенностей англо-американизмов, представляется целесообразным определить основные сферы их употребления в современной прессе. Как отмечают ведущие лингвисты (Е.А.Земская /9/, В.Н.Шапошников /10/, Л.П.Крысин /11/, В.Е.Журавлев /12/, Е.В.Какорина /13/ и др.), к приоритетным сферам распространения неологизмов английского происхождения относятся социально-экономическая, общественно-политическая, научно-техническая, спортивная, сфера культуры. Ученые аргументируют свое мнение тем, что именно в этих сферах происходят наиболее значительные социальные сдвиги, наблюдаются новые явления и процессы, требующие семантически точных и экономических номинаций, не имеющих эквивалентов в языке-реципиенте.

СМИ являются одной из самых обширных сфер употребления англоязычных заимствований, поскольку необходимость бороться за внимание читателей заставляет представителей журналистики использовать все возможные средства, к которым относится также и англоязычная лексика, ставшая в большинстве случаев интернациональной.

Российский деловой мир ориентируется, прежде всего, на США и англоязычные страны, и социально-экономические термины далеко не всегда

«возрождаются» в прежнем виде, а чаще всего вытесняются англо-американскими эквивалентами («мерчендайзер» и «промоутер» вместо коммивояжера, «джоббер» вместо мелкооптового торговца, «дилер» вместо крупье, «брокер» вместо маклера, «дистрибьютор» вместо торгового агента, «офис» вместо конторы и т.п.).

Не меньший интерес с точки зрения насыщенности интернациональной лексики представляют материалы, освещающие политическую жизнь в стране. Проникновение англицизмов в политическую лексику, как и во многих других случаях, обусловлено расширением международных контактов. Динамика общественно-политической ситуации в России в последнее десятилетие XX – начала XXI веков стала причиной возникновения многих новых и актуализации многих ранее не актуальных для русского языкового сознания общественно-политических реалий. Для обозначения большей части из них были заимствованы слова из английского языка.

К области политики относятся такие англицизмы, как *спикер, вице-премьер, спичрайтер, импичмент, политконсалтинг, электорат, имиджмейкер, саммит, мониторинг, истеблишмент*.

Исследование употребления англицизмов в русской речи на основе периодической печати показало, что спортивная лексика также активно функционирует в масс-медиа, в особенности футбольная. Помимо ставших уже традиционными *голкиперов* и *хавбеков* появляются *лайнсмены* (судья на линии) и *гринкиперы* (агроном, следящий за состоянием футбольного поля).

На спортивную терминологию, безусловно, влияет язык той страны, в которой появляется определенный вид спорта. Возникший не так давно в Великобритании, и уже принятый в программу олимпийских игр кёрлинг вызвал появление таких терминов, как *промоушн, свипинг, скип, тэйкаут*, активно употребляемых телевизионными комментаторами: *Нашим спортсменкам лучше удастся тэйкаут, с постановочными бросками возникают проблемы* («КП». 07. 12. 2008).

Подборка англицизмов из массовых газет и журналов, в том числе журналов, посвященных компьютерным технологиям, показывает, что большая часть научно-технических англицизмов, проникающих в русский язык, относится к компьютерной сфере и сопредельным с ней областям (например, телекоммуникации, офисная техника).

Последние достижения в сфере хайтек (< *hightech* – «высокие технологии»), а также расширение рынка соответствующей продукции повлекли за собой появление большого количества печатных материалов, теле- и радиопередач, помогающих ориентироваться в мире электроники и техники. Поскольку в настоящее время наиболее эффективному распространению научных идей способствует публикация исследования на английском языке, то и большинство терминов, описывающих новые открытия вообще и достижения в сфере высоких технологий в частности, являются англицизмами. Этим объясняется распространенность в СМИ англицизмов, называющих считывающие, преобразующие и прочие устройства: *автореверс, кроссовер,*

эквалайзер, процессор, синтезатор, сабвуфер, тюнер, тюнинговый, трек, коннектор, сиди-чейнджер, принтер, сканер, винчестер и др. Надо отметить кодированность большей части лексических единиц данной группы, свойственную всей терминологической лексике.

Одной из наиболее насыщенных интернационализмами английского происхождения сфер, описываемых в СМИ, является шоу-бизнес. Само явление шоу-бизнеса, заимствовано из англо-американской культуры, лексическая единица, его описывающая - из английского языка, служащего источником заимствования и всех сопутствующих понятий. Среди многочисленных интернационализмов английского происхождения чаще всего в СМИ встречаются *попса, хит, хит-парад, хит-шоу, рейтинг, кантри, ритм-энд-блюз, саундтрек, диджей, виджей, имидж, блокбастер, контрафактный, саспенс, хитмейкер, энтертейнмент* и др.

Таким образом, анализ газетных публикаций показывает, что средства массовой информации являются основным проводником лексики английского происхождения в русский язык. Тематически англицизмы, функционирующие в СМИ, образуют следующие группы:

- «экономика»;
- «политика»;
- «компьютерные и информационные технологии»;
- «спорт»;
- «общественная жизнь».

Итак, заимствование – один из самых динамических процессов в развитии современного русского языка, обусловленный активными общественно-политическими трансформациями в российском обществе и государстве. В сферах политики, экономики, культуры возникли такие условия, которые определили предрасположенность русскоязычного общества к принятию новой и к широкому употреблению ранее существовавшей, но известной главным образом специалистам иноязычной лексики английского происхождения.

На газетной полосе журналист и читатель постоянно пользуются двойным языковым кодом, переходя с эксплицитного способа выражения и восприятия смысла на имплицитный и наоборот. Задача журналиста в этой ситуации – максимально ограничить употребление малоизвестных заимствований, порождающих коммуникативные неудачи.

В продолжающейся англо-американской экспансии на русский язык журналисты, являющиеся по определению элитарными языковыми личностями, стоят на «линии фронта». Именно СМИ проводят первичную обработку англицизмов, их предварительный отсев, с целью дальнейшей унификации заимствованной лексики.

Вероятно, число англицизмов не сократится в ближайшее время, а будет только возрастать. Нельзя односложно оценивать процесс активного проникновения англицизмов в русский язык. С одной стороны, это независимый процесс, с другой – язык имеет способность отсеивать излишние

неологизмы, приспособлять их к своей природе – и, в конце концов, остаются только необходимые.

Список использованных источников

- 1 Лысакова, И.П. Тип газеты и стиль публикации. М., – 71с.
- 2 Какорина, Е.В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) – 2–е изд. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С.67 - 90
- 3 Ильина, О.В. Семантическое освоение русским языком иноязычных лексических инноваций (на материале газетных текстов 1990–1995 гг.). // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. – Новосибирск, 1998. – С.41 - 48
- 4 Сенько, Е.В. Неологизация в современном русском языке конца XX века: межуровневый аспект: Автореф.дис. ...докт.филол. наук. – Волгоград, 2000. – 49с.
- 5 Большой иллюстрированный словарь иностранных слов: 17 000 сл. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 960с.
- 6 Крысин, Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М., Наука, 1968. – 208с.
- 7 Словарь иностранных слов. – 7–е изд., – М.: Русский язык, 1979. – 890с.
- 8 Крысин. ТСИС–98 – Крысин, Л. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Русский язык, 1998. – 867с.
- 9 Земская, Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия. – М., 2000. С.25 - 29.
- 10 Шапошников, В. Н. Иноязычная стихия современной русской речи. // Мир русского слова. – 2003. – №2. – С.52 - 54.
- 11 Крысин, Л.П. К определению терминов «заимствование» и «заимствованное слово». // Развитие лексики русского литературного языка. М., Наука, 1965. С.104 - 116.
- 12 Журавлев, В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. – М.: Наука, 1982. – 317с.
- 13 Костомаров, В.Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики – М.: Изд. Московского ун-та, 1971, – 267с.

ДИСКУРС И СИТУАТИВНЫЙ КОНТЕКСТ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Малахова М.С.

Оренбургский государственный университет

Термин «дискурс» (от лат. Discursus – бегание туда-сюда, движение, круговорот, беседа, разговор) - многозначный термин ряда гуманитарных наук, предмет которого прямо или опосредованно предполагает изучение функционирования языка, - лингвистики, литературоведения, семиотики, социологии, философии, этнологии и антропологии. Данный термин имеет множество определений. Различное понимание дискурса мы видим в трудах таких ученых, как Арутюнова Н.Д., Борботько В.Г., Карасик В.И., Бурвикова Н.Д., Мыркин В.Я., Серио П., Ван Дейк Т.А.

Впервые термин «дискурс» появился в названии статьи американского лингвиста А.Харриса «Дискурс-анализ». С этого периода начинается история термина. Дискурс – это термин, имеющий множество определений. Например, Т. Ван Дейк дает такое определение: дискурс – это актуально произнесенный текст, это понятие, касающееся речи, актуального речевого действия. (20) Н.Д. Арутюнова дает следующее определение: дискурс – «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте». (1, с.136-137)

П. Серио в книге «Квадратура смысла» приводит целый ряд определений дискурса, например:

1. эквивалент понятия «речь» в сосюрровском смысле, т.е. любое конкретное высказывание;
2. единица, по размеру превосходящая фразу, высказывание в глобальном смысле; то, что является предметом исследования «грамматики текста», которая изучает последовательность отдельных высказываний;
3. в рамках теорий высказывания или прагматики «дискурсом» называют воздействие высказывания на его получателя и его внесение в «высказывательную» ситуацию (что подразумевает субъекта высказывания, адресата, момент и определенное место высказывания);
4. при специализации значения 3 «дискурс» обозначает *беседу*, рассматриваемую как основной тип высказывания;
5. у Э.Бенвениста «дискурсом» называется речь, присваиваемая говорящим, в противоположность «повествованию», которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания;
6. иногда противопоставляются *язык* и *дискурс* (langue/discours) как, с одной стороны, система мало дифференцированных виртуальных значимостей и, с другой, как диверсификация на поверхностном уровне, связанная с разнообразием употреблений, присущих языковым единицам. Различается,

таким образом, исследование элемента «в языке» и его исследование «в речи» как «дискурсе»;

7. термин «дискурс» часто употребляется также для обозначения системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции. Так, когда речь идет о «феминистском дискурсе» или об «административном дискурсе», рассматривается не отдельный частный корпус, а определенный тип высказывания, который предполагается вообще присущим феминисткам или администрации;

8. по традиции анализ дискурс определяет свой предмет исследования, разграничивая высказывание и дискурс. Высказывание – это последовательность фраз, заключенных между двумя семантическими пробелами, двумя остановками в коммуникации; дискурс – высказывание, рассматриваемое с точки зрения дискурсного механизма, который им управляет. Т.о. взгляд на текст с позиции его структурирования в языке определяет данный текст как высказывание; лингвистическое исследование условий производства текста определяет его как «дискурс».

В англосаксонской традиции понятие «дискурс» в течение нескольких десятилетий используется в значении «функциональный стиль». Ж.К. Коке определяет дискурс как «сцепление структур значения, обладающих собственными правилами комбинации и трансформации» (4, с.231-232). А.Ж. Греймас и Ж.Курте считают, что дискурс как объект дискурсивной лингвистики или лингвистики дискурса является синонимом текста. (3, с.488)

В.Г.Борботько определяет дискурс как текст, состоящий из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной внутренней смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование (2, с.8). По В.И.Тюпе, дискурс – это «коммуникативное событие» (19, с.24).

В.В.Красных под дискурсом понимает «вербализованную речемыслительную деятельность, включающую в себя не только собственно лингвистические, но и экстралингвистические компоненты» (12). В.Г.Костомаров и Н.Д.Бурвикова считают, что дискурс является результатом восприятия текста, когда воспринимаемый смысл совпадает с замыслом отправителя текста (11, с.10). Мы определяем дискурс как *контекстуально обусловленный набор высказываний, обладающих смысловой и логической завершенностью*.

Суммируя различные понимания дискурса, М.Л.Макаров показывает основные координаты, с помощью которых определяется дискурс: формальная, функциональная и ситуативная интерпретация (6, с.37).

В порождении речи, как и в ее смысловом восприятии, важную роль играет проблема речевого и неречевого контекста. Однако, понимание самого термина «контекст» настолько широко, что существуют многочисленные трудности при его описании. Поэтому существует несколько подходов к определению контекста.

Контекстуальные значения возникают в процессе употребления слов в речи, в зависимости от окружения, и реализуются под действием узкого, широкого и экстралингвистического контекста.

Под контекстом принято понимать языковое окружение, в котором употребляется та или иная лингвистическая единица. Так, контекстом слова являются совокупность слов, грамматических форм и конструкций, в окружении которых встречается данное слово.

В пределах общего понятия контекста различаются узкий контекст (или микроконтекст) и широкий контекст (или макроконтекст).

Узкий контекст – это контекст предложения, т.е. лингвистические единицы, составляющие окружение данной единицы в пределах предложения.

Широкий контекст – языковое окружение данной единицы, выходящее за рамки предложения; это текстовый контекст, т.е. совокупность языковых единиц, окружающих данную единицу в пределах, лежащих вне данного предложения, в смежных с ним предложениях. Точные рамки широкого контекста указать нельзя – это может быть контекст группы предложений, абзаца, главы или даже всего произведения в целом (8).

Э.Е.Каминская говорит о внутренних экстралингвистических факторах общей категории контекста, под которыми подразумевает определенную «общую базу» знаний продуциента и адресата речи, необходимую для осуществления акта коммуникации (5).

Г.В.Колшанский считает, что установление семантики слов возможно лишь в контексте. По его мнению, изучение влияния контекста на организацию смысла высказывания должно быть связано с коммуникативной направленностью всех уровней языка, в том числе и грамматического. Язык в этом плане представляет собой единый объект, насквозь пронизанный коммуникативным характером. Разграничение как разделение различных уровней языка с точки зрения разной степени влияния контекста на организацию смысла высказывания вряд ли будет оправданно, так как оно по существу приводит к постулированию самостоятельных уровней языка. Признать, например, что контекст в рамках предложения может затрагивать, скажем, только коммуникативный уровень и не затрагивать синтаксический (например, в случаях так называемого коммуникативного членения предложения), — значит, прежде всего, признать разнонаправленность коммуникативной и грамматической структур высказывания, что для языка вряд ли релевантно. Ни одна часть цельного коммуникативного акта не может практически существовать и рассматриваться изолированно от интра- и экстраконтекста. Вычленение же, например, отдельного высказывания должно поэтому сопровождаться всей суммой оговорок относительно того окружения, к которому принадлежало данное высказывание. Анализ изолированного высказывания есть в определенном смысле анализ модели, хотя и при участии того фактора, что сама модель реализована в конкретном высказывании. Анализ изолированных фрагментов коммуникации в этом смысле всегда есть

ограниченный анализ, и степень его ограниченности находится в прямой зависимости от выбора минимального или максимального отрезка (9).

Итак, мы определим *контекст в широком смысле, как совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов, а также физических и психологических особенностей продуцента и адресата речи, обеспечивающих возможность коммуникации.*

Контекст, обусловленный языковыми средствами, закреплён в речевом узусе, а также может быть фиксирован в лексическом и грамматическом тезаурусе. Франко-французский словарь Petit Robert для семантизации лексических единиц наряду с прочими способами использует именно контекст.

Например, значение многозначного слова *devoir* (m) становится понятным из примера:

Tu as fait tes devoirs et appris tes leçons? (21) – Ты сделал устные и письменные задания?

Исключительно важно учитывать контекст при переводе, т.к. именно благодаря ему становится возможным выбор одного конкретного значения многозначного слова. Перевод некоторых словосочетаний видится вообще невозможным вне контекста. Рассмотрим на примере из книги Жоржа Сименона «Мегрэ и долговязая Эрнестина»:

- L'inspecteur Vanneau? – Инспектор Ванно?

Без опоры на контекст такой вопрос читателю не может быть ясен. Возможно предположить, что этот вопрос задан прохожему, принятому за инспектора Ванно, также он может быть задан одним из собеседников, уточняющим, о ком именно идет речь. На самом же деле комиссар Мегрэ уточняет у функционера, как ему найти инспектора Ванно. Это становится ясно из контекста:

- L'inspecteur Vanneau ?

- Deuxième couloir à gauche, troisième porte dans le couloir.(17, с.83) - Второй коридор налево, третья дверь по коридору.

Согласно Мыркину, для выражения смысла высказывания в речи служит коммуникативный контекст (т.е. контекст в широком смысле), который образуется совокупностью подчиненных ему контекстов: лингвистического, паралингвистического, ситуативного, психологического контекстов и контекста культуры. (14, с.97). Нас же интересует ситуативный контекст.

Однако, в вопросе ситуативного понимания дискурса мнения ученых расходятся. Во-первых, проблемы связаны с трудностями в определении понятия «ситуативный контекст», во-вторых, нет единого мнения о правомерности ситуативной интерпретации дискурса.

Термин «ситуативный контекст» имеет множество определений. Например, Г.В.Колшанский говорит об экстралингвистическом контексте, определяя его как «ситуацию» в широком смысле слова, включая в него все виды контекста, в т.ч. и ситуативный. В.Н.Комиссаров отождествляет понятия ситуативного и лингвистического контекста и определяет их как обстановку, время и место, к которому относится высказывание, а также любые факты

реальной действительности, знание которых помогает рецептору правильно интерпретировать значение высказывания. (10, с.143). Мы же считаем, что *ситуативный контекст – это обстоятельства, сопровождающие коммуникативную ситуацию и позволяющие адекватно интерпретировать отдельно взятый дискурс.*

Так, например, фраза «Vous avez du sable sur la joue», взятая из романа С.Г. Колет «Ранние всходы», сама по себе является лишь констатацией факта. Однако, тот, кому она адресована, расценивает ее как побуждение к действию:

- Vous avez du sable sur la joue. – У вас песок на щеке.

Il s'essuya la joue avec emportement, à s'écorcher la peau, puis son bras retomba. (7, с.27) – Он вытер щеку резко, даже поцарапал щеку, затем опустил руку.

Соглашаясь с тем, что между языком и речью должно быть опосредующее звено, В.Я.Мыркин предлагает считать таким звеном три различных образования: языковую (или речевую) норму, индивидуальный язык, дискурс в отвлечении от личности говорящего и контекста (15, с.7, 19). Хотя он полагает, что для передачи и восприятия смысла необходимо наличие коммуникативного контекста, составной частью которого является ситуативный контекст. Ситуативный контекст в данном случае понимается узко, как «актуальная ситуация» (16). Исследователь из Архангельска предлагает оригинальную концепцию языка, включающую дискурс как изъятое из естественного контекста высказывание (15, с.88).

Тем не менее, существует ряд ученых, полагающих, что контекстуальная обусловленность является одной из неотъемлемых характеристик дискурса. Так, например, С.А. Сухих настаивает на том, что типы дискурса представляют собой свои собственные сферы общения. Эти сферы общения характеризуются некоторым набором переменных, входящих в социально-дейктическую компоненту сценария взаимодействия. Одной из этих переменных является ситуативный контекст. Т.о. ситуативный контекст есть составная часть сценария взаимодействия некоторого типа дискурса (18.). О.Каде считает, что ситуативный контекст является экстралингвистическим фактором коммуникативного акта, компенсирующим коммуникативные погрешности двуязычного общения.

К.В. Маркарян считает, что ситуативный контекст – это цели и мотивы говорящего, характер его взаимоотношений с партнером, их статус и роли, реакции собеседника, четкое определение типа высказывания (13). По мнению Маркаряна, все высказывания имеют социально-контекстуальную семантику, следовательно, в рамках теории высказывания и прагматики ситуативный контекст является обязательной характеристикой дискурса.

Г.В. Колшанский устанавливает связи между понятиями «текст», «контекст» и «дискурс», утверждая, что текст и контекст составляют неразрывное единство, регулируемое прежде всего гносеологией мышления, реализующего в смысловом наполнении текста систему языка в формальных и семантических связях его составляющих единиц (слов и словосочетаний).

Построение текста находится в прямой зависимости от смыслового содержания любого масштаба и довольно жесткой системы непрерывного контекста, в рамках которого осуществляется изложение той или иной темы, другими словами, в рамках которой развивается дискурс.

На наш взгляд, ситуативный контекст и дискурс представляют собой понятия, относящиеся к разным плоскостям (дискурс – понятие лингвистическое, а ситуативный контекст является понятием экстралингвистическим), но непременно сосуществующие и связанные друг с другом посредством коммуникативной ситуации.

Некоторые фразы обретают смысл и становятся уместными только в коммуникативной ситуации. Например, сказать при встрече «Bonjour!» уместно только в том случае, если сейчас утро или день, тогда как вечером для такого же приветствия предпочтительнее сказать «bonsoir».

Коммуникативная ситуация способна повлиять на статусно-ролевые отношения в некоторых видах институционального дискурса. Известно, что участники институционального дискурса, например, делового, отличаются по предписаниям поведения от участников бытового дискурса. Тем не менее, во время популярного корпоративного тренинга по тимбилдингу, в рамках которого происходит ролевая игра, в отношениях начальник-подчиненный возможно изменение статусно-ролевых отношений. Например, вместо ролей начальника и подчиненного могут появляться роли пионера и вожатого, врача и пациента и т.п., которые подразумевают иные правила общения. В некоторых сюжетно-ролевых играх возможно замещение статусно-ориентированного дискурса на личностно-ориентированный, например, если сотрудникам предстоит играть роли членов одной семьи.

Таким образом, мы убеждаемся в том, что дискурс, ситуативный контекст и коммуникативная ситуация являются понятиями неразделимыми, и поэтому изучаться независимо друг от друга могут условно.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс// Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
2. Борботько В.Г. Элементы теории дискурса: Учебное пособие. Грозный: Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н.Толстого, 1981.
3. Греймас Альгирдас Ж., Курте Жозеф. Семиотика: Объяснительный словарь теории языка/Пер. с фр. В.П.Мурат.//Семиотика: Семиотика языка и литературы/Пер. с англ., фр., исп./Сост., вст.ст. и общ. редакция Ю.С.Степанова. М.: Радуга, 1983.
4. Ильин И.П. Дискурс//Литературная энциклопедия терминов и понятий/ Гл. ред. И сост. Николюкин А.Н. М., 2001

5. Каминская Э.Е. Внутренние контексты интерпретации: психолингвистический подход. Вестник Новгородского Государственного Университета, 1998, №4
6. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса// Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000.
7. Колетт С.Г. «Ранние всходы»: Роман. – на франц.яз. – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003.
8. Коломейцева Е.М., Макеева М.Н. Лексические проблемы перевода с английского языка на русский. Издательство ТГТУ, Тамбов, 2004
9. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М, 1980
10. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. М.: Высш. Шк., 1990
11. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д., 1999
12. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность?. М., 1998
13. Маркарян К.В. Ситуативный контекст и оценочные высказывания. Лемпертовские чтения 7
14. Мыркин В.Я. 1978
15. Мыркин В.Я. 1994
16. Мыркин, В.Я. Текст, подтекст, контекст. // Вопросы языкознания. 1976, №2
17. Сименон Жорж Мегрэ и долговязая Эрнестина. (на французском языке). – М.: Цитадель, 2001.
18. Сухих С.А., Зеленская, В.В. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. Краснодар, 1998а; Сухих, С.А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса. Дисс. доктора филол. наук. Краснодар, 1998б
19. Тюпа В.И. Аналитика художественного. М., 2001.
20. <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.htm>
21. Version électronique du Nouveau Petit Robert Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Dictionnaires Le Robert, 1996-1997

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКИХ РЕАЛИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АНДРЕ МАКИНА)

Мосиенко Л.В.

Оренбургский государственный университет

Последние десятилетия безэквивалентная лексика привлекает внимание языковедов, что объясняется, с одной стороны, её широкой представленностью в языке, с другой - расширением международных культурных контактов.

Безэквивалентные слова и словосочетания становятся предметом исследования сопоставительного и типологического языкознания, лингвокультурологии и лингвострановедения, стилистики и лексикологии. Всё большее внимание уделяется рассмотрению проблемы языка и культуры в плане их национальной специфики. Особо значимо изучение лексических единиц при лингвистическом анализе текста художественного произведения. Среди лексических единиц с культурным компонентом, с содержанием, отражающим особенности жизни, быта, большой интерес представляет безэквивалентная лексика. Наиболее часто в научной литературе по безэквивалентной лексике встречается термин «реалия».

«Реалия» - латинское прилагательное среднего рода множественного числа (*realis*, -е, мн. *realia*-«вещественный», «действительный»), превратившееся под влиянием аналогичных лексических категорий в существительное. Им обозначают (главным образом в филологических текстах) «предмет» и «вещь», материально существующую, нередко связывая по смыслу с понятием «жизнь».

Согласно словарным определениям, реалия - это предмет, понятие, явление, характерное для истории, культуры, быта, уклада того или иного народа страны не встречающееся у других народов, это слово, обозначающее такой предмет, понятие, явление, также словосочетание (обычно - фразеологизм, пословица, поговорка, присловие), включающее такие слова.

Термин «реалия» в значении реалии-слова, в качестве знака реалии - предмета и как элемент лексики данного языка получило в лингвистической литературе довольно широкое распространение.

Вопрос о реалиях ставится в работах М.Л. Вайсбурд, Е.М. Верещагина, И. Келлера, В.Г. Костомарова, А.Д. Райхштейн, Вл. Россельса, Л.Н. Соболева, А.Е. Супруна, Г.Д. Томашина, Г.В. Чернова и др.

Несмотря на обилие работ, касающихся данной проблемы, она не получила еще достаточно освещения. Единичны исследования, которые рассматривают реалии в естественном её функционировании, т. е. в тексте, в разные периоды литературного языка.

В данной статье нами будет проведен анализ русских реалий, воспроизведенных в произведениях Андре Макин «*Le testament français*» и «*Au temps du fleuve Amour*» и, по мере возможности и необходимости, объясненных или описанных писателем.

В рамках комплексного исследования русских реалий в текстах Андре Макина нами были проведены переводческий, структурно-грамматический и лингвострановедческий анализ реалий.

Список русских реалий включает свыше двухсот слов, но в действительности их значительно больше, потому что многие реалии из области истории и общественно-политической жизни России, организации труда и быта, выражены автором французскими словами. От этого они не перестают быть реалиями, потому что, например, названия блюд, одежды, данные в их звуковой форме, как правило, снабжены французским комментарием.

Для большей наглядности представляется необходимым рассмотрение способов перевода реалий на конкретных примерах.

Переводческий анализ реалий

1. Транскрипция и транслитерация

Существует несколько способов передачи иноязычных реалий. Ю.С. Маслов выделяет «материальное заимствование», или «заимствование в собственном смысле» [1]. В этом случае перенимается не только значение (либо одно из значений), иноязычной единицы, но и с той или иной степенью приближения – ее материальный экспонент. К «материальному заимствованию» относят, в первую очередь, транслитерацию и транскрипцию.

Транскрипция (передача на уровне фонем) является одним из наиболее распространенных способов передачи реалий на язык перевода, что объясняет частое обращение к данному приему.

Каждый язык имеет свой собственный фонетический состав. В произведениях Андре Макин употребляет большое количество транскрибированных русских слов-реалий. Произношение и написание этих слов не характерно для носителей французского языка. Написание слов с заглавной буквы и их непривычный для французского слуха звуковой состав в отдельных случаях дает понять читателю, что перед ним реалия.

Следует заметить, что такие звуки и буквосочетания как kh, ts, tch не присущи французскому языку: le kholodets, cette viande en gelée; Dmitritch; une chapka d'homme aux oreillettes rabattues; dans la Russie de ce temps, toute femme dépassant la cinquantaine se transformait en « babouchka »- un être dont il eut été absurde de supposer la féminité et, a plus forte raison, la beauté; un « saïgak », cette antilope du désert aux énormes naseaux, semblables à une trompe d'éléphant coupée court, aux grands yeux craintifs et tendre. Почти всегда транскрибированные реалии сопровождаются переводом с помощью эквивалентов или аналогов.

В произведениях «Le testament français» и «Au temps du fleuve Amour» автор активно пользуется приемом транскрипции для презентации реалий российской жизни: klukwa(m), steppe(f), tsar(m)/tsarine(f)/tsarisme(m), chapka(f), babouchka(f), télègue(f), vodka(f), châte(m), dérévnia(f), dôme(m), Douma(f), touloupe(m), datcha(f), taïga(f), rouble(m), moujik(m), bortsch(m), « la Pravda », Bolchoï(m), samovar(m), koukouchka(f), kholodets(m), kacha(f), « tekhnar »(m), intelligentsia(f), fortochka(f), saïgak(m), Frantsouz(m).

Метод транскрипции является основным при передаче имен собственных, обозначающих географические названия:

- города: Moscou, Stalingrad, Leningrad, Saranza, Boïarsk, Boukhara, Yalta, Smolensk, Kiev, Tachkent, Astrakhan;
- реки: La Volga, La Léna, La Soumra, L'Oural;
- улицы и районы: Khodynka, Soukharevka, Presnia;
- страны-бывшие советские республики: Ouzbékista;

антропонимы:

- имена: Glasha, Fiodor, Avdotia, Choura, Charlota, Alexandra, Alexandre, Anna, Sergueï, Olga, Vladimir, Yaroslav, Pachka, Alexeï (Liocha, Aliocha), Frossia, Maria;
- отчества: Gavrilytch, Norbertovna, Fiodorovna, Yaroslavna, Ylitch, Dmitritch, Stepanovna;
- фамилии: Staline, Berezina, Nevski, Kerenski, Lénine, Khrouchtchev, Brejnev, Béria, Brussov, Lermontov, Nabokov, Bondartchenko, Dolina, Kalashnikov.

Переводчики используют способ транслитерации (передача на уровне графем) несколько реже, чем транскрипцию, поскольку передача звучания более способствует передаче национального компонента реалии, нежели передача графической формы.

В анализируемых произведениях русская реалия «изба» передана посредством транслитерации *«isba»* (f) и выделена курсивом, такое сочетание приемов позволило переводчику сохранить колорит реалии и привлечь к ней внимание. Дополнительных средств осмысления в данном случае не требуется, поскольку *«isba»* как слово является общеизвестным и зафиксировано в словарях. В качестве других примеров можно привести следующие слова-реалии: Politburo(m), KGB.

Транскрипция и транслитерация чаще всего применяется «в тех случаях, когда речь идет об именах собственных, названиях государственных учреждений, учебных заведений, и т.п.» [2]. Серьезным недостатком этого способа является то, что этот прием приводит к появлению в переводе непривычных и малопонятных слов.

2. Калька и полукалька

«Кальки» - это буквальный дословный перевод слова с одного языка на другой. Понятия, присущие только определенным нациям, объединяются в денотативные реалии, обозначающие предметы и явления, характерные для данной культуры, но не имеющие соответствий в сопоставляемой культуре.

При калькировании перенимается лишь значение иноязычной единицы и ее структура (принцип ее организации), но не ее материальный экспонент: происходит как бы копирование иноязычной единицы с помощью своего, незаимствованного материала: *gauchisme(m)*, *esprit(m) de parti*, «*nouveaux Russes*», *secrétaire(m) du Politburo*, *otage(m) de l'idéologie*, *souffle(m) russe*.

Перевод с использованием полукальки встречается, в основном, при передаче имен собственных. Как правило, языковые единицы, подлежащие

переводу с использованием данного приема, состоят из двух и более компонентов, один из которых транскрибируется, или транслитерируется, а другой переводится при помощи соответствия.

Например, имя Ярослава Мудрого было переведено как Yaroslav le Sage, таким образом, компонент «Ярослав» был затранскрибирован, а компоненту «Мудрый» было подобрано прямое соответствие.

Другим примером может послужить словосочетание «дом Инвалидов», переведенный посредством полукальки: «dôme(m) des Invalides», где компонент «дом» был затранскрибирован, а компоненту «Инвалидов» было подобрано прямое соответствие; или же фраза «скамейка бабушек» передается как «*le banc des babouchkas*».

Интересным примером, демонстрирующим два способа передачи реалий – калька и транскрипция, может служить «Frantsouz...C'était mon sobriquet dont j'étais plutôt fier. «*Frantsouz*» – un Français, en russe»

3. Описательный перевод

Описательный перевод используют, когда по тем или иным причинам калькирование невозможно. При данном способе происходит расширение компонентного состава, а также значительные изменения в структурно - грамматической организации предложения. Такой способ делает неизбежной потерю информации за счет образности и экспрессивности, лишает текст присущего ему национального колорита и своеобразие. Однако он имеет то преимущество, что исключает недопонимание, что часто происходит, когда новое слово заимствуется с новым понятием.

Например, «...il y avait là un groupe de « prolétaires ». Les plus nombreux, ils étaient issus, pour la plupart, de familles ouvrières... Il y avait, en outre, un noyau de forts en mathématiques, futurs « tekhnars » qui occupaient là devant de la scène scolaire. Enfin, la plus fermée et la plus élitiste, la plus restreinte aussi, cette coterie dans laquelle on reconnaissaient l'intelligentsia en herbe... ».

Можно привести и другие примеры:

« On appelait cet endroit la «Stalinka» d'après le nom de la ligne de défense qu'on avait construite ici pendant la guerre... »;

« Le kholodets – cette viande en gelée... » ;

« La Soumra – affluent de la Volga » ;

« Ce « Mr. Bond » était en fait, homme d'affaires russe, un représentant très caractéristique de cette génération des « nouveaux Russes » ;

« Et le village en Russie est nécessairement un chapelet d'isbas – le mot même d'érévnia vient de d'érévo – l'arbre, le bois » ;

« Elle (Charlotte) traversait la cour sans jamais aller s'installer sur le banc des babouchkas, l'institution sans laquelle la cour russe n'est pas pensable...tout le monde comprenait que Charlotte n'était pas tout à fait une babouchka russe. »;

« Un jour sa « dame de classe », comme on appelait avant la révolution le professeur principal, ... ».

Во всех вышеперечисленных примерах Андре Макин использует описательный перевод, раскрывая читателю значение реалии, в точности поясняя ее.

Из вышеприведенного анализа можно сделать вывод о том, что Макин выбрал, на наш взгляд, самые оптимальные способы представления русских реалий: транскрибирование, транслитерацию, калькирование и описание, и практически ни одна из реалий не осталась не объясненной перед читателем.

Структурно-грамматический анализ реалий

Несмотря на устойчивый интерес к реалиям с точки зрения теории языка, теории перевода, лингводидактики, вопросы, связанные с лингвистическим статусом самого термина, остаются нерешенными. Слово «реалия» (от латинского *realis* – вещественный, действительный) сохраняет этимологическое значение и в аспекте теории номинации определяется как денотат имени. Существует, однако, тенденция развития полисемии термина и использования его как для именования предмета реальной действительности, так и его языкового номинанта. В этом случае реалии характеризуют слова и словосочетания, служащие для обозначения явлений и предметов, специфических для данной страны, иногда группы стран. Другой вопрос, возникающий при изучении реалий, чем могут быть выражены реалии. По мнению М.Л. Вайсбурд понятие, относящееся к числу реалий, могут быть выражены отдельными словами (маевка, декабристы, щи, пятак), словосочетаниями (Мамаев курган, дом отдыха), предложениями (не все коту масленица, что станет говорить княгиня Мария Алексеевна), сокращениями (ЦПКиО, ОПН, гороно, КГБ).

Анализируя произведения А.Макина, на структурном уровне мы выделили две основные группы реалий: простые и сложные.

К простым относятся реалии, состоящие из отдельного слова: *la steppe, une Moscovite, Dmitritch, le kholodets, la Volga, le tsar, les cosaques*.

Что касается сложных реалий, мы обнаружили, что они бывают как двухсловные, так и трехсловные: *Iaroslav le Sage, la princesse russe Anna, Anna Iaroslavna, République des Soviets, dôme(m) des Invalides, la Sibirie orientale, L'Octobre rouge*.

Автором употребляются также аббревиатуры, характеризующие общественно-политическое устройство, организации: *KGB, U.R.S.S.*

Мы посчитали необходимым также провести грамматический анализ реалий. При чтении произведений нам встретились реалии, принадлежащие к различным частям речи. В большинстве случаев реалии – имена существительные: *la nomenklatura, les prolétaires, ces apparatchiks, un karavaï, cinq roubles, une touloupe, la fortotchka*. Редко встречаются другие части речи такие как, имена прилагательные: *une jeune fille yakoute*.

Для лучшего понимания автор после каждой реалии дает ее толкование, и только на основании этого факта или по контексту мы можем определить, что реалия представлена именем существительным. Например, «*Je vérifiai si ma chapka était bien posée sur ma tête -de manière « adulte», inclinée vers une oreille et*

laissant échapper quelques boucles au-dessus des tempes. À la cosaque. Sa chapka dont les oreillettes étaient nouées sur la nuque rappelait un grand casque de guerrier nordique » или «Et ce fut un... karavaï; cette niche de pain noir russe, on ne peut plus russe et appelée en russe dans un film français!»

Таким образом, структурно-грамматический анализ реалий выявил, что реалии в произведении делятся на однословные и двухсловные. А грамматический анализ показал, что в большинстве случаев реалии – имена существительные.

Лингвострановедческий анализ реалий

Изучив и проанализировав реалии в произведениях А.Макина, мы посчитали необходимым и возможным расклассифицировать их по семантическим группам. В ходе анализа по семантическому признаку нами выделены следующие группы реалий:

А. Географические реалии:

1. названия объектов физической географии: Kajdai, Svetlaia, Saranza, Boïarsk, la Neva, l'Oural, la Sibérie, la Volga, Novossibirsk, Saint-Petersbourg, la Moskovie, Moscou, Stalingrad, Leningrad, Boukhara, Yalta, Smolensk, Kiev, Tachkent, Astrakhan, l'Ouzbékistan и т.д.;

2. названия эндемиков: klukwa (f), koukouchka (f), saïgak (m), tigre (m) d'Oussouri.

Б. Этнографические реалии:

1. быт:

а) пища, напитки и т.д.: bortsch(m), kholodet (m), kacha (f), vodka (f), «Champanskoé»(m), «Koniak»(m);

б) одежда (включая обувь, головные уборы и пр.): touloupe (f), chapka (f), châte(m);

в) жилье, мебель, посуда и др.утварь: isba (f), fortochka (f), samovar(m), dôme (m), datcha(f);

г) транспорт (средства и «водители»): téléga (f).

2. труд:

а) люди труда: antikolkhozien (m), koulak (m), kolkhozien (m), « dame (f) de classe »;

б) организация труда (включая хозяйство и т.п.): goulag (m) (achronyme russe «direction principale des camps de travail»), kolkhoz (m);

3. искусство и культура:

а) известные деятели культуры (писатели, поэты, художники): Brussov, Lermontov (Mikhaïl Iourievitch) , Nabokov;

б) названия произведений, СМИ и т.д.: L'Arhipel du Goulag, « la Pravda »;

в) названия объектов культуры: Bolchoï(m).

4. этнические объекты:

а) этнонимы: yakoute, Frantsouz(m);

б) клички, прозвища, обращения (обычно шутливые или обидные): l'ivrogne local, une babouchka russe, Gavrilytch, Norbertovna, Fiodorovna, Yaroslavna, Dmitritch, Stepanovna;

в) названия лиц по месту жительства: Moskovite.

5. деньги: rouble (m), kopeck (m).

В. Общественно-политические и исторические реалии.

1. Административно-территориальное устройство:

а) административно-территориальные единицы: La République des Soviets;

б) населенные пункты: d'écrénia (f).

2. Органы и носители власти:

а) органы власти: Politburo(m), KGB, Kremlin (m), Douma(f);

б) носители власти: tsar(m)/tsarine(f)/tsarisme(m), secrétaire(m) du Politburo;

3. Общественно-политическая жизнь:

а) политические организации и политические и исторические деятели: Staline, Kerenski, Lénin, Khrouchtchev (Nikita Sergheievitch), Brejnev, Béria (Lavrenti Pavlovich), Nevski (Alexandre); « prolétaires ».

г) звания, степени, титулы, обращения: généralissime (m)

Из данной классификации следует, что наиболее многочисленную группу представляют реалии географические и этнографические, а также антропонимы, обозначающие известных исторических, политических деятелей, а также деятелей культуры. Безусловно, это связано с желанием автора дать читателю возможность узнать более подробно об образе и укладе жизни русских людей, наиболее полно охарактеризовать социально-историческую ситуацию в России, дать представление о культурной ориентации эпохи. Широкое использование реалий в художественных произведениях А. Макина служат средством создания так называемого «местного колорита». Создавая определенное впечатление звучанием, даже если смысл остается непонятным, реалия может оказывать на читателя эмоциональное воздействие. Иногда она имеет дополнительный оттенок значения по сравнению с французским синонимом и употребляется в одном с ним ряду.

Таким образом, реалии как носители национально-культурного колорита, как единицы языка, не имеющие однозначного толкования их лингвистической сущности, вызывают интерес представителей различных наук. Обращение к реалиям сводится, прежде всего, к их теоретическому осмыслению, а также попыткам систематизации, подбору наиболее адекватных способов передачи на другие языки. В этой связи нам представляется оправданным анализ текстовых фрагментов из художественных произведений, способствующих выявлению содержания, структуры, роли, места и способов предъявления реалий в художественном тексте.

Литература

1. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1987. - С.201
2. Томахин Г. Д. Реалии американизмы.-М.: Высшая школа, 1988. - С.32

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕНДЕРА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНОМ И ЧАСТНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Назина О.В.

**Колледж электроники и бизнеса ГОУ ВПО
Оренбургский государственный университет, г. Оренбург**

Понятие «гендер» в русский язык вошло относительно недавно и его семантическое поле ещё не устоялось. В настоящее время термин гендер используется в гуманитарных науках для отображения социокультурного аспекта половой принадлежности человека (2, с.155). Один из самых авторитетных социологов современности англичанин Энтони Гидденс объясняет, что «гендер» - это «не физические различия между мужчиной и женщиной, а социально формируемые особенности мужественности и женственности». Гендер, по его словам, означает, прежде всего, «социальные ожидания относительно поведения, рассматривающегося как соответствующее для мужчин и женщин» (3).

Гендер находит своё отражение в различных аспектах нашего бытия, не является исключением и языковая область.

В данной статье мы попытались рассмотреть особенности и функции отражения гендера в немецкоязычных текстах социального и частного рекламного дискурса.

При создании рекламных материалов происходит целенаправленное обращение к гендерным стереотипам и неосознаваемым на рациональном уровне нашего восприятия шаблонам межполовых отношений, нацеленное на продажу не столько товара, сколько образа жизни. При этом реципиентам внушается необходимость соответствовать представленным в рекламе моделям «слабого» и «сильного» пола.

В рекламном дискурсе гендер конструируется посредством вербальных и невербальных средств, эксплицитно, а чаще имплицитно отражающих те или иные стереотипные (коллективные) представления о поведении, роли, статусе, которые приписываются мужчинам и женщинам.

Проследим, каким же образом гендер конструируется в различных видах рекламного дискурса.

Коммуникативное взаимодействие в современной социальной рекламе, главной целью которой является побуждение реципиента к участию в решении социальных проблем, характеризуется существенным повышением роли фактора адресата. Характерна представленная в рекламных текстах предполагаемая система ценностей, актуальная для каждой социальной группы, при этом чётко прослеживается стратегия целенаправленного использования гендерных стереотипов. Коллективный автор сознательно моделирует тип адресата и прогнозирует тем самым его реакцию и посткоммуникативные действия (1, с.12).

Адресатами первой группы социальных рекламных текстов, направленных на опосредованную материальную помощь, являются потенциальные работодатели - предприниматели и бизнесмены, как правило, мужчины средних лет и старше. Для воздействия на аудиторию коллективный автор прибегает при этом к использованию конкретных коммуникативных стратегий, под которыми понимаются приёмы выбора, структурирования и подачи в тексте (как в его вербальной, так и невербальной части) информации о социальной ситуации, подчинённые цели коммуникативного воздействия - убедить адресата помочь нуждающимся. Так, социальная реклама, рассчитанная на работодателей, чаще всего мужчин, оформляется как рационально обоснованная, формируя при этом такую мотивацию, как гражданский долг, вклад в проведение социальных изменений: *«Arbeitgeber, die Sie nicht nutzen, verlieren Geld»* (реклама, направленная на помощь безработным в трудоустройстве).

Типичными адресатами второй группы рекламных текстов, направленных на непосредственную материальную помощь, оказываются работающие женщины средних лет и старше. Журнал *«Der Spiegel»* приводит данные, свидетельствующие о том, что более милосердны и сострадательны к чужому несчастью женщины, они чаще всего жертвуют на помощь нуждающимся, в первую очередь детям (4, с.14). Исходя из этого социальная реклама, ориентированная на женскую аудиторию, представляется эмоционально насыщенной, побуждающей к действиям, мотивация которых - милосердие (1, с.15). Воздействие оказывается при помощи стимуляции эмоций, в этом случае наиболее часто привлекаемыми становятся образы ребёнка и матери: *«Die Mütter sind ganz allein für Kinder verantwortlich, haben aber ohne Job keine Chance, für das Überleben ihrer Kinder zu sorgen»*; *«Ihre Spende hilft herzkranken Kindern. Dresdener Bank. Kinderherzstiftung»*. Понятие "отец" как социальная ипостась мужчины слабо представлено в социальных рекламных текстах как на немецком, так и на русском языках (1, с.18).

Во многих социальных рекламных текстах дифференциация сфер деятельности женщин и мужчин представлена в соответствии с распространёнными гендерными стереотипами. Так, несмотря на то, что из 3 миллионов фирм Германии 800 тысяч возглавляются женщинами (по данным Института Немецкой экономики) (1, с.21), большинство социальных рекламных текстов, ссылающихся на авторитет, апеллируют к добившимся успеха в бизнесе руководителям-мужчинам: *«Lieber Klaus Conrad, wie finden Sie eigentlich immer die richtige Technik?»*. То есть, в стереотипном представлении руководящие должности принято считать «мужскими». Обращение к рабочим также опирается на общественные стереотипы. Рабочие, в традиционном понимании чаще всего мужчины, изображаются как добытчики и кормильцы, как специалисты, профессионалы своего дела: *«Sehen Sie die Wiener Stadtwerke so: rund 16300 Mitarbeiter machen uns zu einem der größten Arbeitgeber Österreichs. Durch ständige Weiterbildung ist jeder Einzelne von ihnen auf dem*

letzten Stand der Technik. Nur dies garantiert ein reibungsloses Funktionieren eines Betriebs unserer Größe».

Социальные рекламные тексты, предлагающие работу женской части аудитории, как правило, отражают стереотипные представления о «типично женской работе»: *«Kath. Kindergarten St. Thomas Morus sucht Erzieherin»; «Kein Tag wie der andere" SOS-Kinderdorf Mutter».*

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что в социальном рекламном дискурсе явно прослеживается гендерная дифференциация социальных ролей. Результаты анализа социальных рекламных текстов подтверждают традиционное разделение социума на два пространства - мужское и женское, а также отражение в них полоролевых стереотипов. При этом тексты, направленные на решение проблем, связанных с улучшением благосостояния, статуса и т.п., имплицитно корреспондируют с такими характеристиками, как рациональность, целенаправленность, авторитетность, которые атрибутируются маскулинности, тогда как тексты, посвящённые решению повседневных проблем, соотносятся с такими характеристиками, как жертвенность, доброта, милосердие, которые приписываются стереотипно фемининности.

Частная реклама представляет собой богатый материал для исследования с гендерной точки зрения. Нами было проанализировано около 200 брачных объявлений, которые рассматриваются в качестве определённого вида частной рекламы. В целом они распадаются на две группы. К первой относятся объявления, сообщающие о желании замужества или знакомства с мужчиной для последующих отношений, их можно условно обозначить как *«Sie sucht Ihn»*. При этом наиболее часто встречающиеся лексемы, обозначающие качества, которые атрибутируются женщинам, можно подразделить на следующие семантические области:

- привлекательная внешность, женственность: *schlank, mit weiblichen Formen, sympathisch, attraktiv, gepflegt, weiblich, nett, schön, hübsch, sexy, mit schlanker Figur, mit guter Figur;*

- хозяйственность, трудолюбие: *eine gute/vorzügliche Köchin, Haus- und Gartenarbeit lieben, gern backen und kochen, ordentlich, mit zwei fleißigen Händen, arbeitsliebig;*

- положительные черты характера (мягкость, покладистость, верность, добродушие и др.): *ehrlich, treu, echt, zuverlässig, tierlieb, höflich, ruhig, selbstbewusst, mit Herzenswärme, sensibel, mit Herz, aufgeschlossen, zärtlich, hilfsbereit, freundlich;*

- спортивность, активность, динамичность: *spontan, sportlich, aktiv, ortsungebunden, temperamentvoll, unternehmungslustig, fit, lebendig, reiseliebig;*

- чувство юмора, жизнелюбие: *humorvoll, witzig, lebensbejahend, lustig, optimistisch.*

Наряду с привлекательностью, юным возрастом женщины (*jung, jung geblieben*) подчёркиваются её домовитость, хозяйственность, приверженность патриархальному укладу. Упоминаются или предполагаются такие качества,

как простодушные, безбидность, скромность, гарантирующие иерархическое подчинение мужчине. Со стороны последнего это предполагает такие «мужские» качества как мужество, надёжность, верность (*männlich, kräftig, ehrlich, treu, zuverlässig, aufrichtig, mit Schultern zum Anlehnen*), а также доброту и понимание (*verständnisvoll, kinderlieb, geistvoll, mit Herz, gefühlsvoll, liebevoll*), материальную обеспеченность и определённый статус (*gebildet, berufstätig, niveauvoll, mit Hirn, mit Verstand, mit Niveau, mit beiden Beinen im Leben stehend*).

Вторую группу объявлений условно можно обозначить как «Er sucht Sie». Мужчины представляются наделёнными качествами, которые можно условно можно разделить на следующие семантические области:

- экономическая независимость, обеспеченность, образованность: *gebildet, berufstätig, mit Niveau, mit Verstand, mit hohen Einkommen, in bester Vermögenslage, mit Auto, wohlhabend, finanziell unabhängig, mit beiden Beinen im Leben stehend*;

- мужественность: *männlich, kräftig gebaut, sportlich, zuverlässig, mit Charakter, unternehmungslustig*;

- верность, честность, доброта: *treu, ehrlich, aufrichtig, zärtlich, tierlieb, kinderlieb, mit Herz*;

- воспитанность, хорошие манеры: *gut erzogen, mit Tischmanieren, mit feinen Manieren*.

К приоритетам относятся также профессиональная ориентация, образование, эрудированность, разнообразие интересов, политическая ориентация. В свою очередь, в будущей супруге/партнёрше ожидают увидеть привлекательную внешность, женственность, естественность (*nett, hübsch, lieb, schlank, natürlich, mit Charme und Ausstrahlung, weiblich, mit weiblichen Rundungen*), домовитость и хозяйственность (*häuslich, eine gute Köchin, kinderlieb*), верность и доброту (*ehrlich, treu, liebevoll, herzlich, aufrichtig*), оптимизм (*lebenslustig, optimistisch, lebensfroh*).

Таким образом, в частном рекламном дискурсе образы мужчины и женщины представлены в соответствии с распространёнными гендерными стереотипами и социальными ролями: мужчины наделяются, прежде всего, характеристиками «сильного» пола (мужественность, сила, надёжность, ум, материальная обеспеченность, экономическая независимость), женщинам же приписываются качества «прекрасного» («слабого») пола (женственность, привлекательность, доброта, покладистость, хозяйственность и домовитость).

Анализ рекламы выявил и другую тенденцию - к нейтрализации гендерного фактора.

В настоящее время образ женщины трансформируется под влиянием перемен, происходящих в их общественном и профессиональном положении - женщина становится активной, занимает маскулинизированные позиции, уходит от привычной роли жены, матери, пытается реализовать себя как личность.

В социальном рекламном дискурсе наряду с текстами, предлагающими «типично женскую работу», наблюдается значительное число рекламных

текстов, предлагающих престижные должности (в фирме, вузе, банковской сфере и т.п.), в которых половое различие не играет существенной роли. Примером может послужить следующее рекламное объявление, сопровождающееся изображением девушки в деловом костюме: «*Internet-shop eröffnen. Firma vorstellen. Produkte verkaufen. Jungunternehmerin, 28, bekennt: "Ich bin EARN-E-Anhängerin, weil EARNing by doing so einfach ist". Sie wollen von E-Commerce profitieren? Dann tun Sie es doch einfach*».

Что касается частного рекламного дискурса, в частности брачных объявлений, то и здесь перераспределение социальных ролей нашло своё отражение. Новые приоритеты предполагают психологический портрет женщины, включающий черты, традиционно приписываемые мужчине - высокий интеллект, целеустремлённость, интерес к разным сторонам общественной жизни, успешность карьеры. На передний план выдвигаются такие аспекты, как профессиональная ориентация, образованность, успешность, материальная независимость (*gebildet, berufstätig, mit Verstand, mit beiden Beinen im Leben stehend, finanziell unabhängig, mit eigenem Auto, mit Haus und Garten*).

Таким образом, несмотря на то, что во многих рекламных текстах проявляется яркая гендерная стереотипизация, в настоящее время существует тенденция к её преодолению, в силу современной тенденции к перераспределению социальных ролей в обществе.

Литература

1. Томская М.В. Гендерный аспект рекламы (на материале социальных рекламных текстов) [Текст] / М.В.Томская - www.gender-cent.ru/azan.ru:8101/scool/tomskaya.htm-77k
2. Янчук Е.И. Гендер // Новейший философский словарь [Текст]./ Е.И. Янчук - 1998. – С. 154 – 159.
3. www.togi.ru
4. Der Spiegel [Текст] - 1998, №18.

ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНОГО ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В НЕМЕЦКОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ

Назина О.В.

Колледж электроники и бизнеса ГОУ ВПО
Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

В коллективном сознании присутствуют гендерные стереотипы - упрощённые и заострённые представления общества о свойствах и качествах лиц того или иного пола (2). Конструирование гендерного сознания индивидов происходит посредством распространения и поддержания социокультурных норм и предписаний.

Появление гендерных стереотипов обусловлено тем, что модель гендерных отношений исторически выстраивалась таким образом, что половые различия располагались над индивидуальными, качественными различиями личности мужчины и женщины. Уже у Платона можно встретить убеждение в отличии всех женщин от мужчин: «... по своей природе, как женщина, так и мужчина могут принимать участие во всех делах, однако женщина во всем неможнее мужчины» (Платон, «Республика») (5).

Стереотипические представления о социальных ролях и предназначении мужчин и женщин находят отражение в языке, в особенности во фразеологическом фонде языка, который даёт наиболее яркое представление об общественных ценностях и стереотипах того или иного времени. Пословицы и поговорки хранят в языке крупницы народной мудрости. В них отражается история и мировоззрение создавшего их народа, его традиции, обычаи, нравы. В частности, они наглядно демонстрируют представление о женщине как о части языковой картины мира.

Методом сплошной выборки нами было отобрано 237 фразеологических единиц немецкого языка, главным образом пословиц. Источником послужили следующие словари: Beyer H., Beyer A. Sprichwörterlexikon; Friederich W. Moderne Deutsche Idiomatik; Фразеологический словарь современного немецкого языка. Критерием отбора стал формально-семантический признак, то есть отбирались фразеологические единицы, где эксплицитно или имплицитно присутствует образ женщины: *eine schöne Frau hat immer recht; eine böse Sieben*. Иными словами, отбирались фразеологические единицы, содержащие непосредственную номинацию женского пола, либо его метафорическое переосмысление. Мы обратились к исследованию отражения именно женских образов во фразеологическом фонде немецкого языка в связи с тем, что мужские номинации представлены гораздо шире, и для их анализа надо рассматривать практически весь пословично-поговорочный материал.

Наиболее частотными в исследованном материале оказались номинации: *Frau, Weib, Mädchen, Jungfrau, Mutter, Braut, Hausfrau, Witwe*.

Немецкий фразеологический материал, содержащий непосредственную номинацию женского пола или его метафорическое переосмысление, представлен различными семантическими областями.

Существенную часть семантической области «супружество» составляют глагольные сочетания, в большинстве которых женщина выступает в роли объекта действия: *in festen Händen sein*. Наряду с этим, женщина может являться и субъектом действия: *dem Mann eine Gardinenpredigt halten; jemandem die Hand fürs Leben reichen*. Однако рекомендации в браке, описания тягот семейной жизни обращены лишь к мужчинам. Поощряется довольно жесткое обращение с женщиной как залог семейного счастья: *Schlage deine Frau häufig. Wenn Du nicht weißt warum, Sie weiß es bestimmt; die Frau und den Maulesel schlägt man mit Holz, einen Mann mit Worten*.

Следующая семантическая область - «молодая девушка», где наблюдается высокая частотность лексем *Mädchen, Jungfrau, Braut*. В большом количестве случаев девушка выступает в роли невесты - основной своей роли, как показывает языковой материал: *wer das Glück hat, führt die Braut heim* (3, с.286). При этом в некоторых пословицах подчёркивается зависимость девушки от мужского внимания: *ein Mädchen ohne Freund ist wie ein Frühling ohne Blüten*.

В семантической области «внешность женщины» привлекательность относится к числу значимых ценностей. Отношение к внешности весьма прагматично: *eine schöne Wirtin macht einen teuren Gasthof*. Красота также связывается с опасностью и соотносится с военной сферой: *eine schöne Frau hat ihre Waffen bei sich*.

Материнство коннотировано только положительно: *Mutterliebe altert nie; wer das Kind bei der Hand greift, greift der Mutter ans Herz*. Вместе с тем, встречаются ФЕ, соотносящие сферу материнства и сферу сексуальности: *einmal hat's die Mutter erlaubt, sagte das Mädchen*. Образ матери определяется с точки зрения ее необходимости для мужа и детей.

В семантической группе «женщина как сексуальный объект» очень чётко присутствует андроцентричный взгляд: все оценки производятся с точки зрения значимости для мужчины, а также с прагматической точки зрения: *eine schöne Wirtin macht einen teuren Gasthof, eine schöne Frau will jeder küssen; ohne Frauen und Wein kann niemand fröhlich sein; altes Geld und junge Weiber sind gute Zeitvertreiber*. К данной группе относится ряд глагольных фразеологизмов, где девушка является объектом действия: *sich einen Goldfisch angeln*.

Следующую семантическую область образуют фразеологические единицы, характеризующие женский интеллект. Немецкая феминистская литература подробно освещает сложившиеся в обществе представления о женском интеллекте и, соответственно, о женской деятельности: «Так как женщины в нашем обществе имеют более низкий статус, чем мужчины, их деятельность также получает более низкую оценку, чем деятельность мужчин. При одинаковых занятиях считается, что действие, выполненное мужчиной, более значимо, чем действие, выполненное женщиной» (10).

Немецкий фразеологический материал подтверждает этот вывод: более 2/3 фразеологических единиц, посвящённых женскому интеллекту, отражают андроцентричное представление об ограниченности и недостаточности женского интеллекта: *eine dumme Ziege; ein verrücktes Huhn*. Обращает на себя внимание метафоричность многих анализируемых фразеологических единиц. Метафора базируется на сравнении с животным миром, с теми животными, которых принято считать глупыми и неразумными.

В немецком языке представлено также немалое количество пословиц, представляющих собой «цитации» (по В. Н. Телии): *alles mit Überlegung, sagte die Frau und briet Speck in Butter; Können vor Lachen, hat das Mädchen gesagt*. Все они носят иронический характер. Женщины в них выступают как несерьёзные, умственно недостаточные существа. В ряде случаев, однако, интеллект и разумность женщин признаются, но с точки зрения их полезности для мужчин: *eine kluge Frau macht den Mann vernünftig*.

Любви и ухаживаниям, независимо от намерения заключить брак, посвящена небольшая группа фразеологических единиц, где также преобладает андроцентричный взгляд на отношения между представителями двух полов: *was die Geliebte tut, ist alles gut*. Имеет место опредмечивание образа женщины: *Wer nicht liebt Wein, Weib und Gesang, der bleibt ein Narr sein Leben lang*. Отсутствует отрицательная оценка женщин, выраженная эксплицитно, однако общая идея фразеологических единиц этой подгруппы состоит в том, чтобы отразить «слепоту» любящего мужчины, не способного заметить недостатки любимой.

Фрагмент поля, относящийся к понятию *altes Weib* (старуха), часто обнаруживает присутствие лексемы *Teufel* (чёрт): *mit einem alten Weib führt der Teufel keinen Prozeß; wo der Teufel nicht hinwagt, schickt er ein altes Weib*. В большинстве фразеологических единиц этого поля понятие «старая женщина» коннотировано отрицательно: *alles hat seine Zeit, nur die alten Weiber nicht*.

В религиозной сфере доминирует лексема *Nonne* (монахиня). Особенностью является ироническая коннотация, присущая всем единицам этого фрагмента: *frisch gewagt ist halb gewonnen, sprach der Pastor zu den Nonnen; alles kommt an den Mann, sagte die Nonne, bloss ich nicht*.

Что касается семантической области «вдова», иллокуция сострадательности в немецком материале отмечается лишь в одном случае: *einer jungen Witwe weiß jeder einen Klecks anzuhanen*. Более свойствен для немецких фразеологических единиц прагматический подход: *wer die Witwe freit, freit auch die Schulden; lieber eine Jungfer als vier Witwen*.

Группа фразеологических единиц, содержащих номинацию «слабого пола» как такового, выражает понятие женственности, включая фразеологические единицы типа *die holde Weiblichkeit*. В ней присутствуют атрибуты, соотносящиеся с лексико-семантическим полем «Слабость, нежность» (*schwach, hold, zart*): *Zorn ist ein Mann, Sanftmut ist eine Frau*.

Отличительным признаком этой подгруппы является стилистическая маркированность, часто полярность - отнесённость к высокому стилю или,

наоборот, сниженность высказываний: *Schwachheit, dein Name ist Weib* (ироничное); *von zarter Hand* (возвышенное); *die holde Weiblichkeit* (ироничное); *das schöne/schwache/zarte Geschlecht* (возвышенное).

По результатам анализа языкового материала выяснилось значительное превосходство количества единиц с отрицательной коннотацией над количеством единиц с положительной коннотацией.

Наиболее чётко поддается определению, какие черты женщин характеризуются отрицательно. К их числу относятся:

1) сварливость, дурной нрав, злость: *die Hölle kennt keine Wut; wie die einer verschmähten Frau; ein böser Mann ist ein Teufel, eine böse Frau eine Hölle; dreier Weiber Gezank macht einen Jahrmarkt; noch niemals gab es Streit ohne eine Frau;*

2) хитрость, фальшь, неискренность: *eine falsche Katze; wo Eva gemalt steht, da ist die Schlange nicht weit; Frauen sind schwer zu durchschauen; wenn die Frauen aus Glas wären, sie würden doch undurchsichtig sein.*

3) недостаточность, неполноценность женского интеллекта: *eine dumme Gans; eine blöde Ziege; Kindern und Frauen muß man ihr Spielzeug lassen; was nützen Frauen mit einem photographischen Gedächtnis, wenn sie nicht mal 'ne Videokassette einlegen können;*

4) опасность, исходящая от женщины: *eine Frau und ein Gewitter sind immer zu fürchten; was eine Frau will, davor zittert Gott; eine Frau, sei noch so klein, stellt dem Teufel ein Bein; die drei gefährlichsten Dinge im Leben sind Feuer, Frauen und das Meer; der Teufel verschluckte eine Frau, aber er konnte sie nicht verdauen.* Опасность связывается с непредсказуемостью, нелогичностью;

5) болтливость: *die Fische sind stumm, aber die Fischweiber nicht; alte Weiber und Frosche quaken viel; es steht der Frau nicht gut an, den Mund zu öffnen, außer beim Essen;*

6) неверность: *schöne Weiber, vergoldete Horner; eine typische Eva;*

7) тщеславие: *keine Frau ist dir böse, wenn du von ihrer Schönheit sprichst;*

8) расточительство: *was der Mann mit dem Wagen einfährt, trägt die Frau mit der Schürze hinaus;*

9) капризный нрав: *der Frau, der Mühle und dem Schiff mangelt es immer an was.*

Группа фразеологических единиц, содержащих положительно коннотированную информацию, занимает существенно меньшее место в общей массе исследуемых единиц. Положительные характеристики женщин представлены в контексте их полезности для мужчин: *eine gute Frau ist des Goldes wert; eine gute Frau macht aus einem Achtziger einen Vierziger.* Положительно оценивается прежде всего незаменимость женщины как супруги и хозяйки: *einer reinlichen Frau fehlt es nie an Wasser; das Auge der Frau hält die Stube rein; eine Frauenhand findet immer zu tun; in Häusern, wo Bildung herrscht und Sitte, da gehen die Frauen zuerst, die Männer folgen ihrem Schritte.* Идеалом женщины представляется женщина-хозяйка, женщина-мать.

Тем не менее, как показал анализ языкового материала, единиц, отражающих положительные качества в образе женщины, гораздо меньше, чем отражающих отрицательные качества.

Во многих фразеологических единицах языка негативная коннотация достигается за счёт того, что женский образ фигурирует как некое производное от мужчины, происходит опредмечивание образа женщины и часто осуществляется его сравнение с представителями животного мира: *die Frau ist des Mannes Visitenkarte; der Mann bleibt immer das Haupt und die Frau sein Hut; Frauen und Wassermelonen sind Glückssache; Frauen und Wind sind notwendige Übel; gut Pferd, das nie stolpert, gut Weib, das nie holpert.*

Заслуживает внимания тот факт, что приписывание женщине мужских качеств повышает её значимость (например, выражение *guter Kerl* употребляется по отношению к девушке отзывчивой, готовой помочь и даже пострадать за других), а употребление лексем, синтагматически сочетающихся обычно с референтом-женщиной, снижает статус мужчины: *heulen wie ein Weib; sich wie ein altes Weib benehmen*. Таким образом, стереотипы мужества как проявления «настоящего» человека вступают в противоречие с качествами, приписываемыми женщинам.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1. Женщины присутствуют лишь в некоторых фрагментах картины мира, создаваемой немецкими фразеологическими единицами. Число таких фразеологических единиц очень мало.

2. Доминирует андроцентричный взгляд на гендерные отношения. Налицо выраженная гендерная асимметрия: женщины представляются с точки зрения их отношения к жизни мужчин. Оценка женщин и женской деятельности производится с позиции их полезности и необходимости для мужчин. Положительно оцениваются материнство, хозяйственность, привлекательность, юность.

3. Женщины фигурируют как объект потребления. Их агентивность крайне незначительна. Присутствует инструментализация, опредмечивание образа женщины.

4. Создавая усредненный образ женщины, немецкая фразеология в качестве прототипических подчёркивает ее отрицательные черты. Типично женские качества оцениваются главным образом отрицательно. Применение к женщинам номинаций, считающихся мужскими, оценивается положительно и наоборот.

Следует отметить, что в настоящее время образ женщины трансформируется под влиянием перемен, происходящих в их общественном и профессиональном положении, - женщина становится активной, занимает маскулинизированные позиции, уходит от привычной роли жены, матери, пытается реализовать себя как личность. Начало этой трансформации положило мощное женское движение 70-х годов XX века, настойчиво добивавшегося общей переоценки роли женщин в развитии человечества, его культуры и истории (2). Взлёт Нового женского движения вызвал ряд изменений в

языковой политике, нормировании языка, а также ревизию отражения гендерных стереотипов в печатной продукции и СМИ.

Квинтэссенцией произошедшего статусного сдвига в немецкоговорящих странах стала «замена трёх традиционных «К» в имидже женщины - «*Kinder, Küche, Kirche*» (дети, кухня, церковь) - на новые «*Kenntnis, Können, Kompetenz*» (знание, умение, компетентность)» (2). Это нашло адекватное отражение в языке, и, прежде всего, в его фразеологическом фонде. Из словарей стали убирать дискриминационные пословицы типа: *ein Mann ein Wort, eine Frau ein Wörterbuch; eine Tochter wurde geboren, nichts wurde geboren; ein Sohn wurde geboren, ein Schwendacker wurde gerodet* (8). Высокая активность феминистского движения обусловила возникновение новых пословиц и поговорок, граффити, направленных на повышение статуса женщины и её самоутверждение: *eine Frau ohne Mann ist wie ein Fisch ohne Fahrrad*. Огромную роль сыграла женская литература, в центре которой стояло бытие женщины (*weiblicher Lebenszusammenhang*) (1).

Тем не менее, группа фразеологических единиц, содержащих негативные и дискриминирующие оценки женщин, остаётся наиболее многочисленной. Фразеологизмы, дающие, как известно, «усреднённую», стереотипную картину мира, представляют собой тотальное обобщение, закрепляя в народном сознании образ «усреднённой» женщины как существа, наделённого главным образом отрицательными качествами. Индивидуальные особенности стираются, отрицательные же черты закрепляются в народных стереотипах, переходя в модус ожидания. Негативные характеристики женщин подаются, таким образом, как имманентные всем представительницам «второго пола». Поэтому вопрос о реформировании фразеологического фонда языка представляется нам наиболее актуальным в социальном плане, прежде всего, в аспекте необходимости преодоления стереотипных дискриминирующих представлений о роли женщины в обществе.

Литература:

1. Кирилина А. Гендерные стереотипы по данным языка [Текст] / А. Кирилина - www.a-z.ru/women_cd1/html/kirilina_b.htm - 137k
2. Кирилина А. Лингвистические гендерные исследования [Текст] / А. Кирилина, М. Томская - 2005; www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1038_137k
3. Москальская О.И. Большой немецко-русский словарь. Том 2 [Текст] / О.И. Москальская - М.: Русский язык медиа, 2004.
4. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка [Текст] / И.И. Чернышева - М.: Высш. шк., 1970.
5. Словарь гендерных терминов - <http://www.ug.ru/issues/?action=topic&toid=1854>
6. Tannen D. You just don't understand. Women and men in conversation [Текст] / D. Tannen - N. Y., 1990.
7. de.wikiquote.org/wiki/Deutsche_Sprichwörter

8. www.togi.ru
9. www.owl.ru/gender/011.htm - 8k:

НЕОЛОГИЗМЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА И СЛОВОТВОРЧЕСТВО

Олейник О.В.

Орский гуманитарно-технологический институт филиал
Оренбургского государственного университета, г. Орск

Появление в языке новых обозначений – слов – обязательный спутник нового в области культуры общества, будь то материальное производство, духовная жизнь, мода или взаимоотношения людей, социальных групп и государств. Человек, реагируя на воздействие изменяющихся внешних факторов, постоянно варьирует язык, совершенствуя его, что приводит к динамике языкового материала.

Одной из причин возникновения неологизмов является стремление к самовыражению через словотворчество. Словотворчество обычно рассматривается как феномен коллективного, социально обусловленного развития языка [2, с.103]. Процессы словотворчества базируются на речемыслительных механизмах, которые порождают вариативность языковых форм и ошибки речи носителей языка в обыденной коммуникации, различного рода «языковые игры», в том числе с детьми, и словотворчество в художественных произведениях.

В любом новом слове как результате словотворчества отражается определенное соотношение творческого начала и стандарта. Это способствует незаметному введению определенной точки зрения на некоторую ситуацию, предлагая готовое суждение. Например, *die Bierdeckel-Steuerreform* – «налоговая реформа, после принятия которой, возникает потребность в дальнейших нововведениях». Неожиданность и непредсказуемость появления этой единицы номинации обнаруживается в сравнении налоговой реформы с подставкой под пивную кружку, как правило, одноразового использования.

На наш взгляд, инновации в ряде случаев несут не столько большую информацию, сколько информацию с иным наполнением. Они обладают трудноуловимыми коннотациями и коннотационными отношениями, распространяющимися на все высказывание. Ср.:

Das hier, das war kein rituelles Bussi-Bussi und keine kumpaneske Umarmung, das war weder fotogenes Schnäbeln noch beschwipstes Party-Gekuschel [4, с. 146].
<Здесь, это были ни ритуальные чмок-чмок, ни приятельские объятия, это были и ни фотогеничные поцелуи, ни поглаживания, типичные для вечеринок в подвыпившем состоянии.>

Лексическая единица *das Bussi-Bussi* в словарях отсутствует, поиск ее значения идет с опорой на известные или сходные с другими словами компоненты и структуры. В словаре представлен глагол *busseln* в значении целовать. В нашем примере *das Bussi-Bussi* следует рассматривать в ракурсе сопоставления с периодом детского словотворчества. В современных

источниках можно встретить сложное существительное с упомянутым компонентом *die Bussi-Bussi-Gesellschaft*, ср.:

In der Schickeria spielen Äußerlichkeiten wie ausgefallene Kleidung, edles Essen, Schampus und exaltiertes Verhalten (insbesondere der beidseitige, angedeutete Wangenkuss, was zu dem Begriff der „Bussi-Bussi-Gesellschaft“ führte) eine herausragende Rolle [<http://de.wikipedia.org/wiki/Schickeria>]. <В шикарном обществе играют исключительную роль такие формальности, как необычная одежда, отменная еда, шампанское и экзальтированное поведение (в особенности мимолетный, слегка заметный поцелуй в щеку, что привело к образованию понятия «чмок-чмок-общество»).>

В представленной выдержке примером словотворчества является лексическая единица *die Schickeria*, образованная от итальянского слова *sciccheria*, обозначающая шик и элегантность. Это шутовское обозначение сценической публики, чье поведение и действия являются объектом бульварной прессы. Нестандартной формой обладает синоним *die Schickeria*, австрийский вариант *Adabei (auch dabei)*, созданный с нарушением в той или иной степени деривационной нормы. Образование столь броских, необычных номинаций подтверждает высказывание А.А. Залевской, что для человека значение слова функционирует не само по себе, а как средство выхода на личностно переживаемую индивидуальную картину мира во всем богатстве ее сущностей, качеств, связей и отношений, эмоционально-оценочных нюансов [1, с. 134].

Своеобразная «игра с языком» проявляется в наличии у новых слов как бы скрытого, завуалированного, эмоционально-окрашенного оттенка значения. Например: *der Persilschein* – реабилитирующий документ, при этом *Persil* является общеизвестной в Европе маркой синтетического моющего средства. Это слово получило новое семантическое наполнение и вызывает определенные эмоционально-оценочные переживания. В данном случае проявляется принцип вариативности, который потенциально заложен в семантике единиц любого языка, что и позволяет их значениям изменяться с течением времени для более полного отражения объективного мира.

Тексты, передающие чье-либо мнение, нацеленные на коммуникацию, содержат композиты, которые более экспрессивны. Сложные слова приносят различные коннотации и ассоциации, тем самым оказывают влияние на читателя (*Glamourverbot* – «запрет на желание выглядеть привлекательно», *Dorfdepp* – «деревенщина», *Literaturpapst* – «авторитетный критик в области литературы», *Buschzulage* – «добавка к жалованию для добровольцев из ФРГ, работающих в восточных землях Германии после воссоединения», *Patchwork-Familie* – «семья, в которых дети соединены от предыдущих браков мужа и жены», *Wochenendbruder*).

Die Reporter haben die neuen Lebensformen erkundet – wie am Beispiel dieser Münchner Patchwork-Familie (samt Stiefvater, Halbschwestern und Wochenendbruder) [Geo 2005/ 02]. <Репортеры выявили новые формы жизни – на примере мюнхенской доскутной семьи (вместе с отчимом, со сводными сестрами, с братьями на уик-энд).>

Композиты-неологизмы вместе с другими языковыми средствами побуждают к размышлениям, к полемике, они не служат для обозначения новых референтов, не являются нейтральными, привнося иронию, сарказм, преувеличение. Например, слово *die Teenager-Vorabendserie* благодаря своей длине и компонентам, входящих в состав этого неологизма, вызывает ассоциации, связанные с «молодыми, несовершеннолетними, еще недостаточно умными телезрителями, которые предпочитают смотреть мыльные оперы». Встречаемость оригинальных, эмоционально-окрашенных композитов зависит от выбора текста. Подобные единицы встречаются чаще в бульварной, в желтой прессе, в оригинальных текстах.

Ярким примером словотворчества служат окказиональные образования, обладающие оригинальностью в плане формы и содержания. Например, окказионализм Мартина Вальзера *die Moralkеule* – «неудачное и грубое использование в своей аргументации упоминания об ответственности немцев за массовое убийство евреев во время национал-социализма» [<http://de.wikipedia.org/wiki/Moralkеule>]. По своей внешней форме словотворчество в этом примере выражается в объединении компонентов, по своей структуре не сочетаемых между собой, один из которых называет абстрактное понятие «мораль», другой конкретный предмет действительности «дубина». Тем самым обеспечивает имплицитное воздействие на мнение адресата, что служит для выражения авторских интенций, проявляющихся в критике, сарказме, насмешке.

По оценке В.Д. Девкина, мода в языке в настоящее время императивна и агрессивна, ее качество не подвергается ни анализу, ни критике. Ей следуют слепо. Модное в языке быстро «изнашивается», шаблонизируется и начинает требовать новых замен. Как бы ни была сильна потребность в ярких, бросающихся в глаза отделах, главные импульсы к введению новаций – это утилитарные причины: простота, удобство, точность, престиж выражения. Язык изменяется с разной скоростью. Наше время отличается ускорением изменения лексики, что вполне соответствует быстрому темпу жизни [3, с. 32]. Эта точка зрения дает нам основание утверждать, что характерные черты неологии – мобильность, актуальность этих явлений и быстротечность изменений.

Список литературы.

1. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М.: Российск. гос. ун-т, 2000. – 382 с.
2. Тогоева, С.И. Современная лексикография и новые единицы номинации : монография / С.И. Тогоева; М-во образования Рос. Федерации, Твер. гос. ун-т. – Тверь: ТГУ, 2000. – 147 с.
3. Девкин, В.Д. Обновление лексики / В.Д. Девкин // Лексика и лексикография : сб. науч. тр./ отв. ред. Ю.Г. Коротких, А.М. Шахнорович. – М.: Институт языкознания РАН, 2001. – Вып. 12. – 141 с.
4. Meier, G. Der Salon : Roman / G. Meier, Ch. Eichel. – Frankfurt am Main: Fischer, 2003. – 319 S.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ИДЕИ ПРОТОТИПИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ПОЛИСЕМАНТИЧНОМ СЛОВЕ

Печаткина О.В.

ГОУ ВПО Башкирский государственный педагогический университет
им. М.Акмуллы, г. Уфа

В основе многозначности, на наш взгляд, лежит не центральная сема, а центральная идея, объединяющая все лексико-семантические варианты (ЛСВ). Многозначное слово – это модель ситуации, в которой реализуется одна и та же идея. Именно этим обусловлено то, что взаимосвязь ЛСВ не всегда лежит на поверхности и может быть выражена при помощи толкования. Под ситуацией следует понимать систему разнонаправленных условий, неодинаково определяющих нахождение вещи в пространстве, времени и неоднозначно воспринимаемую с учетом исторических, социальных и индивидуальных параметров. Под идеей стоит понимать, вслед за С.Г.Воркачевым, «диалектически развивающуюся семантическую сущность», источник развития которой «заключается в присутствии отражающих ее категориальных противоречий...» [1: 19]. Подобные идеи высказывает также Г.И.Кустова, подразумевающая под семантическим потенциалом «те возможности, которые предоставляет говорящим исходное значение и связанная с ним ситуация для осмысления, концептуализации других ситуаций, и, с другой стороны, сам круг ситуаций разных типов и разной природы, на которые данное слово можно распространить» [2: 29 – 30].

Особенности анализа языкового материала, в данном случае, заключаются в том, что словесное оформление идеи может не всегда грамматически соответствовать категориям языка, поскольку идея по-разному входит в более или менее объемные ситуации, описание которых нельзя ограничить соответствием предмет – предмет, действие – действие, признак – признак и т.д. Кроме того, на первый план могут выходить признаки предметов или производимые ими (с помощью них) действия, т.е. также отсутствует строгая грамматическая зависимость *что – какое – что делает (позволяет делать) – каким образом делает (позволяет делать)*. Смысловым центром может стать любой компонент названной последовательности. Поскольку при толковании используется большое количество синонимов, при анализе за основу берется синоним, наиболее отражающий суть ситуации, т.е. доминанта представленного синонимического ряда.

В каждом значении выделяются компоненты первого (компоненты-обозначатели), второго (*компоненты-определители*) и третьего уровня (*компоненты-распознаватели*). Уровень анализа более абстрактный, чем при всех имеющихся видах семантического анализа. Компоненты первого уровня четко определяют принадлежность к ситуации, компоненты второго уровня позволяют конкретизировать ситуативный сегмент, компоненты третьего

уровня определяют особенности переносного, стилистического и пр. употребления. Рассмотрим несколько примеров.

1.

Аборигены (лат.): 1) **коренные жители**, обитатели какой-либо страны или местности в противоположность прибывшим поселенцам (обычно о коренном населении Австралии, Океании, Америки). || *Шутл. О тех, кто давно живут, работают или учатся* где-нибудь. 2) *Биол. Растения или животные, появившиеся* в какой-либо местности в процессе эволюции *и существующие там по настоящее время*. (К, с. 11)

Аборигены (лат.): 1) **Коренные жители** страны, местности; автохтоны. (МАС, Т. 1, с. 19)

Аборигены (франц.): 1) **Коренные жители** местности в отличие от поселившихся пришельцев. (ВВ, Т.1, с. 10)

Аборигены (франц.): 1) **живущие** здесь *с самого начала* (Ш., с. 8)

Идея слова: производить длительное действие.

Значения сформулированы единообразно, в переносном и специальном употреблении полностью совпадают по ситуации. Компоненты легко выделяемы.

Отсутствие слова в других словарях обусловлено временем заимствования слова.

2.

Абортивный (лат.): 1) *Биол. Недоразвившийся*. 2) *Мед. Приостанавливающий, резко меняющий* течение болезни. (К, с. 11)

Абортивный (лат.): 1) *Мед. Приостанавливающий, резко изменяющий* развитие какого-л. процесса, течение болезни. 2) *Биол. Недоразвившийся*. (МАС, Т. 1, с. 19)

Абортивный (лат.): 1) **Относящийся к аборту**. (Ч, Т. 1, с. 22)

Идея слова: пресечение чего-то.

Отсутствие слова в других словарях обусловлено временем заимствования слова.

3.

Абрис (нем.): 1) Линейное **очертание** предмета, контур. || **Общее очертание** предмета, силуэт. 2) **Описание** самых общих черт, свойств кого-, чего-либо. (К, с. 11)

Абрис (нем.): 1) **Контурный** рисунок. || **Очертания**, контур. (МАС, Т. 1, с. 19)

Абрис (польск.): 1) *Архит., топогр. Технический чертеж*, технический рисунок (в плане). 2) *Живоп. Рисунок без проработки деталей*, набросок; контур, **очертание**, обрисовка предмета. 3) **Краткий** очерк, набросок; проект, план. (ВВ, Т. 1, с. 10)

Абрис (нем или польск.): 1) **Чертеж**, план, контурный рисунок. (Ф, с. 57)

Абрис (нем.): 1) Рисунок, **чертеж**. (Ш, с. 8)

Идея слова: неполноценность действия.

В зависимости от специализации значения (профессиональной сферы употребления), на первый план при толковании выдвигаются разные синонимы слова, в большей степени отвечающие заложенной прототипической ситуации.

Отсутствие слова в других словарях обусловлено временем заимствования слова.

4.

Аванс (франц.): 1) **Плата**, получаемая *вперед* в счет заработка или причитающихся кому-либо платежей; задаток. || **Время** выдачи такой платы. 2) *обычно мн. Разг. О том, что обещано и что необходимо оправдать, подтвердить в будущем.* 3) *обычно мн. Разг. О поведении, вселяющем надежды на расположение, симпатию.* (К, с. 12)

Аванс (франц.): 1) **Деньги**, выдаваемые *вперед* в счет заработка или причитающихся кому-л. платежей. (МАС, Т. 1, с. 20)

Аванс (франц.): 1) **Обещания**, предложения. (ВВ, Т. 1, с. 13)

Аванс (франц.): 1) – (Ф, с. 58)

Аванс (франц.): 1) Денежная **сумма**, выплачиваемая кому-нибудь *вперед*, в счет будущей зарплаты, гонорара и т.п., задаток. (Ч, Т.1, с. 23)

Аванс (франц.): 1) Ссуда, выданные *вперед* **деньги** (Ш, с. 8)

Идея слова: преждевременность.

Единый семантический комплекс заключается в том, что нечто должно быть оправдано рядом усилий в определенный срок.

Отсутствие слова в других словарях обусловлено временем заимствования слова.

5.

Авантюра (франц.): 1) Рискованное и **сомнительное дело**, предпринятое в расчете на случайный успех. 2) **Легкомысленная затея**, опасное или необычное приключение, похождение. (К, с. 12)

Авантюра (франц.): 1) Рискованное, **сомнительное** предприятие, **дело**, начатое без учета реальных сил и условий, в расчете на случайный успех. 2) *Устар. Легкомысленный поступок* (или ряд поступков), совершаемый ради получения удовольствия, развлечений; приключение, похождение. (МАС, Т.1, с. 20)

Авантюра (польск.): 1) **Приключения**, похождения; происшествие, случай. || *Рискованное дело.* (ВВ, Т.1, с. 14)

Авантюра (франц.): 1) «Рискованное начинание», «**сомнительное** в смысле честности предприятие, рассчитанное на случайный успех», «**дело**, предпринятое без учета реальных сил и условий, обреченное на провал, на неудачу», «приключение», «похождение». (Ч, Т. 1, с. 23)

Авантюра (фр.): 1) **Приключение** (Ф, с. 58)

Авантюра (фр.): 1) Происшествие, случай, **приключение** (Ш, с. 8)

Идея слова: вероятность.

Некоторые толкования на первый взгляд могут показаться устаревшими, в частности 2) в МАС, 1) в ВВ, Ф, Ш, часть 1) в Ч. Однако в одном слове, в

данных случаях, заключена возможность описания всей ситуации. Так, приключение: то, что приключилось, т.е. произошло под воздействием ряда факторов, которые затруднительно было учесть заранее по каким-либо причинам. Компонент *дело* наиболее адекватен описанию, т.к., в имеющемся синонимическом ряду является доминантой, а слово *сомнительный* удачным среди компонентов второго уровня, т.к. дело может быть более или менее рискованным, легкомысленным, обреченным на неудачу (но, возможно, и успешным). Таким образом, нечто может совершиться при актуализации тех или иных условий.

Отсутствие слова в других словарях обусловлено временем заимствования слова.

6.

Автоблокировка: 1) *Ж.-д. Система регулирования движения* поездов на перегонах по сигналам светофоров, работающих под воздействием самих поездов. 2) **Совокупность** автоматических устройств, обеспечивающих остановку *работы* машины, аппарата, прибора в случае какой-либо ошибки или аварии. (К, с. 12)

Автоблокировка: 1) *Ж.-д. Система* автоматической **сигнализации** для регулирования движения поездов. 2) **Совокупность** автоматических устройств, обеспечивающих *предотвращение* аварий или ошибок при работе машин, аппаратов, приборов. (МАС, Т. 1., с. 22)

Идея слова: самодостаточность.

Практически одинаковые, узкоспециальные толкования. Компоненты первого уровня указывают на возможность организации некоего процесса вокруг себя и за счет своих возможностей, компоненты второго уровня на направленность этой организованности: *нечто позволяет нечто*.

Отсутствие слова в других словарях обусловлено временем заимствования слова и его сложносоставностью.

7.

Автомат (греч.): 1) *Устройство*, после включения работающее по **заданной программе** без непосредственного участия человека. || *Разг. О телефоне-автомате*. 2) Ручное **автоматическое** скорострельное *оружие*. 3) О человеке, действующем по **выработанному шаблону**, безучастно и механически. (К, с. 13)

Автомат (греч.): 1) Самодействующее *устройство* (аппарат, машина, прибор), производящее работу по **заданной программе** без непосредственного участия человека. || О человеке, действующем по **выработанному шаблону**, безучастно и механически совершающем что-л. 2) Ручное **автоматическое** скорострельное *оружие* — пистолет-пулемет. (МАС, Т.1, с. 22)

Автомат (франц.): 1) **Самодействующее устройство**, приводимое в движение скрытым механизмом; часы, заводные игрушки и пр. || *Перен. О человеке, действующем механически, без рассуждения и чувства*. (ВВ, Т. 1, с. 18)

Автомат (из франц. или нем., первоисточник – греч.): 1) «Аппарат, машина, механизм, включаемые человеком и **самостоятельно выполняющие** определенную работу». 2) «Род стрелкового *оружия*». (Ч, Т. 1, с. 26)

Автомат (франц.): 1) **Работающая без участия человека машина**. (Ш, с. 9)

В случае 2) Ч компонент-обозначатель в словесном толковании не заявлен. Однако возможность синхронно-диахронического сравнения и непосредственный (корневой) смысл слова позволяет сделать выводы о принадлежности значения к данной ситуативной модели.

Всего несколько примеров доказывают, что при разработке семантического анализа следует обращаться к научному синкретизму. Это объясняется желанием более точно описать процессы, результатом которых становятся изменения в структуре языка, прежде всего в области лексики. Также нельзя обходить вниманием научные достижения в области изучения взаимодействия языка и мышления, а именно исследования нейропсихологии, психолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии.

Результаты исследования показали, что факты языка не всегда укладываются в рамки уже существующих классификаций и типологий. Данный факт связан с глубинными особенностями мыслительных процессов человека как носителя и пользователя языка. Прежде всего, мы имеем в виду такое взаимодействие языковых и неязыковых знаний о мире, результаты которого запечатлеваются в слове особым, отличным от других способом (в особенности, на основе преобладания неязыковых знаний носителей языка о мире).

Сокращения:

словарь Кузнецова – К,

словарь Евгеньевой – МАС,

словарь Русского языка XVIII века – ВВ

словарь Академии Российской – АК,

словарь Русского языка XI – XVII в.в. – Б (Бархударов),

словарь Древнерусского языка – А (Аванесов),

словарь Срезневского – С,

словарь Черных – Ч,

словарь Фасмера – Ф,

словарь Шанского – Ш.

После перечисления значений слова, указанных в определенном словаре в скобках, дается указание на словарь, том (если есть), страницу (с.) или столбец (ст.) (характерно для С и АК), например (МАС, Т. 1, с. 19).

Литература

1. Воркачев С.Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы. // Известия АН. Серия литературы и языка. Том 66, № 2, 2007, март – апрель. – М.: Наука, 80 с. – С. 13 – 22.

2. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с. (Studia Philologica).

Словари

3. Словарь древнерусского языка (XI – XIV в.в.). В 10 т. Т. 1 (А – възаконятися). / Гл. ред. Р.И.Аванесов. – М.: Русский язык, 1988. – 526 с.
4. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 1. (А – Й) / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред А.П.Евгеньевой. – 2-е изд., исправ. и доп. – М.: Русский язык, 1981. – 698 с.
5. Словарь русского языка XI – XVII в.в. Выпуск 1 (А – Б). / Гл. ред. Г.С.Бархударов. – М.: Наука, 1975. – 372 с.
6. Словарь русского языка XVIII в. Выпуск 1 (А – Безпристрастие). / Гл. ред. Ю.С.Сорокин. – Л.: Наука, 1984. – 224 с.
7. Современный толковый словарь русского языка. / Сост. И гл. ред С.А.Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2007. – 960 с.
8. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. В трёх томах. Т.1. Ч. 1. – М.: Книга, 1989. – 404 с.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х тт. Т. 1.(А – Д). – М.: Прогресс, 1986. – 576 с.
10. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. – 4-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2001. – 400 с.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ НА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ УРОВНЕ ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ШВЕЙЦАРСКОГО И ГЕРМАНСКОГО ВАРИАНТОВ НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА)

Романенко О.В.

Оренбургский государственный университет

Современная лингвистика немыслима без сопоставления изучаемых объектов. Взаимное соотнесение, сравнение и противопоставление единиц, форм, категорий, разрядов и других языковых явлений выступает как обязательное условие характеристики каждого из них, установления существенных формальных и смысловых связей между ними и конституирования объединяющих их микросистем, субсистем и систем [Рахштейн А.Д. 1980: 6].

Сказанное полностью относится и к исследованию иноязычных единиц. Можно даже утверждать, что в сфере лексико-семантического исследования потребность в сопоставлении выше, чем на других уровнях анализа.

Объектом данного исследования являются иноязычные единицы двух национальных вариантов немецкого литературного языка (швейцарского и германского), пришедшие из близлежащих стран, тем самым, представляя смешанный ряд сопоставляемых языков. При этом сопоставление и исследование иноязычной лексики происходит не на всех уровнях языковой системы, а только на лексико-семантическом.

В составе любого языка, в том числе и немецкого, с высокоразвитой словообразовательной системой значительное место занимают заимствованные слова. Об этом свидетельствуют весьма интенсивные исследования в данной области, проводимые как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике.

Сопоставляя и анализируя лексический уровень национальных вариантов немецкого языка (австрийского, германского и швейцарского) Н.И. Филичева отметила, что количество заимствованных слов в лексике немецкого литературного языка Швейцарии значительно больше, чем собственно в немецком и австрийском ареалах [Филичева 1985:57]. Данное утверждение связано, прежде всего, с географическим положением и с языковой ситуацией данной страны.

Швейцария представляет собой многокультурное государство, объединяющее несколько европейских культур – германскую и романскую – и, соответственно, несколько языков с их маргинальными ареалами – немецкий (южный), французский (восточный), итальянский (северный) и ретороманский (центрально-северный ареал всей системы романских языков). Поэтому, несмотря на свою самостоятельность и равноправие, четыре национальных языка страны находятся в непрерывном и тесном контакте друг с другом, оказывая при этом существенное влияние, которое

прослеживается на всех уровнях языковой системы, в том числе и на лексико-семантическом.

Анализируя лексико-семантический строй иноязычной лексики национальных вариантов немецкого языка (собственно немецкого и швейцарского), нами были обнаружены некоторые значительные расхождения в значениях некоторых слов. Материалом для сопоставления послужили иноязычные существительные французского, итальянского, английского языков, распространённые как на территории немецкоязычной Швейцарии, так и в Германии.

В результате анализа были выявлены шесть групп лексико-семантических соотношений:

В первую группу соответствий входят слова с общенемецкими семантическими особенностями: *das Appartement* (1) апартамент; номер из нескольких комнат с ванной (*в гостинице*); 2) квартира в доме гостиничного типа), *das Abonnement* (подписка, абонемент), *das/ dt. der Bonbon* (конфета, карамелька, леденец), *das/ dt. der Boulevard* (1) бульвар; 2) торговая улица, пешеходная зона), *das Bouquet* (1) букет цветов; 2) винный букет), *die Karosserie* (кузов автомобиля), *das Decor/ dt. der Dekor* (украшение, роспись, декор), *das Decollete/ dt. Dekollete* (декольте), *der/ dt. das Dessert* (десерт, сладкое), *das Etablissement* (предприятие, фирма), *der Flirt* (флирт, ухаживание), *der/ dt. das Gelee* (желе), *der/ dt. das Grammophon* (граммофон), *der Komfort* (комфорт, удобство), *der/ dt. das Match* (матч, встреча, соревнование), *der Muskat* (мускатный орех, мускат), *das Neglige* (утренний, домашний халат, negligee), *das/ dt. der Pavillon* (павильон, беседка), *das/ der dt. Radar* (радар, радиолокационная станция), *das/ dt. der Rechaud* (плитка для подогрева блюд). *Das breite Boulevard hinab, das durch die Fassade des Bahnhofs abgeschlossen wurde, die Zürcher Bahnhofsstrasse* (Guggenheim. Alles in allem, 87). *Auf der Hohen Promenade, unter jenem Pavillon, das sie neulich abgerissen haben* (Humm. Der Kreter, 178).

Вторую группу слов составляют «иностранные заимствования» швейцарского варианта, частично тождественные в плане значения с собственным немецким языком. При сопоставлении этой группы нами были выделены подгруппы: 1) «иноязычные лексемы» швейцарского варианта литературного языка, значения которых уже значений германского варианта языка. 2) значения «иноязычных лексем» швейцарского варианта литературного языка шире, чем значения этих же слов германского варианта языка.

Для первой подгруппы «иноязычных гельветизмов» характерно преобладание существительных с конкретным значением, которое развилось в результате сужения или опредмечивания значения: Так в швейцарском варианте слово *die Aktion* употребляется только в единственном значении «распродажа (уценённых) товаров». В то время как в собственно немецком у него 3 значения: 1) действие; 2) акция, выступление, кампания; 3) мера, мероприятие. Например, в объявлении: *Jetzt Binaca Aktion 2.50 statt 3.- + 30*

Silvapunkte. Profitieren Sie noch heute! Французское существительное *Brigadier*, употребляющееся в речи швейцарца только в значении „бригадир“ в германском варианте немецкого языка имеет ещё одно дополнительное значение *Brigadegeneral* „командующий бригадой, бригадный генерал“: шв. *Ich habe nicht umsonst dafür gesorgt, dass Divisionäre, **Brigadiers** und einflussreiche Industrieführer im Vorstand der Wehrgesellschaft sitzen* (Diggelmann, Das Verhör des Harry Wind, 143). Французское заимствование *der Patron* в швейцарском варианте литературного языка употребляется преимущественно в области содержания гостиниц и ресторанов (im Gastgewerbe) (как вид промысла) в значении „хозяин фирмы“, „работодатель“, например: *Piccolo trug die ... Toto-Ergebnisse in sein Wachstuchheft ein; wie immer am Sonntag war der **Patron** ins Kino gegangen* (Steiner. Strafarbeit, 67). В германском варианте немецкого языка данное существительное является многозначным и употребляется в различных сферах общественной жизни, например, в религиозной в значении „святой-заступник“, в исторической – „покровитель, защитник, меценат“, в разговорной речи – „тип, субъект“.

Второй подгруппе присуще расширение значения иностранных слов, общеупотребительных как на территории немецкоязычной Швейцарии, так и в Германии. Французское *das Billett* в германском варианте является устаревшим и постепенно выходит из своего употребления со значением „проездной билет“, в то время как в швейцарском варианте литературного языка оно остаётся актуальным и более того в фамильярно-разговорном стиле имеет дополнительное значение *Führerschein* „водительские права“. Ещё французское существительное *das Buffet* с общим немецким значением „буфет (шкаф, стойка)“ употребляется в Швейцарии и со значением *Bahnhofsgaststätte* „привокзальное кафе“, например: *Der Wachtmeister liess sich sein Lederretui am Bahnhofskiosk frisch mit Brissagos füllen und begab sich ins **Buffet**, wo er z' Morgen ass* (Glauser. II Gesammelte Werke, 317). Пришедшее из латинского языка в швейцарский вариант существительное *die Pfanne* кроме общенемецкого значения *Bratpfanne* „сковорода“ имеет значение *Kochtopf* „кастрюля, горшок (с ручкой и сотейником)“: *Sie ... goss die Milch nicht aus der **Pfanne** in die Tasse, sondern wählte den Umweg über einen Krug* (Loetscher. Die Kranzflechterin, 221).

Третью группу иноязычных слов лексико-семантического уровня образуют «иноязычные гельветизмы» немецкоязычной Швейцарии, значения которых в германском варианте немецкого языка считаются устарелыми, «архаичными», а на территории изучаемой нами страны ещё употребительными. Так, французское заимствование *die Affiche* в собственно немецком сохранило своё значение только в языке рекламы. В швейцарском же варианте оно является многозначным: 1) объявление, афиша, например: *Unter der Bedingung, dass die Reisenden mit **Affichen** informiert werden, hat der Datenschutzbeauftragte der Überwachung zugestimmt* (NZZ 21.4.2001, 46); 2) плакат: *Joseph blickte auf eine bunte **Affiche**, auf der ein weisser Raddampfer unter blauem Himmel durch blaue Wogen pflügte* (Wechsler. Ein Haus zu wohnen, 116);

3) витрина магазина: [Der neue Hausbesitzer] *entfernte die **Affiche** über dem Eingang, eine **Emailaffiche**, auf welcher schwarz und weiss geschrieben stand Albert Baur, Uhrmacher* (G. Meier. Baur und Bindschädler, 15).

Другими представителями данной группы являются *der Affront* (оскорбление, афронт), *blagieren* (хвалиться, хвастаться), *das Cachet* (характерная черта, признак), *der/das Ceinturon* (поясной ремень), *der Financier* (финансист), *das Perron* (перрон), *der Pneu* (пневматическая шина, покрышка), *der Restaurateur* (хозяин ресторана), *die Sause* (соус), *das Trottoir* (тротуар), **Blagieren** kannst du. Aber beweisen kannst du gar nichts (Inglin. Wendel, 79). *Thomas Dieterle, der grosse **Financier*** (Guggenheim. Der goldene Würfel, 195). *Am Abend stand er auf dem **Trottoir** gegenüber dem Studerschen Coiffeurgeschäft* (Guggenheim. Alles in allem, 470).

Четвёртую группу слов образуют «иноязычные гельветизмы», не употребляющиеся в германском варианте языка, но сохранившие своё значение в южно-немецких ареалах (т.е. в швейцарском, австрийском, люксембургском и других южно-немецких областях): *der Back* (спорт. защитник, игрок обороны), *das Beret* (берет), *der Bluff* (обман, запугивание), *Cabriolet* (кабриолет), *der Deziliter* (дециметр), *der Fauteuil* (мягкое кресло), например: *Im Salon sah ich den Tisch und die hochlehnigen Stühle, den schweren **Plüschfauteuil** und das grosse Sofa* (Oehninger. Kriechspur, 49).

Следующую группу слов образуют «иноязычные гельветизмы», утратившие свою актуальность значения в австрийском и других южно-немецких ареалах, но сохранившиеся в употреблении немецкоязычных швейцарцев: *die Absenz* (отсутствие), *der Centime* (сантим, раппен (название швейцарской монеты)), *das Jus* (правоведение), *das Spital* (больница, госпиталь), *das Tram* (трамвай), например: *Ich habe schliesslich einmal zwei Semester **Jus** studiert* (Dürrenmatt. Der Meteor, 35). *Daraufhin brachte der Bäckermeister... die beiden Opfer selbst ins nächste **Spital*** (Frisch. Mein Name sei Gantenbein, 122). *Er schien auf ein **Tram** zu warten* (Guggenheim. Alles in allem, 222).

При изучении иноязычной лексики в швейцарском варианте литературного немецкого языка нами была выявлена особая группа слов, одинаково употребляющаяся в обоих вариантах языка (и в швейцарском, и в германском), но в совершенно разных значениях: Французское заимствованное существительное *das Lavabo* на территории Швейцарии известно и употребительно жителями в значении Waschbecken „умывальник (раковина), таз“, например: *Wir... gingen der Reihe nach auf das WC, wo es ein Lavabo mit fliessendem Wasser gab* (Diggelmann. Die Rechnung, 89). В собственно немецком ареале это существительное употребляется в церковном обряде при омовении рук священника во время богослужения при помощи воды, налитой в «священный таз», и кружки [Meyer 2006: 174]. Интересным, специфически швейцарским является использование итальянского заимствованного слова *der Peperoncino*, которое употребляется в большинстве случаев только во множественном числе и в швейцарском варианте языка означает то, что в

собственно немецком понимается под *Peperoni* „красный (стручковый) перец“. В Германии же всё наоборот: то, что понимается под словом *die Peperoni*, в швейцарском варианте языка называется *die Peperoncini* [Meyer 2006:197]. Другое заимствованное из Франции существительное *der/das Stage* в швейцарском ареале имеет значение „прохождение практики на более высокую должность, особенно за границей“. В собственно немецком регионе данное существительное употребляется в несколько ином значении как „испытательный срок“. Совершенно по-разному немецкоязычными швейцарцами и германцами трактуется существительное *das Supplement*. На территории Германии, по словарю Дудена, его используют в значениях *der Supplementband* „дополнительный том, дополнение“ и *der Supplementwinkel* „смежный угол“. В Швейцарии же, согласно Курту Маюеру – как *der Nachschlag* „добавка (к еде и при том, что в небольшой гостинице с рестораном)“ [Meyer 2006: 254]: *Am Schluss der „Bistro“-Speisekarte... liest man: „Sollten Sie noch Hunger haben, so servieren wir Ihnen gerne Supplement von Gemüse und Beilagen, selbstverständlich ohne Aufpreis“* (NZZ 10.09.93, Nr. 210).

Таким образом, сопоставительный анализ «иноязычной лексики» на лексико-семантическом уровне обнаруживает не только расхождения национально маркированной нормы современного немецкого литературного языка в Швейцарии с литературным языком Германии, но и тесную взаимосвязь некоторых лексических элементов, основу которых составляют иноязычные заимствования из французского языка.

Используемая литература.

1. Рахштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М.: Высшая школа, 1980 – 143с.
2. Филичева Н. И. Языковая общность как лингвистическое понятие // Вопросы языкознания, №6 . – 1985, - С. 55-62.
7. Diggelmann, W. M. Die Rechnung. Einsiedeln, Zürich, Köln: Benziger 1963.
8. Diggelmann, W. M. Das Verhör des Harry Wind. Roman. Einsiedeln, Zürich, Köln: Benziger 1962.
9. Dürrenmatt, F. Der Meteor. Eine Komödie in zwei Akten. Zürich: Verlag der Arche 1966 .
10. Guggenheim, K. Alles in allem. Roman. Gesamtausgabe, 3.Aufl. Zürich, Stuttgart: Artemis-Verlag 1968.
11. Frisch, M. Mein Name sei Gantenbein. Roman. Frankfurt: Suhrkamp 1967.
12. Humm, R. J. Der Kreter. Roman. Zürich: Werner Classen 1973.
13. Loetscher, H. Die Kranzflechterin. Roman. Zürich: Verlag der Arche 1964.
14. Meier, G. Bauer und Bindschädler. Roman (Werke, Bd.3). 2.Aufl. Bern: Zytglogge 1995.
11. Meyer, K. Schweizer Wörterbuch. So sagen wir in der Schweiz. – Frauenfeld; Stuttgart; Wien: Verlag Huber, 2006 – 336S.
- 6) Oehninger, R. H. Kriechspur. Roman. Bern, München: Erpf 1982.
- 7) Steiner, J. Strafarbeit. Roman. Olten, Freiburg i.Br.: Walter 1962.

ОМОНИМИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ СТРУКТУР НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА В ПЕРЕСЕЧЕНИЯХ ГРАММАТИКО- ЛЕКСИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ

Стренадюк Г.С., Стренадюк Е.Б.

Оренбургский государственный университет

В данной статье делается попытка охарактеризовать выделенную в исследовательских целях группу грамматико-лексических полей (ГЛП), главной особенностью которых является омонимичность их ядер (доминант).

Потребности человеческого общения, изменения в истории народа — носителя языка — вызывают к жизни разнообразные средства передачи все усложняющихся отношений и связей между предметами и явлениями реальной действительности, ведут к постоянному переосмыслению ресурсов речи. В связи с этим лингвисты пытаются избежать традиционного разделения языка на фонетический, лексический, грамматический аспекты; напротив, они пытаются раскрыть взаимодействие многообразных языковых средств на уровне текста.

Языковые средства связаны между собой не случайными отношениями, а подчиняющимися определенным закономерностям. Данные закономерности, функционирующие на уровне поля, изучались в работах Гулыги Е. В., Шендельс Е. И., Бринкманн Х., Бондарко А. В.. В последние годы также появились работы, посвящённые проблемам функционирования полей в разных аспектах (Бринкманн Х., Осинцева Т.Н., Чибук А.В. и др.).

Гулыга Е. В. и Шендельс Е. И. предлагают рассматривать взаимодействие языковых средств как грамматико-лексическое поле: «Совокупность взаимодействующих языковых средств образует своеобразную систему — грамматико-лексическое поле [Гулыга, Шендельс, 1969]. Бондарко А. В. рассматривает функционально-семантическую категорию полей на материале русского языка и привлекает для этого содержательную сторону языковых средств. В исследовании Чибук А. В. сравниваются функционально-семантические поля предположения в немецком и русском языках. Осинцева Т. Н. исследует функционально-семантическое поле начала события в английском и русском языках в сопоставительном анализе аспектуальных средств. Бринкманн Х. рассматривает языковые структуры, составляющие поле.

Общим для всех работ является принцип объединения одного поля, принадлежащего к одному аспекту (грамматическому, лексическому, семантическому) языка по совокупности составляющих его языковых средств. Работ по исследованию омонимии в пересечениях грамматико-лексических полей немецкого языка, нами не было обнаружено.

Теоретической базой статьи в области омонимии грамматических структур в пересечениях грамматико-лексических полей текста явились работы по исследованию грамматико-лексических полей немецкого языка Шендельс Е. И. и Гулыги Е. В. Авторы обобщили и развили теорию поля, его составляющие, выделили грамматико-лексические поля разных временных форм немецкого языка.

Так, например, Гулыга Е. В. и Шендельс Е. И. рассматривают поле времени с его микрополями настоящего, будущего и прошедшего времени, его грамматические и лексические средства.

Для него характерен определенный набор средств разных уровней, связанных между собой системными отношениями (конституентов поля). Всем им в той или иной степени присуще общее значение. Оно распадается минимум на два значения, которые могут быть противоположными, или полярными (каждое из них образует свое микрополе). Поле обладает, как правило, сложной структурой, которая может быть представлена как горизонтальным, так и вертикальным сечениями.

В большинстве полей выделяется доминанта - систематически используемый конституент поля, наиболее специализированный для выражения данного значения, передающий его наиболее однозначно. Доминанта образует центр поля, остальные конституенты, как правило, располагаются на периферии.

В грамматике хорошо изучены поля множественности-единичности, одушевленности-неодушевленности, времени, модальности, компаративности и указательности.

В нашей работе исследуется повторяющаяся грамматическая структура, которая имеет в пересечениях полей и/или микрополей совпадение омонимичных или частично омонимичных грамматических компонентов.

Нами будут рассматриваться ГЛП: а) действительного залога; б) страдательного залога; в) долженствования и г) устойчивых выражений и фразеологизмов в их 1) горизонтальных и вертикальных срезах и 2) во взаимопересечениях их доминант и конституентов.

Обратим внимание на горизонтальные и вертикальные срезы поля: горизонтальный срез как совокупность родственных по значению и функции полей: например: поле страдательного залога состоит из микрополей настоящего времени, прошедшего времени, будущего времени страдательного залога. По вертикали мы рассматриваем уже пересечение полей и / или микрополей с омонимичными и частично омонимичными грамматическими структурами, имеющими, однако, одинаковую доминанту: например: пересечение поля настоящего времени в действительном залоге с микрополем прошедшего времени страдательного залога, микрополем устойчивого выражения. Все они имеют своей доминантой одинаковый грамматический компонент.

При этом мы будем исходить из их языковых структур, составляющих поле.

Вслед за немецким учёным Х.Бринкманном [Н. Brinkmann, 1962, 345-376], Шендельс Е. В., Бондарко А. В. и Гулыга Е. В. предлагают относиться к понятию грамматико-лексического поля более строго при соблюдении трёх условий:

1. Не распространять термин «грамматика» (соответственно «грамматическое поле») на явления, связанные с грамматикой, но относящиеся к уровню лексики.
2. При описании грамматико-лексического поля по возможности строго разграничивать его конститuentы, определяя принадлежность каждого к тому или иному уровню и выявляя доминанту поля.
3. Стремиться к раскрытию структурных и смысловых отношений между конститuentами, которые дадут основание рассматривать каждое поле как систему [Гулыга, Шендельс, 1969, 17].

Нами рассматриваются пересечения следующих грамматико - лексических полей немецкого языка (ГЛП):

- темпоральное ГЛП действительного залога;
- темпоральное ГЛП страдательного залога;
- ГЛП модальности и долженствования;
- ГЛП устойчивых выражений и фразеологизмов.

Некоторые поля выделены в целях исследования искусственно (поле устойчивых выражений и фразеологизмов, поле долженствования).

Данные ГЛП имеют следующие конститuentы в горизонтальном срезе:

I. Темпоральное грамматико-лексическое поле действительного залога (микрополе настоящего времени, микрополе прошедшего времени, микрополе будущего времени) своей доминантой имеет глаголы „haben“, „sein“, „werden“ в формах времени (Präsens Aktiv основных глаголов „haben“, „sein“, „werden“ , Imperfekt Aktiv основных глаголов „haben“, „sein“; Perfekt Aktiv со вспомогательными глаголами „haben“, „sein“); лексические средства микроконтекста (наречия времени, существительные, прилагательные и причастия, обозначающие время).

Если из текста удалить все временные показатели, оставив только глаголы с их временной формой, то: 1) текст сохраняет свой основной смысл; 2) сохраняется временное соотношение событий; 3) не сохраняется в тексте конкретизация во времени; 4) временные координаты оказались абстрактными; 5) уходит часть информации. Итак, имеется различное назначение временных показателей и глаголов во временной форме.

Грамматические формы времени определяют общий временной план как прошедшее, настоящее и будущее как разновременное, так и одновременное соотношение действий. Остальные временные показатели конкретизируют временной план и соотношение временных действий. Они могут оказаться даже семантически сильнее временной формы глагола: напр., перфект в сферу будущего могут перенести или презенс и т.д.

Ядро поля времени образуют временные формы глагола. Они являются обязательным и универсальным средством выражения времени.

II. Грамматико-лексическое поле модальности и долженствования.

Есть разные средства выражения грамматической категории модальности, называемой модальной системой (В.Шмидт), полем модальности (Бринкманн

Х. , Гулыга Е. В., Шендельс Е. И.) Эти средства выражения принадлежат к различным уровням языка.

Различают два вида модальности: объективную и субъективную. Разновидностью выражения субъективной модальности являются. (haben (sein) + zu + Infinitiv), из которых первое (haben + zu + Infinitiv) имеет активное, а второе (sein + zu + Infinitiv) пассивное значение.

Нами рассматривается поле модальности и долженствования, которое имеет микрополе модальных глаголов (устойчивые словосочетания с грамматической направленностью (модальные глаголы + инфинитив и др.)) и микрополе структур, обозначающих долженствование (haben (sein) + zu + Infinitiv).

В данном поле соответственно выделяется микрополе структур, обозначающих долженствование. Доминантой данного микрополя будут структуры „haben (sein) + zu + Infinitiv“.

III. Темпоральное грамматико-лексическое поле страдательного залога выделено также для решения задач нашего исследования. В данном поле нами выделяются: микрополе прошедшего времени (Imperfekt Passiv, Perfekt Passiv, Plusquamperfekt Passiv с вспомогательным глаголом „werden“; микрополе настоящего времени (Präsens Passiv), микрополе будущего времени страдательного залога (Futurum Passiv с вспомогательным глаголом „werden“)). Здесь собраны все микрополя данного поля, так как они имеют пересечения в своих доминантах и конституентах с другими полями.

IV. Поле устойчивых выражений и фразеологизмов.

Фразеологизм – это воспроизводимый в речи оборот, построенный по образцу сочинительных и подчинительных сочетаний (непредикативного и предикативного характера), обладающий целостным (реже – частично целостным) значением и сочетающийся со словом. Исследованием теории фразеологизмов занимались Молотов, А. Д., Сидоренко М. К., Солодуб Ю. П., Телия В. Н., Ожегов С. И., Шанский И.М.. Исследованием фразеологизмов немецкого языка - Арсеньева, Е.Ф., Райхштейн А. И., Степанова М. Д., Чернышева И. И. Бинович Л. Э., Гришин Н. Н..

Фразеологические словосочетания отличаются от свободных словосочетаний прежде всего тем, что они в семантическом плане представляют собой единство и выражают, как правило, одно единое понятие. Например, *mit Haut und Haar* – целиком, *sich aufs hohe Pferd setzen* – заважничать. Разница в понятии, выражаемом свободными и фразеологическими словосочетаниями, выступает особенно ярко в тех случаях, когда имеется возможность сравнить омонимичные свободные и фразеологические сочетания слов, например: *blauer Brief* – голубое письмо (свободное словосочетание) и *blauer Brief* – уведомление об отставке (фразеологическое словосочетание).

Поле устойчивых выражений фразеологизмов выделено нами в исследовательских целях, так как позволяет определить в нём омонимичные и частично омонимичные грамматические структуры, имеющие пересечения с вышеприведёнными полями. В данном поле, нами выделяются микрополя

устойчивых выражение и фразеологизмов, которые имеют своей доминантой „haben“, „sein“, „werden“. Например, к полю устойчивых выражений с микрополем устойчивых выражений с омонимичными и частично омонимичными грамматическими структурами, имеющими своими доминантами „haben“, „sein“, „werden“ мы бы отнесли следующие: а) Ich **habe** nichts dagegen. б) Dafür **bin** ich nicht zu **haben**! Я ничего не могу с этим поделаться! в) Er **hat** gut **lachen**! Ему хорошо смеяться! г) Das **braucht** nicht sofort zu **sein**. Это не нужно делать немедленно! е) Es **hat** wohl sein **sollen**! Так и должно быть! ф) Ihm **ist** es nur ums Geld zu **tun**. Ему только денег не хватает. г) Dein Recht **soll** dir **werden**! Ты должен быть прав! з) Es **wird** schon wieder **werden**! Всё опять образуется! и т.д.

Как видно из приведённых выше устойчивых выражений, все они имеют в качестве доминант и конституентов один или два грамматических компонента „haben“, „sein“, „werden“.

Микрополе фразеологизмов также имеет фразеологизмы, в которых встречаются грамматические компоненты „haben“, „sein“, „werden“ в качестве доминант и в качестве конституентов:

а) Er **ist** hungrig wie ein Wolf. (Он голоден как волк!); б) Einen Bärenhunger **haben**. (Иметь медвежий голод); в) Aus Geld genäht **sein**. (Быть сшитым из золота); г) Das Herz **ist** ihm in die Hose **gefallen**. (Сердце ушло в пятки!); е) Er **hat** blaue Angst. (перепугаться до смерти); з) (вот где собака зарыта!)

В пересечениях данных микрополей главной доминантой является „werden“. Приведём следующий составленный нами пример:

Dieser Mensch wird 2 Stunden lang erwartet. Dort, wo es am wenigsten **erwartet wird**, springt der Hase heraus. Es wird schöner sein, wenn er sich nicht verspätet. Er wird doch Student der pädagogischen Hochschule und an der Fremdsprachenfakultät.

Здесь пересекаются поля разных грамматических структур: микрополе страдательного залога в настоящем времени (Präsens Passiv), микрополе настоящего времени активного залога (Präsens Aktiv), микрополе фразеологизмов с компонентом „werden“.

Рассмотрим поле времени, которое, как и другие поля, имеет доминанту (глагольные формы, выражающие абсолютное и относительное время) так и конституенты поля, конкретизирующие временную характеристику текста. Доминантой поля времени являются глагольные формы. Гулыга Е. В. относит к доминанте поле все шесть временных форм индикатива с их абсолютным и относительным временным значением [Гулыга, Шендельс, 1969, с. 41]. Необходимо отметить, что микрополе прошедшего времени представлено формой сложного предпрошедшего времени Plusquamperfekt Aktiv и формой простого прошедшего времени Präteritum Aktiv. Как отметили Гулыга Е. В. и Шендельс Е. И., «плюсквамперфект – зависимая от претерита форма; длительное повествование не может вестись в этой форме, плюсквамперфект выражает всегда действие, ориентированное на другое действие в претерите,

предшествующее ему или, реже, следующее за ним» [Гулыга, Шендельс, 1969, 50].

В поле времени нами выделяются микрополе, выражающее настоящее время; микрополе, выражающее прошедшее время и микрополе, выражающее будущее время. Сечение поля времени по горизонтали позволяет выделить как данные грамматические формы индикатива, так и остальные, лексические средства выражения времени. В этом поле нами будут рассматриваться все три микрополя, так как они имеют пересечения в своих доминантах и конституентах с другими полями. В сечении поля по вертикали наблюдается «большая многослойность» [Гулыга, Шендельс, 1969, с71].

Приведём пример: 1) *Schauplatz der Entwicklung von toter zu lebender Materie waren möglicherweise „Black Smoker“ („Schwarze Raucher“) – wie sie noch heute in der Tiefsee zu finden sind.*

2) *Eisensulfid ist ein guter Katalysator für die Bildung kompliziert gebauter organischer Verbindungen aus einfachen chemischen Substanzen.* 3) *Damit ist die erste Zelle entstanden – Ursprung allen Leben auf Erden.*

(der Zeitschrift „GEOkompakt. Die Geburt der Erde.“ entnommen).

Как мы видим, в данном текстовом материале несколько раз встречается один грамматический компонент разных грамматических структур. Компонент «*sein*» появляется в первом предложении в двух формах: в качестве компонента составного именного сказуемого, вспомогательного глагола в форме сложного времени „Perfekt“ действительного залога, вспомогательного глагола в составе грамматической структуры, обозначающей долженствование и возможность. Соответственно, „*waren ...“schwarze Raucher“*“ и „*sie sind noch heute in der Tiefsee zu finden*“ (*sein + zu + Infinitiv*). Срез данного текста по горизонтали микрополей времени выявляет наличие доминанты «*sein*» и лексико-синтаксических средств, конституентов, помогающих конкретизировать временные рамки предложений текста: напр.: *heute, erste, noch*.

Срез поля по вертикали имеет большое значение, так как прозрачно показывает взаимодействие различных структур разных микрополей одного поля времени с полем долженствования: микрополе прошедшего времени Imperfekt Aktiv и Perfekt Aktiv, микрополе настоящего времени Präsens Aktiv, микрополе долженствования и возможности в настоящем времени.

В данном контексте пересечение полей представлено доминантом „*sein*«. Таким образом, пересечение микрополя прошедшего времени „Perfekt“ действительного залога, микрополя настоящего времени „Präsens“ действительного залога, микрополя долженствования действительного залога.

Конституенты, выражающие время, соответственно, наречие и прилагательное (*heute, die erste Zelle*), расположены по периферии, интересно, что конституент настоящего времени „*heute*“ расположен в поле долженствования и возможности. Конституентов, выражающих прошедшее время, в данных предложениях не обнаружено.

Рассмотрим другой пример, показывающий взаимодействие полей с омонимичными и частично омонимичными грамматическими структурами.

Auf der anderen Seite **klagen** die Unternehmer zwar darüber, dass viele Schulabgänger, die sie in die Lehre **nehmen**, "nicht ausbildungsfähig" **seien**; aber diese Klagen **sind** nicht zum Nennwert **zu nehmen** und in der Öffentlichkeit bisher auch nicht **genommen worden** - immerhin **sind** das Klagen, welche die Lehrlingsausbildung **begleiten** und nicht **beenden**.

В данном микротексте нами выделены грамматические структуры, принадлежащие к разным грамматико-лексическим полям. Кроме полнозначных глаголов, выступающих в роли основного сказуемого в форме настоящего времени в Präsens (klagen, nehmen, begleiten, beenden), к микрополю настоящего времени в качестве компонента именного сказуемого относится основной глагол „sein“, к полю страдательного залога относится глагол „sein“ в форме сложного предпрошедшего времени Plusquamperfekt Passiv и тот же глагол „sein“, относящийся к полю возможности и долженствования в составе грамматической структуры, обозначающей долженствование „sein+ zu + Infinitiv“ в Präsens.

Доминантом трёх полей является глагол „sein“, конstituентами микрополя настоящего времени является наречие „immerhin“, конституентом микрополя прошедшего времени страдательного залога является наречие „bisher“. В этом примере также достаточно редкое появление конstituентов.

Дадим характеристику следующим полям, имеющим пересечения с доминантой „sein“: микрополе пассива состояния в настоящем времени (Zustandspassiv im Präsens), микрополя долженствования, выраженное „sein + zu + Infinitiv“ в настоящем времени (Präsens), микрополя прошедшего времени страдательного залога, выраженного в Perfekt Passiv, микрополя настоящего времени, выраженного составным именным сказуемым в Präsens Aktiv. Например:

- a) Die Kugelschreiber und Bleistifte *sind* von den Studenten gekauft.
- b) Die Kugelschreiber und Bleistifte *sind* von den Studenten zu kaufen.
- c) Die Kugelschreiber und Bleistifte *sind* von den Studenten gekauft worden.
- d) Die Kugelschreiber und Bleistifte *sind* für die Studenten von großer Bedeutung.

Итак, каждое ГЛП, рассмотренное нами выше, имеет в своём составе несколько микрополей:

ГЛП действительного залога имеет микрополе, выражающее настоящее время; микрополе, выражающее прошедшее время и микрополе, выражающее будущее время.

ГЛП страдательного залога имеет в своём составе микрополе прошедшего времени (Imperfekt Passiv, Perfekt Passiv, Plusquamperfekt Passiv с вспомогательным глаголом „werden“; микрополе настоящего времени (Präsens Passiv), микрополе будущего времени страдательного залога (Futurum Passiv с вспомогательным глаголом „werden“)).

ГЛП долженствования имеет микрополе модальных глаголов (устойчивые

словосочетания с грамматической направленностью (модальные глаголы + инфинитив и др.)) и микрополе структур, обозначающих долженствование (haben (sein) + zu + Infinitiv).

ГЛП устойчивых выражений и фразеологизмов имеет микрополя устойчивых выражений и фразеологизмов, доминантой которых являются „haben“, „sein“, „werden“.

Микрополя данных ГЛП в своих внешних границах имеют функциональное взаимодействие с микрополями других ГЛП. Конституенты, разнообразные лексические показатели, уточняют и конкретизируют каждое ГЛП. Соединяясь одной общей доминантой, микрополя разных ГЛП образуют новое функциональное поле, образованное благодаря функционированию текстовых отношений.

Рассмотрим пересечения микрополей в составе ГЛП с общей доминантой «haben». В данном случае микрополе «haben + zu + Infinitiv» относится к ГЛП долженствования; микрополе устойчивых выражений и фразеологизмов, имеющее в своём составе «haben», относится к ГЛП устойчивых выражений и фразеологизмов; все темпоральные микрополя действительного залога – к темпоральному ГЛП действительного залога. Некоторые микрополя взаимодействуют также между собой, имея одновременно в своём составе две доминанты, например, «haben» и «werden». Обе доминанты попеременно являются либо в качестве основного, либо вспомогательного глагола при образовании формы времени (микрополе Futurum Aktiv). Микрополе устойчивых выражений и фразеологизмов с доминантой «haben» также имеет темпоральную характеристику, так как может быть как в форме настоящего времени (Präsens), так и в форме прошедшего времени (Imperfekt). Иначе говоря, сама доминанта «haben» является темпоральным ядром, меняющим, в зависимости от грамматической структуры, своё темпоральное значение. Таким образом, функционирование ГЛП в тексте представляет собой не изолированное явление, а взаимодействие, в частности, на уровне омонимии доминант поля и / или микрополя, омонимии и / или частичной омонимии грамматических структур текста.

Список литературы

1. Бондарко, А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
2. Гулыги Е. В., Шендельс Е. И., Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., Просвещение, 1969. - 183 стр.
2. Осинцева Т.Н., Функционально-семантическое поле начала события в английском и русском языках: сопоставит. анализ аспектуальных средств: дис...канд. фил. наук / Екатеринбург : Б. н., 2001- 210 с.: табл.
3. Чибук А.В., Функционально-семантическое поле предположения в немецком и русском языках (сопоставительный аспект): дис. ... канд. фил. наук / Чибук А. В.: 13.00.00 : Екатеринбург, 2004 - 226 с.
4. Brinkmann, H. Die deutsche Sprache. Düsseldorf. 1962, SS. 345 -376).

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ МЕТОД КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ АДЕКВАТНОГО ПЕРЕВОДА

Талалай Т.С.

Оренбургский государственный университет

Одним из многочисленных способов адекватного перевода является трансформационный метод. Это один из самых популярных методов современной лингвистики. Однако, несмотря на многочисленные попытки учёных, до сих пор не существует точного определения понятия «трансформация». Нет единого мнения относительно самой сущности трансформации.

В переводоведении термин «трансформация» используется для того, чтобы показать отношения между исходными и конечными языковыми выражениями.

На сегодняшний день существуют различные точки зрения относительно классификации трансформаций, однако большинство лингвистов основными считают грамматические и лексические трансформации, которые, в свою очередь, делятся на подвиды.

Так, **среди грамматических трансформаций** можно выделить:

- словообразовательные трансформации;
- морфологические трансформации;
- синтаксические трансформации.

Словообразовательные трансформации

Вопрос о словообразовательных трансформациях в лингвистике рассматривается, в основном, применительно к переводам научных и общественно-политических текстов. Это связано, прежде всего, с тем, что в большей степени новообразования присущи именно перечисленным стилям. При этом особенностям словообразовательных трансформаций при художественном переводе уделено незначительное внимание.

Замена одной части речи другой при переводе весьма характерна и часто используется в переводческой практике. Необходимость замены диктуется спецификой языка, а именно, отсутствием лексического эквивалента.

Например: Es schneit. – Идёт снег.

Замену часто приходится осуществлять из-за различной фразеологии иностранного языка и языка перевода.

Например: Rauchen verboten! – Не курить!

Vorsicht! - Осторожно!

Словообразовательные суффиксы и префиксы в разных языках различаются как по степени их продуктивности, так и по дополнительному значению.

Несмотря на то, что удельный вес аффиксальных образований в немецком языке выше, чем в русском, богатство стилистических ресурсов аффиксов русского языка значительно больше. Для адекватности перевода переводчику

приходится прибегать к дополнительным лексическим ресурсам, вводя модальные слова и эмоционально окрашенную лексику.

Морфологические трансформации

В результате расхождения морфологического строя немецкого и русского языков перед переводчиком возникают объективные трудности, преодоление которых порой осуществляется путём морфологических трансформаций. Среди морфологических трансформаций можно выделить:

- передачу артикля;
- передачу категории числа;
- передачу грамматического рода;
- замену частей речи и др.

На некоторых видах морфологических трансформаций мы остановимся подробнее.

Артикль

В немецком языке определённости/неопределённости значения существительного определяется артиклем. В русском языке артикля нет, и наличие перед существительным указателя его определённости необязательно: по-русски можно сказать не только «Дай мне эту книгу» или «Дай мне какую-нибудь книгу», но и просто «Дай мне книгу», не уточняя словесно, идёт ли речь о какой-либо определённой книге или же о книге вообще, о любой книге. В немецком языке такое уточнение обязательно. Можно сказать “Gib mir ein Buch” или “Gib mir das Buch”, так что русское «Дай мне книгу» можно на немецкий язык перевести лишь с учётом широкого контекста или неязыковой ситуации.

Поэтому, при переводе с немецкого языка на русский следует помнить о необходимости передавать в некоторых случаях значение артиклей, когда переводчик упускает из виду эту необходимость, страдает смысл русского предложения.

Значение артиклей в подавляющем большинстве случаев передаётся лексическими средствами, иногда порядком слов; при этом используются следующие способы трансформации: замена и добавление, опущение (если артикль не несёт определённую смысловую нагрузку, при переводе его можно опустить).

Категория числа

Категория числа существительных имеется как в немецком, так и в русском языках. Однако при употреблении существительных в единственном и множественном числе наблюдаются значительные расхождения как в отношении исчисляемых, так и неисчисляемых существительных. Данный факт приводит к грамматическим трансформациям при переводе, в частности – замены множественного числа немецкого существительного единственным числом русского, и наоборот.

Например: Lehren und Erfahrungen - учение и опыт

die Schere (ед.ч.) - ножницы (мн.ч.)

Kernwaffen (мн.ч.) - ядерное оружие (ед.ч.)

die Erfahrungen (мн.ч.) - опыт (ед.ч.)

das Tor (ед.ч.) - ворота (мн.ч.)

die Praesidentenwahl (ед.ч.) - выборы президента (мн.ч.)

Таким образом, при переводе определённых словоформ в единственном и множественном числе переводчик вынужден прибегать к такому виду морфологической трансформации как замена формы слова.

Грамматический род

У большинства существительных в немецком языке грамматический род не совпадает с грамматическим родом аналогичных существительных в русском языке. При переводе необходимо обращать на это внимание.

Например: das Buch (ср.р.) - книга (ж.р.)

das Maedchen (ср.р.) - девочка (ж.р.)

der Kugelschreiber (м.р.) - ручка (ж.р.)

das Vieh (ср.р.) - скот (м.р.)

die Milch (ж.р.) - молоко (ср.р.)

Замена частей речи

Является самым распространённым видом морфологической трансформации. Подобные замены обычно вызваны «различным употреблением слов и различными нормами сочетаемости в немецком и русском языках, а в некоторых случаях – отсутствием части речи с соответствующим значением в русском языке».

Такой морфологической трансформации чаще всего подвергается имя существительное. Весьма типичной заменой при переводе с немецкого на русский является замена отглагольного существительного на глагол в личной форме.

Например: Seine Fahrt nach Moskau dauerte fast 2 Tage. –

До Москвы он добирался почти 2 дня.

Существительные могут переводиться инфинитивами.

Например: Er mag Lesen. - Он любит читать.

Синтаксические трансформации

К синтаксическим трансформациям относятся:

15. изменение состава членов предложения;
16. замена простого предложения сложным;
17. замена сложного предложения простым;
18. членение предложения;
19. объединение предложений;
20. замена двусоставного предложения односоставным;
21. замена типа синтаксической связи;
22. изменение актуального членения (АЧП) при переводе.

Самой распространённой трансформацией является изменение состава членов предложения – более половины всех трансформаций. Затем, по частотности следуют замена простого предложения сложным, замена сложного простым, замена типа синтаксической связи. Наименее характерными

трансформациями является членение предложения и замена двусоставного предложения односоставным и объединение предложений.

Среди причин трансформаций самыми распространёнными явились нормативными. Затем следуют индивидуально-переводческие, лексико-семантические и системно-обусловленные.

Рассмотрим основные виды синтаксической трансформации:

1 Изменение состава членов предложения

Замена членов предложения приводит к перестройке его синтаксической структуры. Такого рода перестройка происходит и в ряде случаев при замене части речи. Существенное изменение синтаксической структуры связано с заменой главных членов предложения, особенно подлежащего. При переводе подлежащее часто заменяют дополнением, определение – причастным оборотом.

Например: Das von den Studenten gelesene Buch war von T.Fontane geschrieben.

Книга, прочитанная студентами, была написана Т. Фонтане.

Der Brief wurde von ihm geschrieben.

Он написал письмо.

2 Замена простого предложения сложным

Наибольшее число случаев подобных изменений вызвано причинами, обусловленными системно. Обычно трансформация применяется при переводе простых предложений, осложнённых синтаксическими компонентами – инфинитивными, с герундием, абсолютными конструкциями.

В русском языке пассивная конструкция употребляется намного реже, по сравнению с немецким и имеет иную стилистическую окраску. В немецком языке пассив стилистически нейтрален; хотя и более употребителен в книжно-письменной речи; в русском же языке форма страдательного залога почти исключительно ограничена сферой книжно-письменной речи, преимущественно официального и научного жанра .

Например: Die von der Lehrerin ergreifende Methode ist effektiv.

Метод, который использует учительница, является эффективным.

Сокращение и упрощение сложной синтаксической структуры ведёт и к устранению её многозначности, установлению однозначных отношений между компонентами: «Переводчик анализирует исходное сообщение, преобразует в более простые и чёткие формы, транспонирует их на этом уровне в систему исходного языка и затем реконструирует сообщения на этом уровне в систему исходного языка и затем реконструирует сообщения на переводной язык»[Фёдоров 2002: 246].

3 Замена сложного предложения простым

При художественном переводе данный тип синтаксической трансформации вызван, в основном, нормативно-стилистическими причинами. В частности, в немецких художественных текстах отмечается большой удельный вес сложноподчинённых предложений по сравнению с русскими текстами. В результате может происходить «свёртывание» придаточных

предложений в причастие (причастный оборот), деепричастие (деепричастный оборот), отглагольное существительное с предлогом.

Например: Das Gebaeude, das im Stadtzentrum liegt, war frueher ein Museum.

Расположенное в центре города здание раньше было музеем.

4 Членение предложения

Членение предложения, при котором одно исходное предложение преобразуется в два, также актуально для художественного перевода и обуславливается нормативными причинами.

Немецкие предложения могут быть перегружены информацией, объединяющей несколько независимых мыслей. «Сохранять в переводе структуру подобных немецких предложений нецелесообразно, т.к. подобная перегруженность предложения информацией не соответствует нормам русского языка»[Бархударов 2008: 148].

Например: Schon lange vorher spueren wir seinen salzigen Hauch; - der Horizont wurde immer weiter und heller und ploetzlich lag es vor uns, unruhig, maechtig und ohne Ende.

Его солёное дыхание мы почувствовали уже давно. Линия горизонта становилась дальше, яснее, как вдруг оно (море) предстало пред нами беспокойное могущественное и бескрайнее.

5 Объединение предложений

Объединение предложений заключается в преобразовании двух (или более) самостоятельных предложений в одно предложение. Перевода без потерь не бывает. Информационная теория перевода подтверждает это положение.

Например: Endlich meldete sich die Nummer. Ich fragte nach dem Professor.

Наконец, ответили и я спросил профессора.

6 Замена двусоставного предложения односоставным

Будучи достаточно редким типом трансформации, она вызывается в художественном переводе системно обусловленными причинами. Немецкое предложение, как правило, требует наличия в своём составе обоих главных членов. В русском языке двусоставность предложения не обязательна.

Например: Es dunkelt. – Смеркается.

7 Замена типа синтаксической связи

Как в немецком, так и в русском языке предложения могут соединяться друг с другом, как при помощи сочинительной, так и при помощи подчинительной связи. «Однако в целом для русского языка более характерно преобладание сочинительных конструкций, в то время как в немецком языке подчинение если не преобладает, то, во всяком случае, встречается чаще, чем в русском» »[Бархударов 2008: 145].

Поэтому при переводе с немецкого языка на русский часто происходит замена подчинения предложений сочинением.

Например: Waehrend sie noch schrieben und redeten, sahen wir Lasarette und Sterbende.

Они всё ещё писали статьи, произносили речи, а мы уже видели лазареты и умирающих.

8 Изменение актуального членения (АЧП) при переводе

Точность освоения образной системы оригинала переводчиком зависит от адекватного воспроизведения структуры выражаемого в предложении суждения, т.е. актуального членения предложения. При этом важнейшим фактором, обеспечивающим распределение коммуникативных функций между членами предложения, является порядок слов.

В специальной литературе традиционным стало противопоставление свободного порядка слов в русском языке и фиксированного в немецком. Вместе с тем сопоставительный анализ некоторых инверсионных структур немецкоязычном и русскоязычным текстах свидетельствует как о преувеличении фиксированности немецкого словоупорядка, так и о переоценке позиционной свободы слов в предложении русского языка.

Например: Den ganzen Tag arbeitete er in seinem Laboratorium.

Он работал в своей лаборатории весь день.

Лексические трансформации

Достижению эквивалентности при переводе служат также лексические трансформации. Сюда относят такие приёмы, как:

- конкретизация
- адекватная замена
- смысловое развитие
- компенсация потерь
- антонимический перевод и др.

Остановимся на более распространённых приёмах.

Под **конкретизацией** понимают уточнение понятий в зависимости от смыслового окружения. Данный приём обуславливается тем, что словам в русском языке свойственна большая конкретность, чем немецким лексическим эквивалентам. Так, например, одному немецкому глаголу “essen” в словаре даётся множество русских эквивалентов: «есть, питаться, обедать, ужинать, завтракать, кушать, закусывать».

Например: Wie ich auf die Strasse kam, ich weiss es nicht.

Как я оказалась на улице, не помню.

Es war ein starker Wind.

Дул сильный ветер.

Sie hatte beinahe einen Nervenzusammenbruch.

Она чуть не дошла до нервного припадка.

При **адекватной замене** происходит замена одного образа или выражения другим, равноценным ему, исходя из целого.

Например: Mit Windeseile verbreitete sich die Nachricht.

Новость распространилась молниеносно.

Приём **смыслового или логического развития** понятия применяется для более полного и конкретного объяснения слова при переводе. Сюда относятся

метафорические метонимические замены, производимые на основе категории перекрещивания .

Например: Ihr Buero war weit draussen im Norden.

Её офис находился в северной части города.

Diese Frau will von ihren vielen Sachen nichts hergeben.

Эта женщина не желает расстаться ни с одной вещью из своего обширного гардероба.

При **компенсации** происходит замена стилистических средств одного языка равноценными стилистическими средствами другого языка.

Например: Undank ist der Welt Lohn.

Вот и жди от людей благодарности!

Zeiten sind das!

Ну и времена!

Антонимический перевод – это замена того или иного понятия противоположным ему понятием с отрицанием, то есть замена слова с отрицанием антонимом или наоборот. Данный приём можно использовать в стилистических целях для предания высказыванию контрастности и большей выразительности на фоне предыдущих утвердительных предложений, последовательно описывающих сменяющие друг друга действия.

Например: Sie schlief weiter.

Она не проснулась.

Fuer sie wird gesorgt.

Её не забудут.

Es war eine offene Agression.

Это была неприкрытая агрессия.

Одним из важнейших способов преодоления лингвоэтнического барьера является применение разнообразных трансформаций. Переводчик стремится к адекватной мере переводческой трансформации, которая является весьма существенной характеристикой качественного перевода. Процесс перевода расценивается как ряд последовательных трансформаций, выбор которых непосредственным образом связан с наполнением когнитивного пространства переводчика.

Переводческий процесс, таким образом, представляет собой восприятие текста на иностранном языке, понимание его и концептуальное представление, сопоставление когнитивных пространств и синтез текста на языке перевода.

Список используемых источников

1. И.С.Алексеева. Введение в переводоведение. Изд-во: Академия, 2006. - 352с.
ISBN 5-7695-3249-1, 5-8465-0384-5
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. Изд-во: ЛКИ, 2008. - 240с.
ISBN 978-5-382-00577-5

3. Казакова Т.А. Художественный перевод. Теория и практика. Изд-во: Инъязыиздат, 2006. - 544с.
ISBN 5-98910-012-4
4. Сологуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б., Кузнецов А.Ю. Теория и практика художественного перевода. Изд-во: Академия, 2005. - 304с.
ISBN 5-7695-1431-0
5. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода. Изд-во: Филологический факультет СПбГУ, 2002. - 416с.
ISBN 5-8465-0019-6
6. Ремарк Э.М. Три товарища: Книга для чтения на немецком языке./ Задания и комментарии Н.Л. Гильчонок – СПб.: КАРО, 2006. – 352с. – (Originallektuere)
ISBN 5- 89815-321-7

ПРОБЛЕМА ВАРИАТИВНОСТИ НОРМ

Тулинцева Е.А.

Оренбургский государственный университет

Проблема вариантности, став в последние годы предметом внимания многих языковедов, продолжает все же оставаться и теоретически – малоопределенной и практически – малоисследованной. Не разрешен еще спор о границах изучаемого объекта, не определено его место в системе научного описания языка. Варьирование слов относят то к компетенции истории языка (смена вариантов), то к стилистике (функционирование сосуществующих вариантов), то к ведению социальной лингвистики (социальная страфикация вариантов). Недостаточно изучена хронология возникновения и прекращения варьирования у структурно и генетически различных языковых единиц. Небесспорной остается общая (часто альтернативная) оценка самого факта вариантности: польза или вред для социального использования языковых средств [Горбачевич, 1978, с. 3].

С точки зрения языкознания, вариантность (от лат. *varians*, родительный падеж *variantis* – изменяющийся) это:

1) представление о разных способах выражения какой-либо языковой сущности как о ее модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы (например, разночтения в разных списках одного и того же памятника);

2) термин, характеризующий способ существования и функционирования единиц языка и системы языковой в целом [Ярцев, 1998, с. 153]. Вариантность – фундаментальное свойство языковой системы и функционирования всех единиц языка, характеризуется с помощью понятий «вариант», «инвариант», «варьирование».

При первом понимании вариантности используются только понятия «вариант» и «варьирование», то, что видоизменяется, понимается как некоторый образец, эталон или норма, а вариант – как модификация этой нормы или отклонение от нее.

При втором понимании вводится термин «инвариант». Под вариантами понимают разные проявления одной и той же сущности, например, видоизменения одной и той же единицы, которая при всех изменениях остается сама собой. Инвариант – это абстрактное обозначение одной и той же сущности (например, одной и той же единицы) в отличие от конкретных модификаций – вариантов. Второе понимание понятия вариантности представляет собой развитие и углубление первого, например фонологии (после работ Пражского лингвистического кружка и ряда других лингвистических школ).

Под вариантами стали понимать разные звуковые реализации одной и той же единицы фонемы как инвариант. Из фонологии этот подход был перенесен на изучение других уровней языка. Два ряда терминов – эпические и этические – используются для обозначения.

Первые – для единиц-инвариантов (фонема, морфема, лексема и т. д.).

Вторые – для единиц-вариантов, т. е. для конкретных реализаций единиц инвариантов (фон или аллофон, морф, или алломорф, лекса или аллолекса, и т.д.) [Горбачевич, 1971, с. 81].

В современной науке установлено, что вариантность – это объективное следствие языковой эволюции, непреходящий атрибут живого литературного языка. Однако широкая общественность, не знакомая с закономерностями развития языка и его сложной внутренней структурой, часто требует «искоренения» вариантности, показав в словарях лишь одного способа выражения определенного содержания. Языковедов призывают устранить колебания, стандартизировать язык. Некоторые словари пошли по пути предельного сокращения вариантов. Однако искусственный прием приглаживания языка является вынужденной (при ограниченном объеме словаря) и далеко не всегда эффективной мерой. «Фигура умолчания» относительно колебаний и вариантов нормы способствует научно организованной языковой политике, т. к. лишает ее основного компонента – диалектического подхода к непрерывно эволюционирующему объекту [Горбачевич, 1978, с. 26].

Таким образом, назрела потребность обобщения опыта практической нормализаторской деятельности и объективно исторического исследования явления вариантности, которое, в сущности, и создает острую проблему языковой нормы. Изучение конкуренции вариантов – не только необходимое звено в определении основных тенденций развития языка и в создании динамической теории нормы. Функционально исторический анализ вариантов позволяет в значительной мере объективировать оценки сложных и спорных фактов современной речи, что существенно для развития и усовершенствования нормативной лексикографии [Солнцев, 1982, с. 34].

При изучении вариантности слова встает ряд теоретических вопросов: в каком отношении находится вариантность слова к языку и речи, существует ли применительно к вариантам слова понятие «инвариант», к компетенции какого раздела языкознания (фонетики, лексикологии, грамматики) принадлежит исследование вариантности слова.

Вариантность слова – феномен языка, а не речи. Это подтверждается и характером избыточности формы (парадигматическая, а не синтагматическая), и исторической (а не контекстуальной) обусловленностью появления и сосуществования вариантов, и наличием системных отношений между ними.

Вариантность слова опирается на общеязыковые закономерности и в первую очередь требует нормативной квалификации с общеязыковых позиций (ситуативно-речевая оценка вариантов – это второй этап их изучения).

Теоретически рассуждая, в речи отдельного говорящего может и не быть вариантов. Возникающая вариантность в речи отдельного говорящего (как и в рамках отдельного произведения) есть следствие вариантности, заложенной в парадигматической системе языка. Вариантность слова наблюдается в речи, но не является ее внутренним свойством. Варианты слова не порождаются

контекстом (если не считать намеренной «порчи» звукового облика слова), хотя выбор варианта может определяться характером контекста [Девкин, 1998, с. 69].

Смысловая дифференциация, заканчивающаяся образованием разных слов, наблюдается обычно при живых процессах лексико-грамматического характера. Например, опредмечивание отвлеченной лексики. Следует уточнить, что синтагматический аспект изучения вариантов слова преимущественно предполагает рассмотрение не данной, сиюминутной схеме.

Формы варьирования слов неравноценны по продуктивности и продолжительности существования, по степени преобразования полных вариантов в неполные, со стороны регулярности и по отношению к норме литературного языка. Последние два признака (регулярность и отношение к норме) особенно существенны при определении места изучения вариантности слова: лексикологии или грамматики. Известная формула: грамматика изучает общие факты языка, лексикология – единичные, имеет лишь приблизительное значение, т. к. словарь и грамматика постоянно взаимодействуют и перекрывают друг друга [Ицкович, 1996, с. 34].

Термины «вариантность» и «вариант» (варианты языка, варианты слова, варианты суффикса, грамматические варианты и т.п.) в последнее время используются весьма широко. Они обрастают новым смыслом и нередко обесцениваются. Расширенное понимание термина «вариант слова» приводит к поглощению традиционных понятий лингвистики. Так, лексическое значение слова стали называть «лексико-семантическим вариантом» (что отнюдь не облегчает работу лексикографов), а однокоренные синонимы – внутренне противоречивым термином «словообразовательные варианты слова».

Вариантность как историческая категория не может изучаться только путем выяснения чисто статических отношений между языковыми единицами. Поэтому основным методом исследования служит функционально-динамическое описание вариантных пар [Горбачевич, 1978, с. 5].

Термин «функциональное» предполагает рассмотрение вариантных пар в контексте, в дистрибутивных и стилистически разнородных условиях. Под термином «динамическое» подразумевается анализ вариантов не в строго синхронной плоскости, а с учетом ретроспективы и перспективы данной языковой единицы. Как известно, синхроническое описание не может полностью исключить понятия эволюции. В любой синхронно рассматриваемой части языковой системы сосуществуют элементы прошлого, настоящего и будущего.

Вторым методом исследования служит структурно-сопоставительный анализ вариантов. Под этим термином понимается рассмотрение однотипных вариантных пар их парадигматических, деривационных и формально-структурных связей. Этот прием рассчитан не только на выявление внутрисистемных причин варьирования и определения его характера, но и служит для установления коммуникативных преимуществ именно продуктивного варианта. В качестве вспомогательного метода используется

сопоставление количественных характеристик вариантов (данные массового социалингвистического обследования). При этом процедура количественного анализа ведется на уровне симптоматической, а не вероятностной статистики. Количественные показатели применяются также при анализе фиксации употребления вариантов в современной художественной литературе [Солнцев, 1982, с. 148].

И понятие инварианта, и понятие вариативности имеют большое, если не решающее, значение для характеристики онтологической сущности единиц языка и тем самым для характеристики онтологической природы языка в целом.

Явление вариативности единиц языка обусловлено двумя факторами:

а) существованием каждой единицы в виде некоторого класса;

б) использованием в речи всегда одного представителя класса, поскольку в силу свойства линейности речи одно место может занимать только один элемент класса. Общим условием варьирования единиц является их дискретный характер.

Понятия варианта и инварианта удачно определены Л. Ельмслевым. Описывая процесс деления текста на некоторые отрезки, он констатирует: «При этом оказывается, что во многих местах текста встречается «одно и то же» сложное предложение, «одно и то же» простое предложение, «одно и то же» слово и т.п. – иными словами, можно сказать, что встречается много образцов каждого сложного предложения, каждого простого предложения, каждого слова и т.д. Эти образцы мы будем называть вариантами, а сущности, образцами которых они являются, инвариантами» [Ельмслев, 2006, с. 84].

Вопрос заключается в том, что понимать под «сущностями», где и как существуют эти «сущности», что понимать под «образцами» и каково соотношение «сущности» и «образцов» [Немецкая диалектология, 1995, с. 212]. В ответах на эти вопросы заметны существенные расхождения между учеными.

В лингвистику понятие вариантов и инвариантов вошло через фонологию. Фонема стала характеризоваться как инвариант, а ее звуковые «оплощения» как варианты. Если утверждать, что в английском языке фонема [k] встречается перед [u], то речь идет не о том, что все множество различных членов класса встречается в этой позиции, а только о том, что в этой позиции встречается пучок различительных признаков, общих всем членам класса. Фонемный анализ есть изучение свойств, которые при определенных преобразованиях остаются инвариантными» [Девкин, 1999, с. 73].

Конкретно материальный предмет при любом его изменении или преобразовании не может оставаться тождественным самому себе, т.е. неизменным. То же самое следует сказать о материально физических свойствах любого предмета. Следовательно, свойство инвариантности может быть отнесено только к абстрактным предметам и к абстрактным свойствам предметов. Так, изменение в размерах предметов, сделанных из одного и того же материала (при сохранении их плотности), ведет к изменению их веса и объема, т.е. к изменению их физических характеристик. Однако при таком преобразовании сохраняются их свойства «иметь вес» и «иметь объем».

Последние остаются инвариантными, т.е. неизменными.

Свойства «иметь вес» и иметь «объем» являются общими для всего класса предметов, характеризующихся физическими параметрами веса и объема. Инвариантными оказываются тем самым некоторые общие свойства предметов. Отсюда следует, что инвариантом следует называть некоторый абстрактный предмет, характеризующийся абстрактными свойствами.

Инвариант, следовательно, есть то общее, что объективно существует в классе относительно однородных предметов или явлений. Инвариант, как абстрактный предмет, конструируется мысленно путем извлечения общего из ряда предметов или явлений и отвращения от несущественных для данного класса различий между предметами. Инвариант есть идеальный объект, который может быть использован для изучения общих свойств данного ряда предметов и любого предмета, входящего в этот ряд. В. М. Солнцев отмечает: «Теория инвариантов имеет большое значение для гносеологии, она углубляет и конкретизирует теорию отражения. Эта проблема тесно связана с проблемой образования абстракций. Выделяя инвариант большой группы объектов, мы приходим к абстракции – собирательному понятию, охватывающему всю группу в целом [Солнцев, 1982, с. 213].

Если считать инвариантом некоторый идеальный, или абстрактный, предмет, то возникает вопрос, что считать вариантами. Если инварианты выделяются относительно большой группы объектов, то, очевидно, каждый член этой группы, т.е. каждый конкретный объект, является вариантом, относительно которого выводится инвариант.

Следовательно, любой предмет, входящий в какое либо множество предметов, есть вариант по отношению к каждому другому предмету и есть в то же время вариант по отношению к абстрактному предмету-инварианту, который мысленно, т.е. в абстракции, конструируется как обобщенное наименование данного множества предметов. Каждый конкретный предмет, таким образом, есть вариант по отношению к другому конкретному предмету, который в свою очередь является вариантом по отношению к первому. Иначе говоря, из двух (или любого количества) предметов, составляющих класс, оба являются вариантами, но ни один из них не является инвариантом по отношению к другому, поскольку каждый из них есть конкретный предмет. Какой-либо конкретный предмет из некоторого множества предметов, составляющих один класс, по тем или иным причинам может быть признан эталоном, или образцом, но он остается всего лишь вариантом среди других вариантов [Горбачевич, 1978, с. 46].

Итак, инвариант и вариант представляют собой две характеристики предмета или явления, входящего в некоторый класс. Свойство инвариантности характеризует то общее, что есть у данного единичного предмета с другими ему подобными. Вариантность характеризует то особенное, что есть только у данного предмета в отличие от других ему подобных, с которыми он связан через свои инвариантные свойства. Инвариантные свойства предмета представляют собой основу конструирования идеального предмета, в котором

сняты вариантные черты. Такой идеальный, или абстрактный, предмет существует в каждом конкретном предмете данного класса в качестве его общих с другими предметами черт или свойств. В этом смысле абстрактный предмет как инвариант гомогенен с конкретным предметом вариантом [Ейгер, 1990, с. 76]. Но только в этом смысле. Как некоторый мысленный объект идеальный предмет – инвариант, принципиально негомогенен ни с одним чувственным объектом, входящим в класс вариантов. Если уверовать в некоторое реальное существование идеального предмета как чего-то самостоятельного сущего, т.е. уверовать в его «вещность», то само сопоставление идеального объекта и физического объекта с точки зрения их отношения как инварианта и варианта покажется абсурдным. Но все дело в том, что инвариант нельзя выделить как некоторую самостоятельную вещь. Инвариантность существует в предмете как общее в отдельном [Девкин, 1999, с. 57].

Инвариантность и вариантность суть две стороны одного предмета. В качестве абстрактного предмета, или умственной вещи, инвариант воплощает в себе классные свойства. Инвариант представляет и весь класс в целом, и каждый предмет данного класса. Изучая инвариантные свойства, т.е. инварианты, мы изучаем существенные свойства класса в целом и каждого члена класса в отдельности.

Список литературы

1. Горбачевич, К.С. Вариантность слова и языковая норма / К.С. Горбачевич. – М.: Наука, 1978. – 240 с.
2. Горбачевич К.С. Изменение норм русского литературного языка / К.С. Горбачевич. – Ленинград: Просвещение, 1971. – 272 с.
3. Девкин, В.Д. Немецкая разговорная речь: синтаксис и лексика / В.Д. Девкин. – М.: Междунар. отношения, 1999. – 256 с.
4. Девкин, В.Д. Занимательная лексикология / В.Д. Девкин. – М.: Гуманит. ВЛАДОС, 1998. – 312 с.
5. Ейгер, Г.В. Механизмы контроля языковой правильности высказывания / Г.В. Ейгер – Харьков: Основа, 1990. – 184 с.
6. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. Перевод с английского. Серия Лингвистическое наследие XX века. – УРСС, 2006. – 248 с.
7. Ицкович, В.А. Языковая норма / В.А. Ицкович. – М.: Просвещение, 1996. – 93 с.
8. Немецкая диалектология // сборник статей / перевод с немецкого Н.А. Сигал; ред. предисл. и примеч. В.И. Жирмунского. – М.: Иностранная литература, 1995. – 244 с.
9. Солнцев, В.М. Язык как системно-структурное образование / В.М. Солнцев. – М.: «Наука», 1982. – 336 с.
10. Ярцев, В.Н. Языковедение. Большой энциклопедический словарь / – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАЗВАНИЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ

Турлова Е.В.

Оренбургский государственный университет

Распространение учебной книжной продукции стимулирует развитие специфических приемов рекламирования и продвижения товара на современном рынке печатной образовательной продукции. Резкое увеличение ассортимента печатных изданий, а также совершенствование технологий дизайна являются факторами, стимулирующими конкуренцию между учебниками и выпускающими их издательствами. Однако одним из аргументов при выборе того или иного учебного комплекса по английскому языку (АЯ) является название, поскольку наряду с адекватной интерпретацией авторского замысла оно может служить достоверным ориентиром в обширном потоке печатной учебной продукции.

Малоформатный текст (МФТ) названий англоязычных учебно-методических пособий является пограничным феноменом, поскольку, с одной стороны, является частью учебного дискурсивного пространства, где основной является номинативно-информирующая функция, а, с другой стороны, - функциональная парадигма исследуемого типа текстов содержит рекламную составляющую, пропагандируя необходимость и значимость знаний и образования, способствующую конкурентоспособности учебных пособий на рынке образовательных услуг.

Семантика языковых единиц взаимодействующих текстовых фрагментов отражает общие, аналогичные по содержанию элементы для двух типов дискурсов. Фрагмент рекламного дискурса предстает в виде интертекстуального включения прецедентных феноменов, которое раскрывает связь с англоязычным лингвокультурным контекстом, т.е. той внетекстовой реальностью, тем фрагментом действительности, который является фоновым для МФТ названий англоязычных учебно-методических пособий, ведет к их индентификации в терминах рекламного дискурса. Перечень МФТ названий учебно-методических работ, вошедших в корпус выборки, на которой базируется исследование, служит, таким образом, средством презентации дискурса, являясь одной из его составляющих.

Следует отметить, что в МФТ названий англоязычных учебно-методических пособий прецедентный текст-знак взаимодействует с учебным дискурсивным пространством. Название может быть выделено графически путем использования другого шрифта, за счет увеличения размера шрифта или может сопровождаться соответствующей иллюстрацией. Целью включения прецедентного текста является стремление вызвать у потребителя определенную реакцию, побудить к покупке учебника или пособия и мотивировать познавательную активность.

Основываясь на понятии прецедентности, включающем в себя известность большинству лингвокультурного сообщества, актуальность в познавательном и эмоциональном плане, постоянную возобновляемость в речи, возможно объединить разные классы имен собственных с широко известными денотатами в одну группу. Это значит, что в ономастическом пространстве любой лингвокультуры можно выделить группу имен собственных, обладающих когнитивной и эмоциональной значимостью, т.е. прецедентные имена собственные. В современной лингвистике активно обсуждается вопрос о критериях выявления прецедентных имен. В процессе дискуссии высказываются мысли о высокой значимости следующих факторов:

- связанность соответствующих имен с классическими произведениями (Караулов 1987);
- общеизвестность соответствующих феноменов (Красных 2002) или хотя бы их известность большинству членов лингвистического сообщества (Гудков 1999; Слышкин 2000).

При менее строгом отборе в качестве существенных рассматриваются также следующие критерии:

- регулярная воспроизводимость, повторяемость соответствующих имен в текстах;
- неденотативное использование того или иного имени в функции культурного знака.

При изучении указанных признаков необходимо учитывать тот факт, что функционирование прецедентных феноменов в различных типах дискурса может иметь существенную специфику. В частности, в массовой коммуникации могут использоваться только прецедентные имена, известность которых имеет *общенациональный характер*. Так, представляется возможным сформулировать основополагающие критерии, в соответствии с которыми в рамках настоящего исследования те или иные МФТ названий англоязычных учебных пособий были отнесены к категории названий, содержащих прецедентные феномены. При отборе материала применялись следующие критерии:

- наличие национально-культурного компонента;
- наличие ассоциативных связей с текстом-источником (или другим культурным артефактом);
- функционирование как эмблемы, «свертки» текста.

Прецедентный характер РУТ названий англоязычных учебно-методических пособий реализуется посредством функционально-семантических связей рекламно-учебного дискурсивного пространства. Так, можно выделить следующие функции прецедентных феноменов в МФТ названий англоязычных учебно-методических пособий:

1. Функция оценки. Прецедентные феномены - важное средство эмоциональной оценки, они ярко выражают субъективное отношение автора. Как подчеркивает Д. Б. Гудков, оценка, выраженная с помощью прецедентных феноменов, не претендует на объективность, она подчеркнута эмотивна и субъективна (Гудков 1999: 137). Например:

- *Take It Easy*. P. McPartland (Longman ELTC 2000: 81)

- *Effective Writing* (Cambridge ELTC 2004: 56)

2. Моделирующая функция - функция формирования представлений о мире в виде модели. Прецедентные имена - важная часть национальной языковой картины мира. С их помощью тому или иному реальному лицу приписываются определенные качества, эталонным носителем которых выступает прецедентное имя. Например:

- Cambridge School *Shakespeare*. Series editor Rex Gibson (Cambridge University Press ELTC 2000:29)

- New Cambridge *Shakespeare*. Series editor Rex Gibson (Cambridge University Press ELTC 2000:29)

3. Эстетическая функция связана с тем, что прецедентные феномены в названиях учебных пособий воспринимаются как способ эстетической оценки мира, они воспринимаются адресатом как эстетически значимые, привлекают к себе внимание необычной формой выражения, это одного из главных средств эстетического воздействия. Например:

- *The Heart of the Matter* - High-Intermediate Listening, Speaking, and Critical Thinking (Thompson ELTC 2005: 45)

4. Прагматическая функция воздействия. Прецедентные феномены - мощное средство воздействия на адресата, т.к. они реализуют основополагающие лингвокультурные концепты, способствуют адекватному восприятию транслируемого функционально-семантического содержания РУТ названий англоязычных учебных изданий у адресата. Например:

- *All Work and No Play*. L. Nicoll (Longman ELTC 2000: 121)

Прецедентные феномены задают определенную систему ценностей и антиценностей, которая в той или иной мере регулирует поведение представителей национально-лингвокультурного сообщества.

Значительная роль в интердискурсивном взаимодействии рекламного и учебного дискурсов в исследуемых названиях принадлежит прецедентным феноменам, которые способны функционировать в качестве самостоятельного рекламного объекта, выполняя роль аттрактора внимания для потребителей учебной продукции.

Анализ дискурсивного функционирования прецедентных феноменов в названиях англоязычных учебно-методических пособий показал, что в качестве основных возможно выделить следующие **прецедентные имена**:

- имена героев детских сказок:

Teddy's Train. L. Tomas (Oxford University Press ELTC 2000:61);

Eko and Tina. M. Villarroel (Longman ELTC 2005: 8)

- названия явлений и событий

- *Super Star*. Miriam Craven (Thompson ELTC 2005:13)

- *Dream Team*. Beginner. N. Whitney (Oxford University Press ELTC 2005:8)

- географические названия, обозначающие местонахождение издательств, публикующих учебные и методические издания:

Cambridge CAE Skills. D. Pye (Cambridge University Press ELTC 2003: 16)

Oxford Activity Book for Children. Ch. Clark (Oxford University Press ELTC 2005: 3)

Прецедентные тексты и высказывания представлены в названиях следующих учебных пособий:

- Good News, Bad News. News Stories for Listening and Discussion. R. Barnard (Oxford University Press ELTC 2000:12);
- Fifty-Fifty Series. W. Wilson (Longman ELTC 2000: 77);
- What's in a Word? S. Eckstut (Longman ELTC 2000: 81)
- All Work and No Play. L. Nicoll (Longman ELTC 2000: 121)
- Hip Hip Hooray! B. Eisele (Longman ELTC 2005: 17)

Помимо прецедентных текстов в выборке обнаружены англоязычные названия, опирающиеся на **прецедентную ситуацию**. Например:

1) - Handshake. A Course in Communication. P. Viney (Oxford University Press ELTC 2000:14)

Прецедентность данного названия определяется прецедентным характером ситуации рукопожатия деловых людей при встрече, что усиливает воздействующий потенциал названия данного издания.

2) - High Season. English for the Hotel and Tourist Industry. K. Harding (Oxford University Press ELTC 2000:24)

- First Class. English for Tourism. T. Stott (Oxford University Press ELTC 2000:24)

- Highly Recommended. English for the Hotel and Catering Industry. R. Revell (Oxford University Press ELTC 2000:24)

- At your Service. English for travel and Tourism Industry. T. Stott (Oxford University Press ELTC 2000:24)

Прецедентность названий данных учебных пособий по английскому языку определяется прецедентностью ситуаций и текстов, характерных, главным образом туризм, гостиничный бизнес.

3) - Top 10 - Great Grammar for Great Writing Keith S. Folse, Elena Vestri Solomon (Thompson ELTC 2008: 41)

- Top 20 - Great Grammar for Great Writing Keith S. Folse, Elena Vestri Solomon (Thompson ELTC 2008: 42)

- On the Air! Listening to Radio Talk. C. Sadow (Cambridge University Press ELTC 2002:48) - прецедентной в данном случае является ситуация радиоэфира, которая является базовой для рассматриваемого типа дискурса.

В результате исследования названий из корпуса выборки представляется возможным выделить функционально-семантические характеристики МФТ названий англоязычных учебных и методических пособий, подтверждающих их прецедентный характер:

- широкая известность денотата и его когнитивная и эмоциональная значимость в рамках данного лингвокультурного сообщества;
- наличие коннотаций и ассоциаций, составляющих прагматический компонент значения в лингвокультурном плане;
- употребление в дискурсе в качестве вторичной номинации;

- характеризующая и экспрессивно-оценочная функции в дискурсе;
- способность к ситуативному переходу в имя нарицательное.

Посредством включения прецедентных феноменов в МФТ названий англоязычных учебно-методических пособий происходит комбинирование, взаимодействие и взаимовлияние элементов рекламной и учебной составляющих рассматриваемого дискурсивного пространства. В процессе интерференции учебного и рекламного дискурсов в названиях англоязычных учебно-методических изданий потребитель учебной литературы более полно и точно интерпретирует фрагмент учебного социокультурного контекста, чему в большей степени способствует наличие в нем прецедентных вкраплений.

Список использованной литературы.

1. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д.Б. Гудков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 152с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н.Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264с.
3. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В.В.Красных. – М; ИНДГК «Гнозис», 2002. - 284 с.
4. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128с.

Список источников фактического материала и принятых для них сокращений.

1. Cambridge ELT. Catalogue 2000. English Language Teaching. – Cambridge University Press. –73 p. – Cambridge ELT, 2000.
2. English Language Teaching. Catalogue 2003. – Thompson ELTC 2005 – 56 p. – Thompson ELT, 2005
3. English Language Teaching. Catalogue 2005. – Cambridge University Press. – 71 p. – Cambridge ELT, 2005.
4. Longman English Language Teaching. Catalogue 2005. – Pearson / Longman. – 128 p. –Longman ELT, 2005.
5. English Language Teaching. Catalogue 2000. – Oxford University Press. – 65 p. – Oxford ELT, 2000.

ТЕЛЕСКОПИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В ПЛАНЕ ДИАХРОНИИ

Хрущева О.А.

Оренбургский государственный университет

Процесс создания телескопических единиц является одним из способов словообразования, под которым понимается слияние двух или более самостоятельных исходных слов в единое наименование, форма и значение которого объединяют соответствующие характеристики слов-дериватов¹.

Некоторые примеры телескопизмов можно обнаружить в произведении Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье», в частности, в общеизвестном стихотворении *Jabberwocky* (Бармаглот)²: *galumph* (*gallop* + *triumph*) - идти неровным прерывистым шагом, *chortle* (*chuckle* + *snort*) - сдавленный смех, пофыркивание, *mimsy* (*miserable* + *flimsy*) – чинный, строгий.

В плане диахронии телескопические наименования зафиксированы в среднем и ново-английском периоде. Первый пласт телескопических слов сформировался в недрах разговорной речи и литературного жанра. Второй пласт - современные слова, созданные в области научной терминологии, технических новинок, рекламе, сленге и просторечии.

Дж. Бергстрем в исследовании «*On Blendings of Synonymous or Cognate Expressions in English*»³ приводит примеры первых телескопических слов с XIV по XIX вв. включительно, созданных в английской прозе, ссылаясь на произведения Дж. Чосера, У. Шекспира, журналы "Notes and Queries", "Punch", "Academy", "The Globe", "The Spectator", "T.P.'s Weekly", "The London Opinion", словари New English Dictionary и Farmer-Henley Dictionary. Кроме того, автор анализирует примеры, взятые из устной речи.

Рассмотрим некоторые из единиц, приведенных в исследовании:

- *Ahungry, anhungry* < *ahungered, anhungred* (Early ME. *ofhungerd*) + *hungry*.

Shakspere, (The "Falstaff" Edition, London 1899) M. W. I, 1, 280: I am not a-hungry, I thank you, forsooth.

- *Barsolistor* < *Barrister* + *Sollicitor*.

Punch, 18/12, 1888, 73^a: ...no distinction is known between Barristers and Sollicitors...And that reminds me that once when I was engaged in sweeping out the office of some Barsolistor...I found a draft of a brief...My friend, Mr. Costkilt, having become a Barsolistor...is anxious that every thing should go right.

- *preet* < *pretty* + *sweet*;

prigmadantic < *prig* + *pragmatical?* + *pedantic*;

principalities < *principles* + *qualities*.

Данные единицы относятся к просторечиям; автор отмечает, что они были подслушаны им в разговорах жителей Лондона.

- $Gerrymander < Gerry + Salamander =$ to arrange election districts in a certain manner so as to be able to elect a greater number of representatives than would be fair; to manipulate in order to gain an unfair advantage.

Данный пример иллюстрирует присущий телескопизмам юмористический эффект, причем составляющий его коррелят связан с реальным историческим лицом; в 1812 году губернатор штата Массачусетс Элбридж Джерри изменил границы избирательных округов для получения преимущества на выборах. В результате, по меткому замечанию журналистов, очертания штата стали напоминать саламандру. В связи с чем возникла лексическая единица, объединившая в себе фамилию губернатора и данное земноводное, и обозначающая предвыборные махинации.

- $Eurasia < Europe + Asia$;

При анализе наименований, приведенных в исследовании Дж. Бергстрема, можно заметить, что типология подобных образований достаточно обширна, то есть уже на начальных стадиях развития телескопии как одного из способов словообразования имели место единицы, принадлежащие как к устной, так и письменной, литературной речи, номинативные единицы, обозначающие объекты и предметы окружающей действительности, их качества, определенные действия, а также имена собственные.

Очевиден тот факт, что многие примеры Дж. Бергстрема, являются устаревшими на текущий момент развития языка. Но следует отметить, что это естественный процесс для подобного рода образований. Телескопизмы создаются носителями языка окказионально; с течением времени этимология новообразования может оказаться забытой, подобно тому, как метафорическое значение некоторых фразеологических сочетаний утрачивается.

В настоящее время телескопизмы получают все большее распространение в разнообразных сферах и, как правило, воспринимаются носителями языка как общеупотребительные слова и сочетания; именно по причине широкого распространения и популярности, данные единицы более не относят к периферийным способам словообразования.

Телескопические наименования, основываясь на игре слов и смыслов, зачастую характеризуются юмористическим эффектом, что делает возможным их повсеместное употребление в средствах массовой информации, рекламе, а также в целях брендовой номинации.

К примеру, общеизвестный бренд Adidas, с лингвистической точки зрения, относится к телескопизмам, так как изначально был образован от имени и фамилии создателя фирмы Эдди Дасслера.

В настоящее время некоторые названия организаций, ресторанов и иного рода заведений создаются на базе телескопии; следует отметить, что, для облегчения задачи дешифровки значения, некоторые части созданного наименования отличаются особой графикой:

$Eggs-quizite < eggs + exquisite -$ название ресторана, специализирующегося на разнообразных блюдах из яиц (как правило,

телескопизмы характеризуются односложной структурой, не допуская дефисного написания);

Avant-Card < avant-garde + card – название магазина открыток;

ARTstravaganza < art + extravaganza – название развлекательного заведения (графической особенностью является присутствие в структуре телескопизма заглавных букв, зрительно выделяющих один из коррелятов).

Единицы, обладающие неординарными структурными, фонетическими и смысловыми характеристиками, не могут не привлечь внимание слушателей и читателей. Более того, когда спустя определенное время подобное образование становится привычным для носителей языка и воспринимается, как одно из множества общеупотребительных слов, происходит воспроизведение данных наименований по аналогии или по существующей модели.

Вследствие интенсивных языковых контактов телескопия, будучи исконно английским способом словообразования⁴, отражается и в словообразовательных системах других языков. В частности, во французском языке выделяются следующие телескопические модели:

1. слова на — tique: Monetique < monnai + informatique - электронные деньги;

2. слова на —ciel: Didacticiel < didactique + logiciel - Обучающая программа.

Для русского языка телескопия не является характерным явлением, однако единичные примеры встречаются, например: львигр < лев + тигр; проэзия < проза + поэзия. Некоторые из них заимствованы из английского языка: стагфляция (stagflation < stagnation + inflation), Рейганомика (Reaganomics < Reagan + economics), смог (smog < smoke + fog), мотель (motel < motor + hotel) и другие.

Список использованных источников.

1. Merriam-Webster Online Dictionary. <http://www.merriam-webster.com/>
2. Кэрролл, Л. Алиса в Зазеркалье. На англ. яз. / Л. Кэрролл. – М.: «Менеджер», 2004. – С. 92-93.
3. Bergstrom, G. A. On blendings of synonymous or cognate expressions in English. A contribution to the study of contamination. / G. A. Bergstrom. – LUND, 1906. – P. 205.
4. Английские неологизмы. – Киев: Наукова думка, 1983. – 172 с.